

Источниковедение
ИСТОРИИ
ДОСОВЕТСКОГО
ДАГЕСТАНА

Махачкала 1987

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

902.9 (11-21)
191

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ДОСОВЕТСКОГО ДАГЕСТАНА

Сборник статей

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1987

Ответственный редактор —
доктор исторических наук, профессор *В. Г. Гаджиев*.

Рецензент —
кандидат исторических наук *Ч. М. Гашимов*.

В состав очередного тематического сборника вошли статьи, посвященные изучению источников по истории дореволюционного Дагестана. В них рассматриваются состояние и перспективы источниковедения Дагестана, анализируются конкретные памятники и документальные материалы как средневекового, так и нового времени.

Завершают книгу материалы, посвященные генеологии Дагестана.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей и всех интересующихся проблемами истории досоветского Дагестана.

132430

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

(Вместо введения)

Источник, как известно, это то, с чего начинается любое историческое исследование¹, а источниковедение — отрасль исторической науки, разрабатывающей методику поиска исследования и использования исторических источников. С источниковедением тесно смыкается археография (наука о собирании, описании и публикации документальных памятников), архивоведение (особенно архивная эфрестика), палеография, текстология, коднология, хронология, метрология, сфрагистика, нумизматика, генеология, геральдика, фалеристика и др.² Однако выработать устраивающее всех определение, что такое исторический источник, оказалось сложной и многотрудной задачей. В течение продолжительного времени источниковеды вели жаркие споры и тем не менее до сих пор не смогли выработать приемлемую дефиницию «исторического источника». В последнее время как будто несколько приблизились крайние точки зрения, и большинство исследователей стало признавать историческим источником все то, что источает историческую информацию, всякое явление, могущее быть использованным для познания прошлого человеческого общества³. Принято также исторические источники делить на следующие классы (хотя эта классификация довольно условна): 1) вещественные, 2) этнографические, 3) лингвистические, 4) устные, 5) письменные. При чрезвычайной важности всех этих источников все же «основным, главным для исторического исследования остаются письменные источники», которые считаются фундаментом исторических исследований. Там, где письменные источники отсутствуют, подчеркивал акад. П. Н. Тихомиров, историк бродит в потемках, и на страницах исторических изданий появляются проблемы, слабо восполненные изучением других видов исторических источников⁴. Исключением из этого является только история первобытного строя,

¹ Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев, 1977, с. 214.

² Шмидт С. О. Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников.— В кн.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1983, с. 3.

³ Там же, с. 5.

⁴ Тихомиров М. А. Источниковедение истории СССР. М., 1962, с. 8.

когда в силу известных причин главную, основную роль играют вещественные источники. И то верно, что для изучения источников, правильной характеристики их требуется знание определенных навыков. Более того, в зависимости от повышения теоретических знаний исследователя улучшается не только отбор источников и их обработка, но и извлечение дополнительной информации.

Вместе с развитием научных знаний и новых открытий расширялся и продолжает расширяться круг исторических источников. Как известно, историческая наука не так давно стала широко пользоваться данными археологии, этнографии, астрономии и других наук. И уже совсем недавно появились кино- и фотодокументы, в которых исследователи находят «очень важные для объективного и полного освещения ... исторических событий детали, почему-либо упущенные современниками исследуемых событий и не зафиксированные в письменных источниках»⁵. Со временем совершенствуются и методы исторического исследования. В исторической науке используются достижения других научных дисциплин, в том числе и естественных: математики, химии⁶ и др.

Письменные источники, являющиеся фундаментом исторического исследования, многочисленны, многообразны и многохарактерны. Изучение их не оставляет сомнения в том, что в каждую историческую эпоху возникали новые, специфические источники. Причем, возникнув, как и всякий исторический источник, в «определенных условиях места и времени, в обстановке классовой и политической борьбы, он носит на себе отпечаток именно этих условий, проникнув классовой направленностью и политической устремленностью»⁷.

Марксизм-ленинизм учит: чтобы верно оценить и правильно использовать источник, необходимо прежде всего определить классовую сущность и политическую направленность. В. И. Ленин указывает, что необходимо «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»⁸. Когда же классовые позиции автора умело замаскированы, «когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»⁹.

Возникнув в определенных классовых и политических условиях, исторический источник не оставался неизменным. Мало того, в зависимости от общественно-политической, внешнеполитической об-

⁵ Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1973, с. 369.

⁶ Деоник Д. В., Добров Г. М., Кахх Ю. Ю., Ковальченко Д. И., Паллы Х. Э., Устинов В. А. Количественные и машинные обработки исторической информации. М., 1969, с. 1—2; Селимханов И. Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, с. 4 и др.

⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., т. I, 1948, с. 5.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

⁹ Там же, с. 61.

становки и классовой расстановки сил общества подвергались изменению и источники. Говоря о встречающихся в летописях разночтениях, акад. Б. А. Рыбаков пишет: «Летописцы полемизировали со своими современниками и тенденциозно в угоду своим взглядам переделывали труды предшественников. В этом и трудность обширной библиотеки русских летописцев, в этом и ценность ее, т. к. противоречия убеждений, разных точек зрения отражают всю сложность реальной жизни, все противоречия, конфликты, все многообразие исторической действительности»¹⁰.

В этой связи уместно привести также утверждение акад. Д. С. Лихачева о причинах появления вымысла в источниках: «Появление вымысла в летописях связано с внутренними потребностями развития литературы, в ее самоотдаленности от деловых функций и вызывалось публицистическими задачами. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения к государственной власти. Летопись должна была любыми средствами внушить читателю убеждение в безобидности и святости государственной власти, а не регистрировать (хотя бы и весьма пристрастно) отдельные исторические факты»¹¹. Нередко изменения в источнике вносят и их переписчики. Все это говорит о том, что дошедшие до нас источники, особенно средневекового периода, состоят из разновременных пластов, а также множества вставок, глос и толкований, внесенных сознательно или бессознательно теми или иными лицами, в руках которых они побывали. Следовательно, для получения полной и достоверной информации из источника необходимо прежде всего определить время его возникновения, раскрыть источники самого источника, уяснить, в какой классовой, общественно-политической обстановке возник памятник, определить хронологические пласты. Актуальной задачей источниковедения остается также выяснение, насколько верна изображаемая источником картина реальной действительности. Чаще всего картина эта не адекватна реальной жизни, а является отражением (вольным и невольным) взглядов, вкусов, кругозора, степени осведомленности, симпатий и антипатий составителя источника¹². Следовательно, любые источники, даже фотографирующие реальную действительность, требуют критического подхода. Естественно, это многотрудная и многосложная задача, которую необходимо преодолеть историку. Следует также подчеркнуть, что исторический памятник существует объективно и независимо от изучающего его историка после того, как источниковед сделал его доступным исследователям.

В результате изучения и анализа исторических источников, а также синтеза научного источниковедческого познания появляется на свет историческое исследование, основанное на изуче-

¹⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 4.

¹¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. М., 1973, с. 130.

¹² Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 4.

нии исторических источников, внеисточниковом знании и использовании предшествующей литературы¹³. Общеизвестно, что важное значение имеют классификация и систематизация письменных источников. Однако классифицировать и определять их виды, типы, группы оказалось чрезвычайно сложно. Этим, пожалуй, и объясняются продолжавшиеся по этому поводу споры между источникововедами.

Наиболее приемлемой, как признает большинство отечественных исследователей, является система классификации источников, выдвинутая Л. Н. Пушкаревым. Некоторые уточнения в эту схему вносит А. П. Пронштейн, который считает излишним делить источники на два рода¹⁴. Ряд источниковедов полагает также, что отдельные виды источников могут существовать в пределах определенной эпохи¹⁵. Касаясь этого вопроса, А. П. Пронштейн пишет, что «это мнение должно быть принято; едва ли имеются достаточные основания для того, чтобы замыкать деление письменных источников на виды в пределах сравнительно небольших исторических периодов»¹⁶. Однако он исходит из того, что «источники возникли в результате общественной деятельности людей и, прежде чем стать материалом для исторических исследований, выполняли для современников функции документов и законов, обеспечивающих интересы различных социальных групп, или являлись частью событий того времени, записью или отражением их в какой-либо иной форме»¹⁷. Поэтому важнейшей задачей источниковедения является: руководствуясь марксистско-ленинской методологией, раскрыть закономерности появления и отмирания источников, ибо «каждому общественному строю присущ свой особый круг исторических источников, содержание которых определяется своеобразием, свойственным базису и надстройке данного общественного строя, а внешняя форма зависит от соответствующего уровня материальной культуры и техники письма»¹⁸.

Источники истории Дагестана по своему происхождению многообразны. Это древние переднеазиатские и греко-латинские, персональные и арабоязычные, армянские, грузинские, западно-европейские, русские источники и источники местного дагестанского происхождения.

Естественно, научная значимость этих источников не равнозначна. В плане нашего анализа важно подчеркнуть, что изучение их началось в дооктябрьский период. Причем приоритет в этом очень важном для развития дагестановедения деле принадлежит русской

¹³ Пушкарев Л. Н. Ленинская теория отражения и понятия исторического источника. — В кн.: Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985, с. 20.

¹⁴ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 188—230.

¹⁵ Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Ростов-на-Дону, 1976, с. 44—45.

¹⁶ Пронштейн А. П. Указ. соч., с. 47.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Люблинская А. Д. Источниковедение средних веков. Л., 1955, с. 6.

историко-этнографической науке. Однако процесс становления источниковедения Дагестана как важнейшей отрасли исторической науки еще не завершился. Если мысленно обозреть пройденный путь, то, очевидно, мы должны признать, что в дореволюционный период дагестановеды ограничивались выявлением и публикацией отдельных источников и в лучшем случае их комментированием. Установлено, что еще в XVIII в. была предпринята попытка перевести на русский язык преподнесенный Петру I в 1722 г. как дорогой подарок манускрипт «Дербент-Наме»¹⁹. В начале XIX в. начато было издание этого памятника в Тбилиси в переводе А.-К. Бакиханова²⁰. Однако полный текст источника (факсимиле на тюркском и перевод на английский) с приложением хроники «Тарихи Дагестан» и др., с довольно обширными и интересными во многих отношениях комментариями был издан М. Казем-беком в середине XIX в. в Петербурге²¹. А в переводе на русский язык этот источник был опубликован лишь в конце XIX в.²²

Тогда же были опубликованы обнаруженные в записи памятники обычного права²³, адаты некоторых народов Дагестана. В газетах «Тифлиские ведомости», «Кавказ», «Каспий» и др., в сборниках сведений о кавказских горцах, в сборниках для описания местностей и племен Кавказа и других периодических изданиях был опубликован ряд этнографических памятников, а также содержащие ценную информацию, хотя и в завуалированной художественно-поэтической оболочке, памятники устного народного творчества Дагестана. Осуществлено было издание ряда документальных публикаций, из которых наиболее значимой является 12-томное издание «Актów кавказской археографической комиссии» (Тифлис, 1866, 1904). Эта огромная по объему публикация, несмотря на существенные недостатки, особенно по отбору документального материала, говоря словами проф. Полиевктова М. А., «имела огромное значение для исторической науки»²⁴. Однако кавказская администрация в конце XIX—начале XX в. наибольшее внимание уделяла сбору и систематизации адатно-правовых норм Дагестана. К сожалению, при публикации адатно-правовых норм был допущен ряд неточностей, ошибок и искажений. Но об этом разговор особый. Здесь же важно подчеркнуть, что в дореволюционное время предпринималось изучение адатов в Дагестане,

¹⁹ См.: Гаджиев В. Г. О русском переводе «Дербент-Наме» — ВИД, вып. III. Махачкала, 1975, с. 253.

²⁰ Там же, с. 254—256.

²¹ *Derbend Nameh of the History of Derbend*, translated from a select turkish version and published with the text and with notes, illustrative of the History. geography, antiquities occuring throughout the work by Mirsa A Kasem-beg. SPb, 1851.

²² Тарихи Дербент-Наме /Под ред. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

²³ Постановление Кайтагского удмия Рустем-хана.— ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, с. 80—88.

²⁴ Полиевков М. А. Кавказская Археографическая комиссия и ее наследие в центральные СССР Грузии. «Bulletin historique», кн. 2. Тифлис, 1925, с. 105—106.

среди которых выделяется крупное по объему и глубокое по охвату вопросов монографическое исследование выдающегося дореволюционного ученого М. М. Ковалевского, творчеству которого посвящена солидная литература.

Подлинно научное изучение истории народов Дагестана, как неоднократно подчеркивалось, началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в начале своего пути историческая наука ощущала острую необходимость усиления источниковой базы. С этой целью еще в 30-х годах был начат сбор письменных и иных источников. В этом направлении большую и очень ценную поисковую работу провели сотрудники открытого в 1924 г. Института национальной культуры и краеведческого музея, а также участники многочисленных экспедиций Академии наук СССР и других центральных научных учреждений. Именно собранный с любовью большой разнохарактерный материал составил основу Рукописного фонда Института истории, языка и литературы АН СССР, превратившегося в наше время в крупное хранилище, в фондах которого сосредоточены различного рода и происхождения источники. В довоенное время был издан ряд адатов, нарративных источников, осуществлена публикация документальных материалов²⁵. В периодической печати появилось большое число воспоминаний участников революционных событий 1905—1907 гг., Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Дагестане²⁶ и другие источники.

Следует однако подчеркнуть, что в описываемое время специальных источниковедных исследований не проводилось. Каждый автор, разрабатывающий ту или иную проблему истории народов Дагестана, выступал в роли источниковеда, поскольку он систематизировал выявленные источники и вырабатывал для себя метод их обработки. Только в 1934 г. была опубликована специальная статья, посвященная классификации источников движения горцев под водительством Шамиля. Следует особо быть отмеченной и публикация в переводе с арабского на русский А. М. Барабанова под наблюдением акад. И. Ю. Крачковского «Хроники Мухаммеда ал-Карахи» (М.; Л.). В предисловии, написанном академиком И. Ю. Крачковским, и во «Введении» к изданию переводчика дана оценка этому интересному источнику. Некоторые источниковедные характеристики содержали также труды В. С. Юшкова, С. К. Бушуева и особенно В. В. Бартольда.

Естественно, что вся эта работа сыграла большую роль в развитии историографии Дагестана. Однако наибольшее число источников по истории Дагестана издано начиная с середины 50-х годов. В центральных и местных издательствах были осуществлены издания ценных документальных и повествовательных источников.

²⁵ Алибеков М. Адаты кумыков. Махачкала, 1927; Ал-Карахи. Три имама. Махачкала.—СМОМИПК, вып. 46. Махачкала, 1927; Материалы по истории Дагестана и Чечни (пер. пол. XIX в.) Махачкала, 1940.

²⁶ Библиографию см. в кн.: Гордовцкий Б. М. Дагестан в советской литературе. Махачкала, 1933.

Особо следует отметить публикаторскую деятельность проф. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева²⁷, книги которых стали настольными для целого поколения дагестановедов. Очень важное значение для развития историографии республики сыграло издание сборника документов «Русско-дагестанские отношения в XVI—первой четверти XVIII в.» (Махачкала, 1958). Определенную лепту в изучение истории борьбы горцев Дагестана в первой половине XIX в.²⁸ внесла публикация крупной работы, посвященной этой сложной проблеме. В те годы было издано несколько важных в научном отношении источниковедных статей, написанных проф. М. О. Косвеном.

В последнее двадцатилетие было издано большое число весьма ценных источников дагестанского, восточного и западно-европейского происхождения, опубликованы своды эпиграфических памятников²⁹.

В. И. Ленин указывал: «Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться... Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»³⁰. Это значит, что в деятельности наших исследователей необходимо сосредоточить силы и внимание на выявлении новых источников. Причем настало время вести поисковую работу не только в самом Дагестане, в центральных и кавказских архивах, но и в архивохранилищах иностранных государств. Мы располагаем сведениями о том, что материалы по истории народов Дагестана хранятся в собраниях ближневосточных стран, в архивах Англии, Франции, Болгарии и других европейских государств.

²⁷ История, этнография, география. /Сост. М. О. Косвен, Х.-М. Хашаев. М., 1958; Косвен М. О. Этнография истории Кавказа. М., 1961 и др.; Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX в. /Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1965; Феодальные отношения в Дагестане XIX—нач. XX в. /Сост. Х.-М. Хашаев. М., 1969.

²⁸ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Махачкала, 1959.

²⁹ Магомедов Р. М. Памятник обычного права даргинцев. Махачкала, 1964; Из истории права народов Дагестана. /Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Дербент-Наме.— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980; Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи (К вопросу об изучении).— В кн.: Письменные памятники Востока. М., 1977; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984; Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV—XVII в.— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980; Гаджиев В. Г. Материалы по истории Средневекового Дагестана.— В кн.: Развитие феодальных отношений Дагестана. Махачкала, 1980; Он же. Документы по истории Дагестана.— ВИД, вып. 2. Махачкала, 1975; Он же. Дербент-Наме Мирза Хайдар Визирова.— ВИД, вып. 2. Махачкала, 1975; Он же. Абдурахман и его воспоминания.— В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана; Махачкала, 1976; Он же. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

³⁰ Ленин В. И. Пол. собр. соч., т. 30, с. 350—351.

Выявление, описание, систематизация этих материалов является насущной задачей источниковедов Дагестана.

В ближайшее время следовало бы подготовить и издать обзор имеющихся источников по истории Дагестана. В связи с этим крайне необходимо усилить работу над составлением полной библиографии истории Дагестана. В то же время перед источниковедами республики стоит хотя и очень сложная, но крайне необходимая проблема: описание и оценка фондохранилищ и собраний по истории народов республики. Важнейшей задачей дагестановедов является разработка принципов перевода на русский язык и издание кавказских, местных, арабоязычных, восточных и западноевропейских источников. Желательно было бы подготовить и издать корпус древних источников, имеющих касательство к истории Дагестана. Следует также усилить издание документальных материалов, с тем чтобы подготовить и издать отвечающие современному археографическому уровню публикации, посвященные освещению важнейших проблем истории досоветского Дагестана, таких как вхождение народов Дагестана в состав России, взаимоотношения Дагестана с народами Кавказа, прогрессивные последствия вхождения Дагестана в состав России, история крестьянства и развития сельского хозяйства, проникновение и развитие капиталистических отношений, формирование рабочего класса, формирование интеллигенции, просветительское движение, история культуры, Дагестан в период назревания революционного кризиса и др. Естественно, что эта очень сложная как в смысле разработки, так и издания работа потребует значительного времени и затрат. Однако осуществление этого перспективного плана будет иметь чрезвычайно важное значение в развитии исторической науки Дагестана.

В центре наших исследований следует также поставить разработку конкретных проблем археографии, дипломатики, кодологии, палеографии, текстологии, генеологии, германистики, фалеристики и других специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Надо усилить исследование конкретных источников, притом не только вновь обнаруженных, но и «старых», с тем чтобы извлечь из них максимум необходимой информации. Среди письменных источников для изучения целого ряда вопросов раннесредневекового Дагестана, говоря словами акад. И. Ю. Крачковского, арабская географическая литература «является или единственным или важнейшим источником»³¹. Действительно, сочинения арабо-язычных авторов содержат драгоценные для истории средневекового Дагестана сведения. Вместе с тем эти сочинения, как и все источники, необходимо рассматривать критически. «Внимательный просмотр раннесредневековой географической литературы на арабском и персидском языках,— писал видный советский ориенталист проф. Б. Н. Заходер,— приводит нас к еще более решительным выводам: авторы, биографические данные которых позволяют высказывать предположение об их реальном и оригинальном

³¹ Крачковский Ю. И. Соч. т. IV.

участи в приписываемом им сочинении, чрезвычайно редки. Подавляющее большинство авторов географических сочинений — компиляторы: ни рассмотрение их собственных сочинений, ни какие-либо иные данные вне этих сочинений не позволяют «в малейшей мере обоснованно утверждать их самостоятельность и оригинальность». Если к тому же иметь в виду то обстоятельство, что большинство «этих сочинений дошло до нас в плохой текстовой сохранности и что значительная часть зачастую в очень поздней и, естественно, искаженной переписке», то станет очевидной необходимостью их критического изучения. При этом проф. Б. Н. Заходер считает необходимым извещать «сравнительно текстологический» анализ и даже «превратить его в обязательный инструмент исследования»³². Между тем, дагестановеды, особенно молодые, не только полностью доверяют арабоязычным авторам средневековья, но и, пользуясь непроверенными их показаниями, пытаются делать широкие обобщения, что, естественно, приводит к непредвиденным ошибкам. Чтобы избежать такое, необходимо установление атрибуции памятника и его анализ всеми методами современного источниковедения. Известно также, что дагестановеды довольно часто обращаются к европейским источникам. Однако использование их значительно затруднено. Дело в том, что многие из изданных, особенно в дореволюционное время, сочинений европейских авторов стали библиографической редкостью, в силу чего не всем авторам они доступны. Дело осложняет и так называемый языковой барьер. Учитывая все это, в отделе истории досоветского периода ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР подготовили объемистую публикацию «Дагестан в известиях западноевропейских авторов XVIII в.» Стоит задача ее издать. Однако дело не только в этом. Крайне важно подвергнуть эти работы источниковедческому анализу. Необходимо раскрыть источники этих сочинений, точно определить, откуда их авторы черпали данные, содержащиеся в их сочинениях. Даже в том случае, когда они были очевидцами описываемых событий, необходимо рассматривать эти сведения критически. Не секрет ведь, что иностранцы, оказавшись в новой для них природной и культурной среде, встретившись с непонятными им явлениями, часто проявляют национальную ограниченность, оказываются классово-пристрастными в описании тех или иных событий. К тому же они воспринимают реальную действительность в зависимости от общей подготовленности, мировоззрения и мироощущения. Кроме того, в большей степени иностранцы зависимы от информатора их знаний, общественных позиций и иных обстоятельств. Из сказанного вытекает один вывод: чтобы сведениями иностранных авторов можно было широко пользоваться, необходимо подвергнуть их всестороннему анализу, посвятив наиболее ценным из них специальные монографические статьи или даже монографии.

³² Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 6—7.

Общезвестно также, что письменные источники не отражают все события прошлого и даже не освещают весь поступательный процесс затрагиваемых явлений. Этими «стабильными пробелами» особенно страдают источники местного происхождения. В них почти или совсем не отражаются события социальной борьбы, не освещаются повседневные добрососедские отношения народов Дагестана с другими народами Кавказа. Более того, в «хрониках», возникших в среде феодальных кругов, эти и другие важнейшие для воссоздания правдивой картины сведения, как правило, находят искаженное отражение. Естественно, что некритическое использование таких хроник неизбежно может привести к искажению событий прошлого. Вот почему при определении достоверности данных источника, как указывалось выше, надо учитывать особенности классовой, государственной, национальной, культурной принадлежности создателя источника, не упускать из виду характерные черты эпохи.

В ближайшем будущем вместе с усилением конкретно-историко-краеведческих исследований необходимо начать широким фронтом изучение теоретических и методологических проблем источниковедения, анализ источниковедческих приемов на местном материале. Интенсивную работу следует вести и по разработке специальных и вспомогательных исторических дисциплин. Короче говоря, научная значимость источниковедения требует к себе особого подхода, с тем чтобы в ближайшее время она заняла подобающее ей место и в дагестановедных изысканиях.

В этом направлении как ближайшая задача историков республики может быть выдвинута подготовка и издание обобщающего труда «Очерки источниковедения истории Дагестана». Совершенно очевидно, что эту работу должен предварить ряд конкретных публикаций по источниковедению. Первой пробой в этом плане может служить предлагаемый вниманию читателей сборник «Источниковедение истории досоветского Дагестана». В нем помещены статьи, написанные в основном сотрудниками сектора, рассказывающие об источниках истории крестьянства, союзов сельских общин, социальной борьбы, культуры народов дореволюционного Дагестана.

Авторский коллектив ясно представляет себе, что не все положения статей сборника будут приняты читателями безоговорочно, а некоторые выводы, изложенные в них, являются предварительными.

В. Г. Гаджиев

М.-С. К. Умаханов

ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ БОРЬБЕ В ДАГЕСТАНЕ (XV—XVIII вв.)

Ф. Энгельс в своей знаменитой работе «Диалектика природы» писал: «Мы все согласны с тем, что в любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов...»¹. Это высказывание Ф. Энгельса обязывает любого исследователя к тщательному анализу источников, к аргументации всех выводов и положений фактическими данными.

При этом принципиально важное значение имеет указание В. И. Ленина на необходимость создавать фундамент любого исследования «из точных и бесспорных фактов». Называя «выхватывание отдельных фактиков» несостоятельным приемом «в области явлений общественных»², В. И. Ленин указывал на необходимость «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня для оправдания, может быть, грязного дела»³.

Обращая внимание на то, что «домарксовская социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»⁴, В. И. Ленин указывал на необходимость критического комплексного использования, сравнения и сопоставления всех имеющихся фактов по рассматриваемому вопросу. При этом В. И. Ленин требовал, чтобы факты «были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы: Статьи и главы. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 370.

² Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

³ Там же, с. 351.

⁴ Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития»⁵.

Чтобы исследование отвечало этим требованиям марксистско-ленинской методологии, оно должно опираться на широкий круг источников.

Источники подразделяются на письменные, вещественные, этнографические, фольклорные, лингвистические и т. д. и включают в себя «все, созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности, идеологии, нравов, обычаев, языка»⁶. От количества и качества дошедших до нас от разных эпох источников зависит наше познание этих эпох. Задача исследователя заключается в умелом извлечении из них информации, необходимой для освещения поставленной перед ним проблемы. При анализе любого источника важно установление его автора, происхождения, времени, места, цели и обстоятельств составления; установление полноты сведений, их достоверности и точности, определение политической направленности и классовой сущности; установление суммы сведений, относящихся к теме исследования.

Среди не очень широкого круга источников для раскрытия рассматриваемой проблемы главную ценность представляют письменные источники. Они выявляются, как правило, в архивохранилищах или у частных лиц. Основным требованием к ним остается их подлинность и отражение ими событий исследуемой эпохи или разных аспектов изучаемой проблемы.

Письменных источников, на основе которых можно было бы осветить проблему социальной борьбы крестьянства Дагестана XV—XVIII вв., недостаточно. Лишь отдельные аспекты этой проблемы можно раскрыть на основе их использования.

Архивные материалы, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме, хранятся в разных архивохранилищах страны. К наиболее раннему периоду относятся материалы фонда «Сношения России с Персией» Центрального государственного архива древних актов. По своему характеру это — статейные списки русских послов, донесения и отписки терских воевод в Посольский приказ об их взаимоотношениях с дагестанскими и другими северокавказскими владельцами, о конфликтах между ними, об обращениях горских правителей с просьбой о принятии их под покровительство России. Эти материалы характеризуют политическую обстановку в Дагестане периода XV—XVII вв., в которой развертывалась социальная борьба крестьянских масс.

Часть архивных материалов из ЦГАДА, имеющих отношение к дагестанско-русским взаимоотношениям, а также к рассматриваемой проблеме, опубликована Р. Г. Маршаевым в сборнике

⁵ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

⁶ СИЭ, т. 6, с. 591.

документов и материалов⁷. Для выяснения политической ситуации, в которой происходила антифеодалная борьба дагестанского крестьянства в XV—XVII вв., определенное значение имеют и сборники архивных материалов и документов, изданные С. А. Белокуровым⁸ и Н. И. Веселовским⁹.

Большое влияние на социальную борьбу дагестанского крестьянства в XVIII в. оказали внешнеполитического порядка факторы, в частности «персидский» поход Петра I, а также поход русских войск в Дербент в 1796 г. под предводительством В. А. Зубова. В ЦГВИА (Центр. госуд. военно-историч. архив) хранится много дел, содержащих ценные сведения по этим событиям¹⁰, которые в значительной мере отвлекли горцев Дагестана от проблем социального плана. В частности, во время похода Петра I в Прикаспий уцмий и утемышский султан собрали 16 тыс. человек для оказания сопротивления царским войскам¹¹.

Наиболее интересны в рассматриваемом аспекте материалы фонда «Кизлярский комендант» ЦГА ДАССР, в котором отложились архивные дела XVIII в. По своему характеру эти документы представляют собой письма дагестанских правителей, донесения представителей царской администрации, рапорты и донесения начальников караулов о беглых, сообщения отдельных должностных лиц кизлярским комендантам о событиях в Дагестане.

Особенно выделяются письма горских владетелей кизлярским комендантам с сообщением о побеге от них их подданных и с просьбой вернуть последних и прихваченное ими добро обратно. Большинство из них в архиве сохранилось довольно хорошо, имеется как в подлиннике (арабская графика), так и в переводе на русский язык. Таких писем довольно много; они разбросаны по делам фонда¹². Их ценность заключается в том, что они позволяют документировать и датировать такую распространенную в Дагестане в феодальную эпоху форму социальной борьбы зависимых категорий населения, как побеги за пределы Дагестана¹³. Эти материалы позволяют установить не только социальное положение и количество беглых, но и причины, время, цели и способы

⁷ Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII в. /Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

⁸ Сношения России с Кавказом.—Материалы, извлеченные С. А. Белокуровым из Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889.

⁹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией /Под ред. Н. И. Веселовского. В 3 т. СПб., 1890, т. 1; 1892, т. 2; 1898, т. 3.

¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540 (Поход императора Петра Великого в Персию с 1722 по 1735 г.); ф. 52, оп. 1, д. 263; ф. 52, оп. 1/194, д. 263; ф. 52, оп. 1/194, д. 483; ф. 52, оп. 1/194, д. 218; ф. ВУА, д. 2801; ф. ВУА, д. 2802.

¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 6.

¹² См., в частности, ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 16, л. 28, 32, 47, 58, 66, 81, 94; д. 225, л. 6, 7, 12, 15. Список можно продолжить при желании.

¹³ Подробно см.: Умаханов М.-С. К. Побег как одна из форм антифеодалной борьбы в Дагестане (XVII—XVIII вв.).—В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. /Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1983.

совершения побега, величину стоимости унесенного ими при побеге от хозяина имущества. Документально подтверждается в ряде случаев и этническая принадлежность беглых. Среди беглых преобладали военнопленные, купленные (ясыры) или доморощенные («домородные») холопы, чагары, райяты. Материалы этого фонда содержат сведения о беглых не только из Дагестана, но и из других частей Северного Кавказа (Кабарда, Чечня и т. д.). Зависимые категории населения бежали в одиночку, группой в 2—3 человека, парами, семьями¹⁴. Бежали мужчины и женщины.

Материалы фонда «Кизлярский комендант» свидетельствуют о важности вопроса о возврате беглых. В этот вопрос были втянуты владельцы, от которых бежали их подвластные, и царская администрация на Северном Кавказе¹⁵. Царское правительство выработало несколько инструкций для урегулирования взаимоотношений с северокавказскими, в том числе и дагестанскими, владельцами по вопросу о беглых. В 1744 г. к кизлярскому коменданту А. П. Девицу поступил указ¹⁶ «самодержицы всероссийской», предписывавший всех беглых или записывать в казаки, или отправлять в Тамбов и Козлов, но не оставлять ни в Кизляре, ни в Астрахани. За беглых нехристиан их хозяевам по этому указу предусматривалась выдача по 30 рублей за каждую душу.

Более подробно с учетом происшедших в XVIII в. перемен вопрос о беглых регулировался царским указом от 1783 г. кизлярскому коменданту П. И. Вешнякову, в котором предлагалось за каждого беглого христианина «чинить заплату за каждую душу без разбора пола и возраста кабардинцам по пятидесяти, а кумыкам по двадцати пяти рублей»¹⁷. Беглых мусульман, если они принимали христианство, не выдавали хозяевам, а отправляли в Тамбовскую область или в Козлов «на пашню»¹⁸, а беглых армян и грузин рекомендовалось «оставлять жить в Астрахани или в Кизляре, или же где они сами похотят»¹⁹. Однако эти условия не всегда соблюдались, что вызывало массу протестов со стороны дагестанских и других северокавказских владельцев. Они требовали за каждого беглого деньги или возврата обратно, высказывая опасения, что в противном случае у них «холопей никого не останется»²⁰.

Большую ценность представляют сведения из дел рассматриваемого фонда ЦГА ДАССР о побеге в середине XVIII в. 200 дворов терекмейцев и 80 дворов евреев из Кайтага под покровительство эндерейских князей. Подтверждая этот встречающийся в ис-

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 16, л. 32, 55, 80, 94; ф. 379, оп. 1, д. 225, л. 12—13, 20; д. 13, л. 3; д. 125, л. 20, 21, 26, 29; д. 566, л. 31.

¹⁵ Там же, д. 226, л. 66; д. 249, л. 49, 51; д. 260, л. 5, 19; д. 377, л. 25; д. 436, л. 76; д. 596, л. 62.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 116, л. 65—73.

¹⁷ Там же, д. 1196, л. 1.

¹⁸ Там же, д. 116, л. 65—66.

¹⁹ Там же, л. 66.

²⁰ Там же, д. 355, л. 13.

торической литературе факт²¹, выявленные из фонда «Кизлярский комендант» материалы²² позволяют значительно углубить его трактовку, дают и дополнительную информацию о взаимоотношениях между северокумыкскими владельцами и уцмием Кайтага, о внутриадагестанских побегах крестьян. В частности, они свидетельствуют о побеге «до трех сот дворов»²³ подданных засулакских феодальных владельцев в Кайтагское уцмийство. Эти архивные данные позволили нам придти к выводу о том, что от гнета уцмий под покровительство эндерейских владельцев бежало около полутора тысяч человек²⁴.

В материалах фонда «Дербентский комендант» ЦГА ДАССР сосредоточено много писем и рапортов на имя коменданта Дербента в первой трети XVIII в. В ряде из них встречаются сообщения о беглых — подвластных местных феодалов²⁵.

В целом архивные материалы как из фонда «Кизлярский комендант», так и из фонда «Дербентский комендант» являются источниками, позволяющими проследить в достаточной мере распространенность в Дагестане антифеодальных побегов, их социальный характер. Эти архивные источники позволяют документировать события XVII—XVIII в. Однако в них нет сведений о каких-либо антифеодальных вооруженных выступлениях, имевших место в Дагестане в XV—XVIII в.

Серьезным источником по социальной борьбе народов Дагестана в XV—XVIII вв. являются нормы обычного права, которые по мере развития общественных отношений пополнялись новыми статьями, приспособлялись социальными верхами для защиты их классовых интересов, их жизни и имущества. Нормы обычного права стали предметом специального изучения. Они привлекали внимание еще дореволюционных исследователей, сделавших очень много для их сбора, фиксации и публикации.

Из дореволюционных исследователей особенно заметен вклад Ф. И. Леонтовича. Во втором выпуске его труда²⁶ есть раздел, посвященный адатам кумыков, описанию их гражданского быта. Нормы обычного права кумыков отразили в своей основе глубокую социальную градацию кумыкского общества, господствующее положение феодальных сословий и тяжелое социально-экономиче-

²¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. II. СПб., 1889, с. 255; Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957, с. 296, 305; История Дагестана, т. I, с. 334.

²² ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 1, д. 225, л. 84—89; д. 226, л. 56; д. 464, л. 66—68.

²³ Там же, д. 464, л. 66.

²⁴ Умаханов М.-С. К. Побег как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII—XVIII вв.)— В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983, с. 39.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 18, оп. 1, д. 3, л. 3; д. 12, л. 9—10; д. 13, л. 6; д. 146; л. 1.

²⁶ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882, вып. I; 1883, вып. II.

ское положение чагаров, райят²⁷. Особенно выпукло социальная дифференциация кумыков отразилась в «Сборнике адатов жителей Кумыкского округа 1865 г.»²⁸ из этого выпуска.

В «Сборниках сведений о кавказских горцах» в дооктябрьский период были изданы адаты ряда народов Дагестана, в частности «Адаты и судопроизводство по ним» (с приложениями)²⁹, «Адаты жителей Кумыкской плоскости»³⁰, «Адаты даргинских обществ»³¹, «Адаты южнодагестанских обществ»³².

Адаты аварцев вошли в сборник «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа»³³. В него же вошли адаты Казикумухского и Андийского округов. Однако дореволюционные издатели не в состоянии были собрать и издать адаты всех обществ и народов Дагестана, хотя они и проделали колоссальную работу по сбору норм обычного права горцев Дагестана, сохранив этот ценнейший источник по многим вопросам истории и культуры народов Дагестана.

Значительно пополнили пробелы этого типа источников сборники обычного права, изданные в советское время. В 1957 г. были изданы Х.-М. Хашаевым и М.-С. Саидовым адаты Гидатлинского союза сельских обществ³⁴. Х.-М. Хашаевым на основе архивных материалов был составлен и издан интересный и весьма содержательный сборник норм обычного права³⁵. Несколько позднее А. С. Омаровым были опубликованы часть известных ранее адатов, а также вновь собранные и выявленные в Рукописном фонде Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР адатно-правовые нормы многих сельских обществ Дагестана³⁶. Однако и поныне нельзя утверждать, что адаты всех народов Дагестана достаточно полно собраны и изданы.

Ценность адатно-правовых норм как источника для освещения проблемы социальной борьбы в феодальном Дагестане заключается в том, что в них отразилась как социальная дифференциация дагестанского общества (и в феодальных владениях, и в союзах сельских обществ), так и различные формы классовой борьбы зависимых категорий населения. Для многих сельских обществ стали обычными нормами жизни соглашения о совместных выступлениях против местных и соседних феодальных правителей. «Постановления» уцмий Рустам-хана содержат запрет завещания име-

27 Там же, вып. II, с. 185—187, 192—193.

28 Там же, с. 212—224.

29 ССКГ, 1868, вып. I, с. 88.

30 Там же, 1872, вып. IV, с. 20.

31 Там же, 1873, вып. VII, с. 128.

32 Там же, 1875, вып. VIII, с. 72.

33 Адаты Дагестанской области и Закатальского округа /Под ред. И.Я. Сандригаило. Тифлис, 1899, 622 с.

34 Гидатлинские адаты. Махачкала, 1957.

35 Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. М., 1965, с. 269.

36 Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы. Махачкала, 1968, с. 240.

ния в пользу бека или чанки под угрозой изгнания из села, объявляют все сельские общества придти на помощь обществу, которое притеснял бек³⁷. Штраф в 100 баранов налагался согласно адатам Андалальского союза сельских обществ на человека, давшего выгодные беку или «эмиру» свидетельские показания³⁸. Жители селений Чох и Цудахар договорились взыскивать по одному быку в качестве штрафа с лиц, оказавших помощь «султану»³⁹. Жители лакского села Убра договорились о совместных действиях против хана и его нукеров⁴⁰. Четкая регламентация нормами обычного права наказаний за оскорбление феодальных правителей или их нукеров⁴¹, за выступления против них, за хищение имущества⁴², за поджоги⁴³, за кровную месть и т. д. с учетом социального положения как виновного, так и пострадавшего свидетельствует о том, что в рассматриваемый период социальные противоречия в Дагестане проявлялись в разнообразных формах. Классовая же суть изменений норм обычного права сводилась к приспособлению их для защиты социальных интересов феодального сословия в феодальных владениях, а также общинной верхушки в союзах сельских обществ. Недостатком норм обычного права как источника для освещения социальной борьбы дагестанского крестьянства является то, что, опираясь на них, невозможно датировать конкретно те или иные события, анализировать их всесторонне. Они дают представление об общих чертах, тенденциях рассматриваемого явления. О бытовании таких форм социальной борьбы в Дагестане в рассматриваемое время, как поджоги, хищение и порча имущества социальных верхов, оскорбление их словом можно говорить, только ссылаясь на нормы обычного права, поскольку нет других источников по этому вопросу.

В них же отразились в своеобразной форме и имевшие в Дагестане место антифеодальные вооруженные выступления зависимых категорий населения, нередко приводившие к физическому истреблению отдельных представителей феодального сословия. Не случайно адаты требовали смерти покушавшегося на жизнь феодального правителя или владельца⁴⁴. Однако конкретизировать, детализировать и датировать на основе лишь норм обычного права антифеодальные выступления зависимых категорий населения не представляется возможным.

Этот пробел адатно-правовых норм во многом позволяют восполнить местные письменные источники, представляющие собой надписи на полях арабоязычных рукописей о событиях, имевших

37 ССКГ, вып. I, с. 87—88.

38 Памятники обычного права..., с. 63.

39 Из истории права народов Дагестана, с. 221.

40 Там же, с. 223.

41 Там же, с. 147—148.

42 Памятники обычного права..., с. 266; Из истории права народов Дагестана, с. 150, 176—177.

43 Памятники обычного права..., с. 64, 95, 139, 167, 168; Адаты даргинских обществ — ССКГ, в. VII, с. 27, 55, 68, 81, 95, 122.

44 Из истории права народов Дагестана, с. 148, 157—158.

место в Дагестане. Много таких ценных записей в переводе на русский язык опубликовано А. Р. Шихсаидовым⁴⁵. В рассматриваемом аспекте интерес представляют хронологические записи Рамазана ал-Куштили, которые написаны на основе источников, «надежность и достоверность» которых, по мнению А. Р. Шихсаидова, «не должны подлежать сомнению». В них содержится запись (тарих) о сражении табасаранцев со своими амирами, в ходе которого «чернь убила своих амиров и избрала (своим правителем) Мавсум-хана из селения Джараг в тысяча сороковым году хиджры», т. е. в 1630—1631 гг.⁴⁶

Определенный интерес представляют в этом плане и разыскания Т. М. Айтберова⁴⁷, введшего в научный оборот ряд новых источников рассматриваемой эпохи.

Тут же нужно сказать и о таком ценном источнике, надежность которого вне сомнения, как эпиграфические памятники, представляющие собой надписи, сохранившиеся на надмогильных стелах, на стенах общественных и жилых построек и т. д. Много эпиграфических памятников исследуемого периода выявлено, переведено на русский язык и издано с обстоятельными комментариями А. Р. Шихсаидовым⁴⁸, а также Л. И. Лавровым⁴⁹. Значение эпиграфических памятников в том, что они отразили как разные формы антифеодальной борьбы горских народов, так и социальное расслоение дагестанского общества рассматриваемого периода. Особенно интересны в этом плане памятники, выявленные на территории бывших союзов сельских обществ и отразившие в своеобразной форме расслоение населения на «знатных», «влиятельных», на «украшение всадников» и т. д.

Указанные источники также не позволяют в достаточно полной мере осветить весь круг вопросов по социальной борьбе дагестанского крестьянства феодальной эпохи. Здесь в первую очередь нужно говорить о таких вопросах, как формы и виды социальной борьбы союзов сельских обществ против натиска соседних феодальных правителей, стремившихся навязать свое господство союзам сельских обществ с целью взимания с них феодальных податей. Это же можно сказать и относительно социальных противоречий в союзах сельских обществ.

Важное значение для раскрытия проблемы антифеодальной борьбы дагестанского крестьянства в XV—XVIII в. имеет и такой важный источник исторической информации, как историко-этногра-

⁴⁵ См.: Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана.— Уч. зап. ИИЯЛ, 1961, т. 9, с. 137—154; Он же. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

⁴⁶ Шихсаидов А. Р. Новые данные..., с. 144—146.

⁴⁷ Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв.— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 82—104.

⁴⁸ Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.). — Уч. зап. ИИЯЛ. Махачкала, 1964, т. 13; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана, М.: Наука, 1984, 464 с.

⁴⁹ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Надписи X—XVII вв. М., 1966, ч. I; 1968, ч. II; 1980, ч. III.

фический материал. В основе его лежат исторические предания, легенды и сказания о событиях, происходивших в далеком прошлом в Дагестане в целом и отразившихся в конкретных формах на судьбе жителей отдельных населенных пунктов. Правомерность и необходимость его использования объясняется тем, что историко-этнографический материал содержит значительную информацию о прошлом, в частности по рассматриваемой проблеме, которую не отразили архивные источники. Он представляет «историю» дагестанских аулов в виде дневниковых записей, полевых дневников, тетрадей, записных книжек и в основном хранится в Рукописном фонде Института ИЯЛ. При достаточно критическом использовании как опубликованного⁵⁰, так и хранящегося в рукописном виде историко-этнографического материала в комплексе с другими источниками представляется возможность глубже исследовать круг вопросов, связанных с проблемой социальной борьбы дагестанского крестьянства феодальной эпохи.

Вооруженные выступления крестьян в феодальных владениях (Аварское и Казикумухское ханства, Цахурское султанство, Дербентское ханство), борьба союзов сельских обществ против натиска феодальных правителей, борьба жителей отдельных сельских обществ против гнета и произвола местных феодалов (ханов, беков, шахов, нуцалов), вопрос о социальной градации сельских обществ и углублении производственных отношений — все эти вопросы практически невозможно осветить без использования историко-этнографического материала. Без его использования невозможно показать социальную градацию сельских обществ, формы эксплуатации зависимых категорий населения, являвшиеся источником социальных конфликтов в них, различия в общественно-правовом положении тухумов, приводившие к социального порядка конфликтам между ними.

Историко-этнографический материал является незаменимым источником и при освещении социальных конфликтов между союзами сельских обществ, а также между главными и другими входившими в состав союзов селениями за господствующее положение. Социальная суть этих конфликтов заключалась в том, что крупные союзы по отношению к слабым выступали в роли коллективного феодала, добываясь от слабых союзов выплаты дани, податей или услуг в их пользу. В союзах сельских обществ верхушка главных селений также требовала от джамаатов слабых селений союза отбывания податей и повинностей, которые были не легче феодальных податей и повинностей.

К историко-этнографическому материалу по характеру и содер-

⁵⁰ См.: Магомедов Р. М. Легенды и факты. Махачкала, 1963; *Он же*. Новое время и старые обычаи. Махачкала, 1966; *Он же*. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969; *Он же*. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977, вып. I; 1979, вып. II; *Он же*. Исторические этюды. Махачкала, 1971, вып. I; 1975, вып. II; Алиев Б. Г. Предания и легенды народов Дагестана.— В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981, с. 146—166.

жащейся в нем информации примыкает и народный фольклор; без его использования также практически невозможно воссоздать сколько-нибудь полную картину социальной борьбы в Дагестане. Это относится особенно к социальной борьбе в XV—XVI вв., поскольку мы не располагаем другими источниками этого времени, содержащими хотя бы отдаленную информацию по рассматриваемому вопросу.

Фольклорный источник представлен историческими песнями, в которых нашли отражение события, имевшие место в Дагестане. В частности, таковы исторические песни кумыков, изданные в сборнике «Сокровищница песен кумыков»⁵¹. Они отразили острые социальные противоречия рассматриваемого периода. В одной из этих песен звучит угроза бия, чтобы он не говорил с подвластным (певцом, от имени которого идет речь), как с рабом — *къа-закъ*⁵². В другой песне бия предупреждают об опасности, которая грозит ему, если он будет «заставлять матерей у многих» плакать или будет бить чужие папахи оземь⁵³. В ней прямо высказано пожелание смерти шамхалу: чтобы его конь вернулся живым из боя, но «но без седока в золоченом седле»⁵⁴. Социальные конфликты рассматриваемого времени отразились и в аварских песнях о «Зардухил Али»⁵⁵ и в песне о Георги и Панусе⁵⁶.

Мотивы социальной борьбы угнетенных масс за свои классовые интересы в эпоху средневековья нашли отражение и в других жанрах фольклора народов Дагестана. Они были нами использованы при освещении антифеодальной борьбы в Дагестане в XV—XVI вв.⁵⁷, поэтому нет необходимости здесь останавливаться на их анализе.

Во избежание вопроса о правомерности использования фольклорного и историко-этнографического материала в качестве исторического источника сошлемся на высказывание крупного советского историка академика Е. И. Жукова: «За последнее время пробудился особый интерес к такой специфической форме исторического источника, как так называемая устная история... Устная история имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в изустных преданиях, переходящих из поколения в поколение... Возможность использования исторической информации, содержащейся в устных преданиях, в фольклорных произведениях, безусловно существует, хотя и требует сугубо кри-

⁵¹ Къумукъланы йыр хазнасы /Сост. А. Аткай, Ш. Альбериев. Ред. А. В. Сулейманов. Махачкала, 1959.

⁵² Там же, с. 51.

⁵³ Там же, с. 83—84.

⁵⁴ Песни Дагестана: Из кумыкской народной поэзии, Махачкала, 1970, с. 36.

⁵⁵ Ахлаков А. Э. Героико-исторические песни и баллады аварцев.—РФ ИИЯЛ, ф. 5, оп. 3, д. 112, л. 265—267.

⁵⁶ Там же, л. 240—241, 277—278.

⁵⁷ Умаханов М.-С. К. Антифеодальная борьба в Дагестане в XV—XVI вв.— В кн.: Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980, с. 61—91.

тического к себе отношения со стороны исследователей»⁵⁸. Так и мы относимся к разным источникам, в том числе и к фольклорным данным.

В заключение обзора остановимся на публикациях литературных (нарративных) источников, созданных авторами (путешественники, дипломаты, административные лица, ученые), побывавшими в Дагестане в XV—XVIII вв. с разными целями. В их трудах отразились в разной мере события в Дагестане в XV—XVIII вв., его социально-экономическое и политическое положение, взаимоотношения его народов, а также их отношения с соседними странами, особенно с Россией.

Интересные сведения о Дагестане в целом (Тарках, Кайтаге, Дербенте в частности) содержит труд секретаря голштинского посольства А. Олеария, посетившего Дагестан в 1636—1639 гг. проездом в Иран и обратно⁵⁹. «Описание...» А. Олеария позволяет уточнить ряд деталей политической обстановки, на фоне которой разворачивалась социальная борьба зависимых категорий населения Дагестана в XVII в. Некоторые социально-политические аспекты истории Дагестана XVIII в. нашли отражение и в «Журнале путешествия через Дагестан» посланца Петра I в Иран А. И. Лопухина⁶⁰.

Из источников XVIII в. достоверное описание внутривосточного положения Дагестана, занятий его населения, взаимоотношений разных его частей и их отношений с Россией (что особенно ценно в плане нашей работы), отдельных аспектов социальных отношений в Дагестане содержит труд И.-Г. Гербера, посвященный описанию стран и народов по западному побережью Каспийского моря⁶¹. Ценность наблюдений и сведений И.-Г. Гербера — в их достоверности, поскольку он длительное время был в Дагестане, на месте получал информацию о том, о чем писал. «Описание...» И.-Г. Гербера как уникальный источник по истории не только Дагестана, но и всего Кавказа XVIII в. стало уже объектом специального источниковедческого анализа⁶².

Дагестан XVIII в. привлекал внимание и других авторов⁶³. Их

⁵⁸ Жуков Е. И. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980, с. 224—225.

⁵⁹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. /Пер. М. А. Ловягина. СПб, 1906; Подробное описание голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. /Пер. П. Барсова. М., 1870.

⁶⁰ Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.— В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX в.: Архивные материалы /Под ред. Косвена М. О. и Хашаева Х.-М. (далее — ИГЭД). М.: Изд-во вост. литературы, 1958, с. 6—59.

⁶¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728.— ИГЭД, с. 60—120.

⁶² Гаджиев В. Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

⁶³ См.: Тихонов Л. И. Описание Северного Дагестана, 1726 г.; Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана, 1796 г.; Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г.; Бутков П. Г. Сведения о Кубинском

труды также представляют определенный интерес как источник, который позволяет осветить отдельные детали социальной борьбы в Дагестане в XVIII в.

Как видно из данного обзора, в целом источников по рассматриваемой проблеме не очень много и не все они равнозначны. Поэтому только комплексное и критическое использование информации, содержащейся во всех их видах, позволяет воссоздать картину социальной борьбы зависимых категорий населения Дагестана в XV—XVIII вв.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

В. Г. Гаджиев

«ПЕРЕЧЕНЬ ДОХОДОВ ШАМХАЛОВ»

(Опыт источниковедческого анализа)

Социально-экономическая и общественно-политическая история средневековых государств Дагестана — чрезвычайно сложная и малоисследованная проблема, от изучения которой всецело зависит правдивое освещение исторического прошлого наших народов. Признано, что успешному решению этой проблемы препятствует скудность источниковой базы. И это верно. До нас дошло лишь несколько неравнозначных местных письменных источников, а также отрывочные, а порой и противоречащие друг другу сведения иностранных авторов, побывавших на Северо-Восточном Кавказе. Если не считать вещественные эпиграфические и иные источники, историки-кавказоведы вынуждены ограничиваться крайне скудными сведениями памятников средневековой письменности. В будущем при более детальном обследовании в районах Дагестана и изучении фондов архивохранилищ нашей страны и зарубежных государств могут быть обнаружены другие источники. Однако надеяться, что в ближайшее время будет открыто достаточное количество средневековых источников, не приходится. Стало быть, остается глубокое изучение имеющихся источников, их детальный источниковедческий анализ, с тем чтобы извлечь из них максимум прямой, скрытой, потенциальной структурной информации. Между тем, с сожалением приходится констатировать, что у нас до сих пор нет или очень мало специальных монографических исследований и проблемных статей, посвященных источниковедческому анализу местных памятников средневековой письменности. Ученые республики по существу ограничивались публикацией, комментированием и в лучшем случае критикой источника. Нет спора, издание и комментирование текстов — очень важная работа. Но этим ограничиваться нельзя. Настало время на прочном теоретико-методологическом фундаменте марксизма-ленинизма подвергнуть историкоедческому анализу имеющиеся в распоряжении исследователей местные письменные источники. Практическим шагом в этом направлении явилась бы плановая подготовка и издание монографических исследований, прикладных источниковедческих исследований.

В настоящей статье ставится скромная задача подвергнуть

возможному при современном состоянии источниковой базы и уровне развития дагестановедения (при ограниченной площади статьи) источниковедческому анализу документ, известный под названием «Перечень доходов шамхалов». При этом подчеркнем, что этот документ подвергается специальному анализу впервые. И уже в силу этого положения и выводы предлагаемой вниманию читателей статьи не могут считаться окончательными. Наша цель — поставить задачу, привлечь к этому памятнику внимание кавказоведов, наметить пути его изучения.

* * *

Не останавливаясь на истории шамхальства, ибо эта проблема требует самостоятельного освещения, укажем, что, по мнению одних ученых, это средневековое государство Дагестана образовалось в конце VIII в., а по мнению других — возникло в самом начале XII в.¹ Как бы то ни было, со времени своего возникновения шамхальство постоянно расширяло свою территорию. «Шамхальство Кази-Кумыков, или Гази-Гумыков, — писал акад. В. В. Бартольд, — распространяло свое господство из своей горной страны в северо-восточном направлении до самого побережья в X—XVI вв.»² Сейчас можно сказать, что в период наибольшего подъема шамхальство превратилось в очень крупное по масштабам средневекового Кавказа государство, объединявшее почти все народы Страны гор³. Кроме всего прочего, об этом свидетельствует и анализируемый нами источник. Напомним, что впервые историческая наука узнала о документе, о котором пойдет речь, в середине XIX в. В 1851 г. в Петербурге проф. М. А. Казем-бек издал в качестве приложения к «Дербент-Наме» (тюркский текст и английский перевод) хронику Мухаммада Рафи «Тарих Дагестан», содержащую «Перечень доходов шамхала»⁴. На русском языке эту хронику опубликовал П. К. Услар в 1871 г.⁵ Причем в основу русского перевода был положен текст хроники издания М. А. Казем-бека. Третий раз сочинение Мухаммада Рафи и интересующий нас документ опубликован в Тифлисе в 1898 г. под редакцией М. Алиханова-Аварского⁶. Пространные отрывки из хроники, в том числе и текст «Перечня» шамхальских доходов, изданы

¹ Тарихи Дербент-Наме. Тифлис, 1898; *Каяев А.* Материалы по истории лаков. — РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 1642, л. 269.

² Бартольд В. В. Собр. соч., т. III, с. 413.

³ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979, с. 94—100, 264.

⁴ *Derbend-Nameh or the History of Derbend.* /Translated from a select turkish version and published with the text and with notes, illustrative of the history, geography, antiquities occuring throughout the work by Mirza A. Kazem-beg, SPb, 1851.

⁵ Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммадом Рафи. — ССКГ. Тифлис, 1871, вып. V.

⁶ Тарихи Дербент-Наме, с. 164—192.

в книге выдающегося азербайджанского историка А.-К. Бакиханова. В 1977 г. осуществлено новое издание хроники А. Р. Шихсаидовым. Причем в основу этого издания были положены тексты 13 рукописных списков и, естественно, учтены предшествующие издания⁷.

Позже в 1979 г. документ, о котором идет речь, был опубликован под названием «Сведения по экономической истории Дагестана XV в.» в перечне повинностей, которые получали шамхал и крым-шамхал. Издатель текста Т. М. Айтберов во вступительной части публикации отмечает, что этот памятник дошел до нас в трех списках. Первый из них хранится в собрании рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр 8—1009), список датирован 1155/1742—43 гг. Второй список хранится у жителя сел. Ботлих Ахмадил-Мухаммада, палеографически датируется XVIII—началом XIX в. Третий список хранится у жителя сел. Рахата Хизбуллы. Основываясь на имеющихся сведениях о том, что упоминаемое в тексте документа сел. Кулицма возникло после 1396 г., что исламизация Караха, Хабелал и Тихри «имела место в XV в.» и что правитель Хунзаха в 1485 г. называет шамхала падишахом, публикатор датирует «Перечень» XV в.⁸

И, наконец, автор этих строк опубликовал в 1980 г. четыре документа, содержащих перечень податей, взимаемых шамхалами с подвластного им населения⁹. Документы эти, обнаруженные нами в материалах фонда № 446 ЦГИА Грузинской ССР, поступили в Тбилиси в 60-х годах прошлого столетия в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав горских народов, возглавляемую в то время небезызвестным А. Руновским. Судя по кратким сопроводительным письмам, эти документы были скопированы с примечетских книг. Первый из них прислан начальником Аварского округа подполковником Катиным, остальные — жителями «кумыкской плоскости» Дагестана и «ичкеринскими депутатами» Чечни. Переводчик документов хорунжий Ерофеев, имея в виду документ, поступивший из Аварии, заметил, что «сведения эти написаны из книги... но эта книга не есть ал коран»¹⁰. Здесь уместно вспомнить высказывание М. Алиханова-Аварского, когда, полемизируя с П. К. Усларом, он заметил, что сочинение Мухаммада Рафи очень распространено в Аварии «и что лучшим его экземпляром считается список, каллиграфически воспроизведенный по всей вероят-

⁷ Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении).— В кн.: Письменные памятники Востока. М., 1977, с. 92—94.

⁸ Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока,— XIV научная сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения), ч. I. М. 1979, с. 3—9.

⁹ Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980, с. 195—206.

¹⁰ Там же, с. 196.

ности несколько веков тому назад на последних страницах корана, хранящегося, как общественное достояние»¹¹.

Даже этот схематический рассказ не оставляет сомнения в том, что рассматриваемый нами источник является очень распространенным памятником. Списки его были обнаружены почти во всех уголках Страны гор и сопредельных с Дагестаном районах Чечни. Опубликованные списки документа для удобства анализа мы свели в общую таблицу (см. в конце статьи), условно обозначив римским цифрами каждый текст изданного документа: № I — извлечение из «Тарих Дагестан», изданного М. А. Казем-беком, II — издание Услара, III — А. Бакиханова, IV — М. А. Алиханова-Аварского, V — А. Р. Шихсаидова, VI — Т. Айтберова и VII, VIII, IX, X — В. Г. Гаджиева.

Уже первое знакомство с текстами документа показывает, что в них имеются некоторые разночтения, иногда и существенного порядка. Это прежде всего разночтения географической номенклатуры, такие как Чамалал — Джамалал, Арчиб — Аршуб, Усиша — Асиша, Цудахар — Зудахар, Чумчукатль — Хамчукатль и т. д. Это, очевидно, отчасти объясняется особенностью арабской графики. Как известно, ряд арабских букв, такие как *a, u, y, c, sh, x* и др., при малейшей небрежности огласовок легко переходят одна в другую. Однако в текстах документов встречаются и иного рода разночтения. В то время как ряд документов обозначает одну, иные дают другую цифру вносимых шамхалу податей. Нередко цифровые данные одних документов против других превышают чуть ли не в два и более раза. Так, согласно док. № I, II, III, IV, V «народ», «общество» Караха должно платить шамхалу ежегодно 500 овец, по док. № VIII — 1000 овец и 50 коров, а по документу № VI—IX Карах обязан был платить 500 овец шамхалу и 400 овец наследнику его крым-шамхалу. Иногда в документах просто сообщается, что эта территория, как, например, Чечня, «является собственностью шамхала», а в других указывается, в чем именно и в каких размерах выражались взимаемые шамхалами подати. И все же, несмотря на эти и другие встречающиеся в текстах разночтения, сведения документа в основном совпадают друг с другом. Это, очевидно, свидетельствует о том, что все тексты являются списками, восходящими к одному источнику. К сожалению, определить источник анализируемого памятника в настоящее время не представляется возможным. С уверенностью можно лишь сказать, что документ в том виде, в котором дошел до нас, образовался не сразу, а формировался продолжительное время. К сожалению, в самом источнике нет никаких указаний на время, когда те или иные сведения зафиксированы в документах. Нет у нас и прямых данных, позволяющих ответить на вопрос о времени составления источника. Однако имеются косвенные данные, в какой-то степени проливающие свет на интересующую нас проблему. Опубликованная М. А. Казем-беком рукопись завершилась, по словам изда-

¹¹ Тарихи Дербент-Наме, с. 185.

теля, записью: «Я переписал эти слова со старой, ветхой рукописи, из сочинения Мухаммада Рафи ...а он — сын самого ученого авторитета своего времени, философа времен Абдур-рахима из Ширвана, ал-Хасана, потомка Али, по линии Сафи и кадия Гумука, во время, когда он был разрушен турками»¹².

Имея в виду «Тарихи Дагестан», А. К. Бакиханов подчеркивал, что в «1030 г. х. (1617) было составлено извлечение из истории, написанной в 712 г. (1313) Магомед-Рафием — бин-Абдурагимом Ширванским из древних записок, документов и из летописи неизвестного автора 318 (931) г.» и что существовало еще одно извлечение из Мухаммада Рафи, сделанное «кумыкским казем Гасанульви-Сефевии во время путешествия турок на город Кумух»¹³.

В одном из опубликованных списков хроники Мухаммада Рафи имеется запись: «Переписаны эти строки со старой, ветхой рукописи, а дата ее была 318 (930) год, я же написал ее в 712 (1312—13) году, а я — презренный Мухаммад Рафи аш-Ширвани»¹⁴. Точно такая же запись имеется и в другом списке документа, хранящегося также в рукописном фонде ИИЯЛ¹⁵. Несколько иную, не сходную с данными Бакиханова, запись содержит список, принадлежащий Нармагомедову Магомеду. Здесь указывается, что текст памятника составлен «во время благодетеля нашего (мавлана) Абд ар-Рахима аш-Ширвани ал-Хусейни ал-Алави ас Сефевии, кади Кумуха, когда он был разрушен тюрками в 718», т. е. в 1318—19 г.¹⁶ Согласно приведенным записям, интересующий нас источник был составлен в XIV в. М. А. Казем-бек выдвигал другую датировку. Он полагал: поскольку автор источника, сын кумухского кадия, жил в X или XI в. хиджри, документ был составлен примерно в XVI в. Это ошибочное утверждение основывалось на том, что ее автор упоминаемый в источнике термин «тюрки» относил к османам¹⁷, тогда как под этим этнонимом подразумевалось монголо-татарское нашествие на Кумух в XIII в.¹⁸

Однако все вышеприведенные даты говорят о времени составления самой хроники «Тарих Дагестан», а не анализируемого нами «Перечня доходов шамхала». Более того, внимательное изучение текстов источника не оставляет сомнения в том, что «Перечень доходов шамхала» представляет собой не что иное, как позднюю вставку в текст хроники. Здесь уместно отметить, что в дагестановедении уже обращали внимание на это обстоятельство. «Весь текст о податях шамхалу, — подчеркивает А. Р. Шихсаидов, — плохо связан с общим ходом событий в хронике и воспринимается

¹² Derbend-Nameh..., р. 453; Казем-бек М. Избранные произведения. Баку, 1985, с. 242.

¹³ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 50—51.

¹⁴ Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 93.

¹⁵ Там же, с. 94.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, с. 97.

¹⁸ Подробнее о нашествии монголо-татар см.: Шихсаидов А. Р. О пребывании монголов в Рича и Кумухе (1239—1240 гг.) — Уч. зап. ИИЯЛ, т. IV. Махачкала, 1958, с. 5—12.

как вставка, хотя и очень важная для идеи произведения, но не совсем удачно введенная в текст»¹⁹. Если это так, то документ, о котором идет речь, мог возникнуть даже раньше, чем была составлена сама хроника Мухаммада Рафи «Тарих Дагестан». Не рискуя ошибиться, представим, что первоначально этот документ мог быть составлен только с практической целью. И поэтому естественно, что он не был принят шамхалом как единовременный акт, а формировался, как указывалось выше, лишь по мере образования шамхальства и расширения его территориальных границ. Кстати сказать, об этом имеется недвусмысленный намек и в самом тексте хроники «У них (т. е. у арабов), — читаем в хронике, — был старый обычай назначать в каждое заваеванное селение или город старшину или правителя из числа собственных своих вождей. Сделав это, шамхал сам поселился в городе Кумухе и получал подать с разных стран, личные налоги с христиан и евреев, десятину с путешествующих и зякат с мусульман, и все обитатели Дагестана, большие и малые, были приведены ему в покорность силой или добровольно»²⁰.

Эта мысль в несколько иной редакции передана и в других списках. «Мусульмане, — говорится там, — подчинили все области жителей гор, т. е. Дагестан, частью силой, сражением, разрушением, частью — исламом и хорошим обращением. Затем они обосновались во всех частях страны. У них был обычай назначать в каждое селение или город, которым овладевали, своего амира и правителя (вали) и поселять часть мусульман среди них, чтобы превзойти (числом) местных жителей. Шамхал обосновался в городе Гумик и брал харадж с земель, джизью — с зимми, десятину с путешественников, зякат — с мусульман. Ему были подчинены все жители, от низших (по положению) до высших — добровольно или силой»²¹. Совершенно очевидно, что не весь Дагестан был сразу покорен, подчинен и исламизирован. Более того, хорошо известно, что мусульманизация Дагестана затянулась на многие десятилетия и ислам здесь утвердился лишь тогда, когда уже не существовало самого Арабского халифата.

Все это убеждает в правоте нашего вывода о том, что интересующий нас источник формировался параллельно образованию шамхальства как государства и до его окончательного падения. Естественно, что первоначально податями обложены были близлежащие к резиденции шамхалов сельские общества, а впоследствии, по мере расширения государственных границ, облагались и жители присоединенных районов. Чтобы не быть голословным, приведем несколько фактов, подтверждающих наше мнение. Андаляльский союз сельских общин (13 селений), известный в раннем средневековье под названием Вицху, после принятия ислама вошел в каче-

¹⁹ Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника..., с. 99.

²⁰ Тарихи Дербент-Наме, с. 175. В большинстве рукописей говорится «с покоренных иноверцев». Прим. М. Алиханова-Аварского.

²¹ Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника..., с. 109.

стве округа (махаллат) в шамхальство, и в знак своего подчиненного положения жители его давали «по быку с каждого селения при восшествии на трон нового шамхала»²². Однако сведения о податях, взимаемых шамхалом с жителей Вицху-Андалял, содержат не все списки нашего документа, хотя одно из крупных селений этого фюзуа — Чох — даже в первой трети XVII в. «считалось одним из городов шамхала Ильдара (1623—1637)»²³.

Имеются также сведения, что в Андалыле, в частности в сел. Ругуджа, имелись феодалы, связанные с шамхальским домом²⁴; а в Гидатле²⁵, Анди²⁶ и в других местах сидели родственники шамхала, которые и управляли данными обществами, «начиная с гор до Шурута на западе и с юга до Большой реки (Андийское Койсу, — В. Г.) платили шамхалам харадж, состоящий из разных видов имущества (мал): денег, зерна и коров»²⁷. Приняв ислам, писал У. Лаудаев, «чеченцы согласились платить ясак шамхалу, называвшемуся валием Дагестана»²⁸.

Естественно, что все эти события происходили одновременно на протяжении многих десятилетий. Поэтому-то при исследовании сведений нашего документа крайне необходимо каждый раз выяснять, когда именно то или иное общество могло быть обложено податью. Ориентирами в этом направлении может служить время присоединения данного общества к шамхальству, утверждения здесь ислама, возникновения населенных пунктов и т. д. и т. п. К примеру, установлено, что завоевание мусульманами Караха, Хебелала и Тинди имело место в XV в., а упоминаемое в нашем документе сел. Кулецма возникло после 1395 г. Исходя из этих данных, можно определенно сказать, что указанные общества были обложены податью в XV в.²⁹ Документов, прямо указывающих на зависимость чеченцев и в частности Шебута от шамхала, нет. Более того, в материалах середины XVII в. подчеркивается, что жители Декевской деревни являются «шубутской земли ясачными людьми» кабардинского мурзы Татархана Арсланова³⁰. Однако ничего удивительного в этом нет, ибо к этому времени шамхальство распалось. Стало быть, они зависели от шамхала до 40-х годов XVII в.

²² Айтберов Т. Институт главного наследственного кадия (первоначально имама) в политической системе Андалыла конца XVI—перв. пол. XVIII в.— В кн.: Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985, с. 7.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 8.

²⁵ Гидатлинские адаты /Пер. с араб. М.-С. Саидова. Махачкала, 1957, с. 7.

²⁶ Агларов М. А., Айтберов Т. Повествование об Али-беке Андийском. /Пер. с араб. и коммент.— В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в начале XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981, с. 121—128.

²⁷ Агларов М. А., Айтберов Т. Указ. соч., с. 123.

²⁸ ССКГ. Тифлис, 1871, вып. 5, с. 29.

²⁹ Письменные памятники Востока. М., 1979, с. 3; ВИД, вып. II, с. 232, 39—40; РФ ИИЯЛ, ф. 1, д. 531.

³⁰ Полиевктов М. Н. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643. Тифлис, 1928, с. 81.

С этим положением как будто согласуется и мнение Е. Н. Кушевой. «Зависимость некоторых чеченских и ингушских обществ от соседей с востока, — подчеркивает она, — установилась очень давно»³¹. Надо полагать, что в зависимость шамхала чеченцы попали в пору расцвета шамхальства, когда валии Дагестана вели активную наступательную политику и отряды их сторонников насаждали ислам в Северном Дагестане, сопредельной Чечне и других районах Северо-Восточного Кавказа. Этот процесс, как определяют исследователи, начался в конце XI—в начале XII в.³² и продолжался в последующие столетия. Источники дообщают, что в XV в. в Западном Дагестане Али-бек насильственно насаждал ислам. Что же касается Чечни, как полагают исследователи, то часть соседственных с Дагестаном районов ее подпала под власть шамхалов где-то в XV—XVI вв.

Обращает внимание и то, что в анализируемом документе не соблюдается единый принцип при перечислении податных единиц. В одних случаях упоминаются отдельные селения Унчукатль, Куба, Арчи, Анди, Аркас и др. В других — указывается на союзы сельских общин: Баклал, Рис-Ор, Чамалал, Тинди и т. д. В третьих — целые округа Куралал, Мичыгыш (Чечня и т. д.). В четвертых указывается на территории, расположенные между определенными ориентирами: «все обитатели мест между рекою Гайда и все жители мест, которые находятся за Шубутом». И, наконец, встречаются населенные пункты и целые общества, упоминаемые только в отдельных списках анализируемого источника. В связи с этим задача исследователей значительно затрудняется. Возникает необходимость правильного понимания перечисляемых в документе пунктов. Это очень сложная, кропотливая, но крайне необходимая работа. Достаточно сказать, что без такого предварительного анализа нельзя определить ни зависимую от шамхалов территорию, ни степень угнетения подвластного населения.

При этом необходимо помнить, что не все сведения нашего источника надо понимать в буквальном смысле. Упоминаемый в документе Цудахар можно понимать и как само селение, и как ряд сел, входящих в Цудахарский союз сельских общин. В источнике значитесь Зирихгеран. То ли речь идет о сел. Кубачи, то ли о средневековом «царстве». Известно ведь, что под Зирихгераном раннесредневековые восточные авторы подразумевали целое «царство»³³, а источники XIV—XVI в. — два селения³⁴. По всей вероятности, и под топонимами Усиша-Акуша наш источник имеет

³¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 83.

³² Ахмедов Ш. М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане.—ВИД, вып. II. Махачкала, 1975, с. 122—123.

³³ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.; Л., 1949, с. 6; История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 3.

³⁴ Бакуви. Китаб талхис ал-асар ва'аджа' иб ал-Малик ал-Кажхар «сокращение (книги о) «памятниках и чудесах царя могучего». /Пер. и прим. З. М. Буниятова. Баку, 1971, с. 106.

в виду территорию, на которой возник после распада шамхальства союз сельских общин Акуша-Дарго. В документе упоминается Хумз-Хунзах, будто бы обязанный ежегодно поставлять шамхалу 700 баранов. Очевидно, и здесь речь идет не об одном селении.

Другой чрезвычайно важной задачей предварительной критики является выяснение, как долго продолжались зависимые отношения того или иного общества от шамхалов. К примеру, в какое именно время, скажем, Хунзах, Кайтаг и др. могли быть зависимыми от шамхалов и платить им подати. Прямых данных, позволяющих точно определить хронологические рамки этой зависимости, у нас нет. Достоверно известно, что Хунзах (Дж мр. дж)³⁵ в течение ряда веков был столицей мощного государственного объединения Серир, правитель которого оказывал упорное сопротивление арабам³⁶. Очевидно, и Мухаммад Рафи имел в виду Сахиба ас Серир, когда писал, что он получал различного рода подати с жителей Дагестана, начиная со страны черкесов до города Шемахи³⁷. После распада Серира, примерно в XII в., Хунзах стал резиденцией аварского ханства, владения, которое особенно усилилось в XVII—XVIII вв.

Известно также, что до вторжения арабов севернее Дербента на территории, где впоследствии располагались владения Кайтага, существовало государственное объединение Сувар, которое арабские хронисты именовали Джиданом³⁸. Что же касается самого уцмийства Кайтага, то это было одно из крупных самостоятельных и влиятельных владений Дагестана. Из сказанного становится понятным, что использование сведений анализируемого источника без дополнительной проверки, точного определения времени зависимости Кайтага от шамхальства будет методологически неверным. Кроме того, крайне необходимо выяснить, как долго продолжалась зависимость указанных районов Дагестана от шамхальства.

Любопытные сведения, имеющие непосредственное отношение к предмету наших изысканий, содержит хроника Мухаммада Рафи. В период нашествия арабов, читаем мы в ней, горцы Дагестана, призвав на помощь русов, которые делили с ними «поровну добро и зло», решились оказать сопротивление арабам³⁹. Однако последние, согласно цитируемому источнику, хитростью овладели позицией обороняющихся. Затем арабы силой покорили Кайтаг, Табасаран, Кумух. Эти события, по А. К. Бакиханову, произошли в самом начале IX в. Этим, пожалуй, объясняется и то, что для управления Кайтагом был назначен султан, который подчинялся эмиру Кумуха. И не случайно, очевидно, источник, известный под названием «Родословие Кайтагских уцмиев», называет шамхала валием.

³⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, прил. с. 204.

³⁶ Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI—X в.—ИЗ, т. 73, 1963; История Дагестана, т. 1. М., 1967, с. 123.

³⁷ Тарихи Дербент-Наме, с. 166; Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника..., с. 105.

³⁸ Федоров Я. А. Хазария и Дагестан.—КЭС, вып. V. М., 1972, с. 22—29.

³⁹ Тарихи Дербент-Наме, с. 173.

Этот документ сообщает также очень важные для нашего исследования сведения. Позже, когда между сыновьями уцмня Магомед-хана возникла междоусобица, говорится там, Бек-киши-хан сразился с братом Ахмед-беком, которого прозвали Ильчау-Ахмед. Однако вследствие того, что Бек-киши-хан не мог одолеть Ахмед-бека, он отправился к своему дяде валию Дагестана шамхалу и, «спросив от него помощь», собрал большое войско, напал на своего соперника. Ахмед бежал в Ширван к своему дяде, от которого получил в правление Агдам. Естественно, что, став Кайтагским уцмнем с помощью шамхала, Бек-киши-хан не мог не признавать верховенства валия Дагестана⁴⁰.

Согласно «Тарих Дагестан», арабы после занятия Кумуха разрушили большое число аулов Нагорного Дагестана и силой овладели городом Хунзах (Хумз), после чего Хунзах и его округа могли быть поставлены в зависимость от эмира Кумуха. Далее «Тарих Дагестан» сообщает: «Когда прошло некоторое время, Ампр Султан сын Байяра Аббаса, впуск... Сурака» собрал в соседних владениях войска и с помощью их «занял престол своего отца». Естественно, что шамхал не хотел мириться с этим и между ними началась борьба, продолжавшаяся 24 года. И «был заключен мир между ними, и время пошло, как положено»⁴¹.

Тот же источник свидетельствует: «Когда прошло много времени, между амирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия»⁴². Началась ожесточенная борьба. Владелец Кайтага потерпел поражение и вынужден был бежать в Аварию и просить у его правительства покровительства и помощи. «Страшные войны и сатанинские распри», говоря словами источника, продолжались. Тогда правители Кайтага и Аварии обратились к «тюрмам», т. е. монголо-татарам. Последние проникли в Центральный Дагестан, разбили шамхала и захватили его владения. После чего, надо полагать, Кайтаг не вносил подати шамхалам. Из сказанного вытекает вывод о том, что жители Хунзаха и его округа, по всей вероятности, вносили шамхалам подати непродолжительное время (в документе «некоторое время»), а именно тот отрезок времени, когда распалось государство Серир и до образования самостоятельного аварского нуцальства.

Кайтагские владетели, видимо, связаны с шамхалами более продолжительное время. Даже этот выборочный анализ сведений нашего источника не оставляет сомнения в том, что часть отмеченных в документе населенных пунктов владения вносила подати шамхала в ограниченное время. Не исключена возможность, что такого рода факты могут выясниться при анализе и других данных нашего источника. Таким образом, при использовании сведений «Перечня» необходимо это иметь в виду.

⁴⁰ История происхождения рода уцмисв и кайтагских бегов.— РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 55.

⁴¹ Derbend-Natch..., р. 647; Тарихи Дербент-Наме, с. 179; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 110—111.

⁴² Тарихи Дербент-Наме, с. 179; Шихсаидов А. Р. Указ. соч., с. 111.

Вместе с тем, имеющиеся в распоряжении исследователей сведения показывают, что в анализируемом нами источнике указаны не все зависимые от шамхальств населенные пункты. К примеру, данные «Шиназского анонима свидетельствуют о том, что правители Шиназского магала (Шиназ, Пилек, Уна, а также Амсар и Кала) признавали верховенство шамхалов»⁴³. Однако в нашем документе сведений о вносимых ими податях нет. В эпиграфической надписи из сел. Гельхен, датированной 1622 г., указывается, что «владельцы Рича в подчинении Кумуха»⁴⁴. Но в анализируемом нами источнике не указано, какого характера и каких размеров ричищи вносили шамхалам подати. Список таких примеров можно продолжить, но и приведенные факты говорят сами за себя. Все это, очевидно, надобно понимать в том смысле, что в нашем источнике отмечались не все населенные пункты, обязанные вносить шамхалам подати. Если это так, то использование документа значительно затрудняется. В таком случае исследователь оказывается вынужденным дополнять сведения анализируемого документа.

Особое внимание при изучении нашего источника следует обратить и на то, что зависимое население было обложено разнообразными податями, которые к тому же взимались в различных размерах. Как видно из анализируемого документа, зависимое население в основном обязано было вносить шамхалам и их приближенным подати в виде продуктов полеводства (пшеница, ячмень, рис и др.), животноводства (овцы, коровы, быки, лошади, масло и др.) и отчасти произведениями домашних промыслов и ремесла (бурки, войлоки, шерстяные ткани, холст, порох и др.). И лишь единичные селения обязаны были вносить шамхалам подати медом, рыбой, а общество Сюрга даже деньгами (дирхемами). По всей вероятности, характер податей и их размеры определялись в зависимости от основного занятия населения и экономических возможностей данного общества. К примеру, жители сел. Анди, да и всего Андийского общества, как известно, наряду с земледелием занимались скотоводством и выдвигали славившиеся на весь Кавказ бурки, получившие название андийских⁴⁵. Зирихгераны (кубачинцы) издавна известны были как ремесленники — кольчугоделатели, оружейники, медники, ювелиры⁴⁶. Однако, согласно нашему документу, они были обязаны вносить шамхалам подати баранами, порохом. Тот факт, что зирихгераны были зависимы от шамхалов, подтверждают обнародованные в последнее время эпиграфические памятники. «Из Аштинской надписи,— писал ее издатель Л. И. Лавров,— узнаем, что в XIV в. вся область Зирих-Геран находилась в политической зависимости

⁴³ Айтберов Т. М. Об общественном строе рутульцев (конец XVI—начало XVII в.) — Сов. этнография, 1981, № 6, с. 112—114.

⁴⁴ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. I. М., 1966, с. 158.

⁴⁵ Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с. 99.

⁴⁶ Шиллинг Е. М. Указ. соч., с. 16—18, 57—144.

от казикумухских шамхалов и платила им харадж»⁴⁷. В надписи, о которой идет речь, подчеркивается, что если жители Зирих-Герана избавятся от неверия, то нет на них хараджа⁴⁸. К сожалению, нам не известно, сдержал ли шамхал свое слово, когда кубачинцы приняли ислам. По всей вероятности, нет. В связи с этим возникает законный вопрос, почему в отличие от всех других списков в тексте списка XIII указано, что кубачинцы обязаны были отдавать шамхалам ежегодно 30 ружей. Необходимо также объяснить то, что зирихгераны должны были вносить подать порохом и для какой цели порох был нужен шамхалам, ведь раннесредневековые источники о производстве пороха зирихгеранами ничего не говорят. Если же представить, что порох был необходим для огнестрельных ружей, то таковые, как известно, на Северо-Восточном Кавказе появились лишь со времени возникновения на Тереке русских крепостей. У солдат, дислоцировавшихся в них, были пищажи с «огненным боем». Однако без прямых указаний источников трудно определить, что зирихгераны изготовляли порох. Может быть, кубачинцы добывали порох на стороне? Как знать!

Еще более важным в плане нашего исследования является выяснение вопроса, как долго продолжалась зависимость зирихгеранов, когда и при каких обстоятельствах они прекратили вносить шамхалам указанные в анализируемом документе подати. Возможно, что они освободились от уплаты хараджа (как отмечено в предыдущем документе) после окончательного принятия ислама. Решить эту проблему крайне сложно, но и необходимо. Мы же в данном случае можем лишь поставить этот вопрос. А решение его, можно полагать, будет успешным лишь после появления в распоряжении исследователей дополнительного фактографического материала. То же самое можно сказать и в отношении общества Сюрга, обязанного почему-то платить шамхалам подати деньгами (дирхемами). Думается, что эти и другие возникающие при анализе документа вопросы нуждаются в специальном, более углубленном изучении. Но это дело будущего. Чрезвычайно важно также конкретно изучить вопрос, как именно собирались подати в шамхальстве. Согласно имеющимся данным очевидно, что единой системы сбора податей в шамхальстве не было. В одних местах подати взимались ставленниками шамхалов, в других — для сбора хараджа специально направлялся служащий у шамхала. Однако в период постепенного ослабления власти обращались и к союзным феодалам. В одном из своих обращений, датируемых серединой XVII в. Сурхай-шамхал писал аварскому Дугри-Нуцалу: «Когда к тебе придет податель этого письма — мой мулазим Ахмад (араб. офицер, в данном случае — исполнитель. — В. Г.),

⁴⁷ Лавров Л. И. Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах (опубликован текст и его перевод). — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 217.

⁴⁸ Там же.

приложи все старания к взятию моего хараджа с джамаата Чамалал. Не прояви небрежности в этом деле»⁴⁹.

Из сказанного видно, что данные разбираемого документа нуждаются в контрольной проверке. Вместе с тем сведения нашего источника, подтвержденные и дополненные другими местными кавказскими, восточными, западноевропейскими и русскими источниками, чрезвычайно важны для изучения социально-экономических отношений в шамхальстве, определения его территориальных границ, политического устройства и административной системы.

По глубокому нашему убеждению, анализируемый источник, как уже отмечалось выше, свой окончательный вид приобрел не сразу, а формировался в течение многих десятилетий. В силу этого вполне естественно самостоятельное существование памятника или даже памятников до составления хроники «Тарих Дагестан». Поэтому первейшая обязанность источниковеда — определить датировку сведений «Перечня». Вместе с тем, учитывая характер формирования документа, исследователи при использовании памятника обязаны раскрыть источники нашего источника, установить хронологию сообщаемых документом отдельных событий, раскрыть характер видов податей.

Подведя некоторые итоги, мы вынуждены повторить, что анализируемый нами документ содержит чрезвычайно ценную и, в силу известных причин, не вполне исследователями оцененную информацию, данные, без которых невозможно воссоздать объективную картину средневекового Дагестана. Признавая в своем роде уникальность нашего источника, необходимо отметить, что и этот документ, как и все памятники средневековой письменности, говоря словами В. О. Ключевского, необходимо использовать «разборчиво и осторожно».

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

⁴⁹ Айтберов Т. М. Дагестанские документы XV—XVII вв.— В кн.: Письменные памятники Востока. М., 1982, с. 7.

Б. Г. Алиев

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН ДАГЕСТАНА В XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Специальных работ, посвященных источникам по истории союзов сельских общин Дагестана, нет. Но в ряде исследований советских ученых этому вопросу уделяется определенное внимание при изучении как истории Дагестана в целом, так и отдельных союзов сельских общин¹. Однако в этих работах анализ источников по союзам сельских общин Дагестана дается в связи с изучением ими истории Дагестана определенного хронологического периода или отдельных народов и союзов сельских общин.

Целью данной статьи является характеристика источников по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин в целом.

Основными источниками по изучению истории союзов сельских общин Дагестана являются русские источники XVIII—XIX вв. Наиболее достоверные и более или менее подробные сведения содержатся в работах участников военных походов и научных экспедиций, военных деятелей и различных по рангу чиновников русской администрации в Дагестане и на Кавказе. Разнообразен характер этих работ. Это научные работы, основанные на офи-

¹ См.: Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным.— Дис. ... канд. ист. наук. М., 1947; Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы.— Дис. ... канд. ист. наук.— РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 4; Гаджиев В. Г. Присоединение Дагестана к России и его историческое прогрессивное значение.— Дис. ... канд. ист. наук. М., 1955; Магомедов Р. М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957; Хашаев Х. М., О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории).— Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966; Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX—начале XX вв. (Историко-этнографические очерки).— Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1967; Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII—нач. XIX вв.— Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977; Карпов Ю. Ю. «Вольные» общества Северного Кавказа в XVIII—первой половине XIX веков (К вопросу патриархально-родовых общественных институтов в процессе формирования раннеклассовых отношений).— Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; Мансуров Ш. М. Социально-экономическое и политическое положение Салатавского союза сельских общин в конце XVIII—первой половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук.— Махачкала, 1986; Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII—нач. XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса): Дис. ... д-ра ист. наук.— Махачкала, 1986.

циальных сведениях, документах и материалах, собранных авторами на местах, записи о различных народах, союзах и обществах, дневники, сообщения, воспоминания, рапорты, донесения, справки, письма, предписания, обзоры различных событий, приказы, описания, отношения, соглашения и т. д.

Больше всего указанных источников сосредоточено в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) в фондах «Военно-ученый архив», 52 и 482. Имеющиеся здесь обзоры политических и военных событий, описания, рапорты, донесения, приказы содержат ценные материалы по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин XVIII—XIX вв., занятий и численности населения, составе союзов и их объединений, административном управлении (выборность старшин и других административных лиц, функции власти и управления, роль народных собраний и т. д.), взаимоотношениях союзов между собой, с феодальными владениями, с Россией и т. д.

Ряд материалов по истории союзов сельских общин сосредоточен в фондах Архива внешней политики России (АВПР) Министерства иностранных дел СССР, Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИА ГрузССР), а также в рукописном фонде Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагфилиала АН СССР (РФ ИИЯЛ). Они в основном касаются структуры тухума и джамаата, административно-политического управления союзов сельских общин Акуша-Дарго, Кайтага, Табасарана, Кюры и обществ Самурской долины (Ахты-пара, Докуз-пара, Рутул) и имеют большое значение при изучении социально-экономической и политической истории указанных союзов.

Разнообразный документальный материал по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин XVIII—XIX вв. содержится в фондах Центрального государственного архива (ЦГА) ДАССР. Большим материалом по интересующей нас теме располагают фонды 2, 21, 33, 37, 80, 90, 105, 126, 147, 150, в которых сосредоточены в основном сведения по земельным отношениям. Эти акты и рапорты землемеров, статистические сведения о количестве земли в различных обществах, ведомости о количестве земли, находившейся в частной и общественной собственности, дела по земельным спорам между обществами, доклады сословно-поземельной комиссии и ее членов по разбору поземельных прав и по земельному устройству различных регионов Дагестана, записки о сословно-поземельном устройстве различных обществ, отчеты начальников округов, переписка сословно-поземельной комиссии по окончанию сословно-поземельного вопроса по прошениям и жалобам жителей и сельских обществ, протоколы судебных заседаний по земельным спорам, прошения и жалобы жителей различных сельских обществ о сословно-поземельных правах и т. д. Кроме материала по земельным отношениям, в делах указанных фондов содержится немало сведений по земледе-

лию, садоводству, животноводству, ремесленному производству, торгово-экономическим связям, административно-политическому устройству союзов сельских общин.

Разнообразный материал по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин содержится в имеющихся публикациях. С 1866 по 1904 г. в Тифлисе вышло 12 томов *Актов, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК)*, где печатались документы из архива Главного управления наместника Кавказа, в которых немало сведений по различным вопросам истории союзов сельских общин.

Особенно ценен для нашего исследования сборник архивных материалов, изданный в 1958 г.² Здесь помещено большое количество разнообразных документов описательного или повествовательного характера: описания Дагестана непосредственными наблюдателями, экскурсии и более подробные работы по истории, военно-топографические описания, экономические и статистические ведомости и т. д., в которых много сведений и по союзам сельских общин. Основная часть документов сборника извлечена из ЦГВИА, и они для изучения истории союзов сельских общин представляют наибольший интерес. Они содержат более или менее полные и разнообразные сведения по внутренней истории союзов сельских общин — составе, хозяйственной деятельности населения, административно-политической структуре и т. д.

В 1959 г. Институт ИЯЛ издал сборник документов «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.»³, где помещены документы антифеодального и антиколониального движения горцев, извлеченные из фондов ЦГВИА, ЦГИА ГрузССР, ЦГА СО АССР, ЦГА КБ АССР, Республиканского краеведческого музея Дагестанской АССР, РФ ИИЯЛ. Это официальная переписка, рапорты, донесения, предписания, различного рода отчеты и обзоры, переписка кавказского командования с местными феодалами. Среди различных материалов по истории Дагестана имеются сведения по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин — занятию населения, торгово-экономическим связям, земельным отношениям, управлению, отношению к политике России в Дагестане, роли ряда союзов в политической жизни Дагестана первой половины XIX в., вероисповеданию, числу хозяйств и населения. К сборнику прилагаются терминологический словарь, указатели собственных имен и географических названий.

В 1965 г. вышел составленный Х.-М. О. Хашаевым сборник архивных материалов⁴, в котором опубликованы материалы, извлеченные из фонда Кавказской археографической комиссии

² История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: Архивные материалы /Под ред. Косвена М. О. и Хашаева Х.-М. О., М., 1958.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Сб. док. Сост.: В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

⁴ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы. /Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева, М., 1965.

ЦГИА ГрузССР, из Музея этнографии ГрузССР, РФ ИИЯЛ и частных коллекций. Имеющиеся в этих материалах сведения по структуре тухума и джамаата, общинному и союзному управлению, административно-должностным лицам, касающиеся союзов Акуша-Дарго, Табасарана, Кайтага, обществ Самурской долины, во многом помогают в изучении внутренней истории союзов сельских общин. В сборнике опубликованы и адаты многих сельских общин, в которых будет сказано ниже при разборе адатов как одного из видов источников по истории союзов сельских общин.

В 1968 г. был выпущен сборник материалов и документов⁵, посвященный в основном не издававшимся ранее материалам — адатам ряда обществ и соглашениям между жителями отдельных сел и обществами, которые извлечены из РФ ИИЯЛ. В него вошли также отдельные акты продажи и купли земельных участков, показывающие имущественное и социальное положение отдельных представителей союзов сельских общин.

Хороший материал по вопросам землевладения и землепользования в союзах сельских общин помещен в изданном в 1969 г. Х.-М. О. Хашаевым сборнике архивных материалов⁶, где содержатся документы, извлеченные из ЦГВИА, ЦГА ДАССР, ЦГИАЛ, ЦГИА ГрузССР, ЦГА СО АССР и РФ ИИЯЛ. Во втором разделе сборника большой интерес по изучаемому вопросу представляют два документа: «Соглашение между жителями селений Араканы и шамхалом тарковским» и «Свидетельство на будущее время». В первом из них, относящемся к 1757 г., отражены зависимые отношения койсубулинцев от шамхала тарковского, которому первые должны были выставлять ополчение и признавать себя «подданными, чтобы служили ему, входили бы в состав его войска» и давали подати⁷. Второй документ относится к первой половине XVIII в. и содержит сведения о податном сословии «нахателал», которое находилось в зависимости от шамхалов Гидатлинского общества⁸. В третьем разделе сборника помещены сведения о рутульских и какинских беках, положении их в обществе, зависимых отношениях ялахцев и луткунцев, об их происхождении, о земельных отношениях ряда союзов сельских общин лезгин и агулов. Здесь же есть «Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге», которая содержит ряд материалов по истории союзов сельских общин Кайтагского уцмийства. Это сведения об общественном строе Кайтага «в прежнее время», в частности узденских частях Кайтага, владении и пользовании землями в этой части Кайтага, сохранившимися и в XIX в., хозяйстве, ремесленных и побочных промыслах. Интересны сведения по земельным отношениям, существовавшим с давних времен в Рутульском обществе, Акуша-Дар-

⁵ Из истории права народов Дагестана: Материалы и документы /Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968.

⁶ Феодалные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архивные материалы. /Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.

⁷ Феодалные отношения в Дагестане..., с. 29.

⁸ Там же, с. 30.

го, обществах Киды, Гагатль, имеющиеся в материалах, помещенных в четвертом разделе сборника. Здесь же даются сведения о происхождении феодальных фамилий ряда сел союзов сельских общин Аварии.

Для изучения социального и экономического развития союзов сельских общин большое значение имеют местные источники — записи на полях арабских книг и отдельных листах по различным вопросам истории союзов. Первостепенное значение среди них принадлежит крестьянским документам или поземельным актам, которые в своем большинстве фиксируют различные поземельные сделки и отражают не только правовые нормы, господствовавшие в сфере крестьянского землевладения, но выявляют такие экономические процессы, как мобилизация крестьянских земель, перераспределение собственности, рост поземельного неравенства и т. д. Имеется несколько видов поземельных актов. Это прежде всего частные акты: купчие, раздельные, дарственные, наследственные, меновые, арендные, духовные. Сохранились десятки таких документов, которые выявлены за последние годы сотрудниками отдела востоковедения ИИЯЛ (Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Омаров Х. А.). Многие из них относятся непосредственно к интересующему нас периоду и характеризуют экономическое положение узденства союзов сельских общин.

Большое значение для освещения вопроса о характере мюлькового землевладения узденства союзов сельских общин, подтверждения того, что купля-продажа земли была распространенной сделкой в их среде, что в руках отдельных уздений сосредоточивались большие земельные владения, о наличии в собственности местных богатеев и другого всевозможного имущества, развитии в союзах сельских общин арендных отношений, имеют крестьянские документы на арабском языке, которые обнаружены на территории бывшего Сюргутского союза, Ицаринского общества, селений Верхнего Кайтага и т. д. и хранятся в РФ ИИЯЛ.

Важным источником по социально-экономической истории союзов сельских общин являются сохранившиеся акты записей вакуфных завещаний. Они содержат материалы по истории отдельных узденских владений до перехода их в собственность мечетей.

Можно сказать, что изучение различных крестьянских документов, выявленных за последние годы, позволяет осветить разные стороны поземельных отношений в среде узденства союзов сельских общин. Крестьянские документы — это источник права на землю.

Из других местных источников, оставшихся в виде писем, отдельных записей или записей на полях арабских рукописей, интерес представляют различные договоры между сельскими обществами и между жителями одной общины по вопросам землепользования, проведения различных сельскохозяйственных работ, пастьбы скота на джамаатских пастбищах, взаимоотношений с другими обществами и феодалами и т. д.

Материалы хроник по разным обществам союзов также содер-

жат сведения по ряду вопросов социально-экономических и политических отношений и личной жизни жителей союзов сельских общин.

В целом на сегодняшний день местных источников по социально-экономической истории союзов сельских общин собрано немного и не по всем союзам. Но там, где проводится полевая работа, такие материалы обнаруживаются. Недостатком собранного актового и других материалов является распыленный характер, отсутствие систематизации по тематике, обществам (союзам) или регионам, что не позволяет проследить эволюцию земельной собственности в союзах сельских общин в исследуемый период.

Ценным источником по исследуемой теме являются материалы обычного права (адаты). Нормы адата, пишет Р. М. Магомедов, «дают богатый и разнообразный материал для изучения дагестанского общества с древнейших времен до XIX в. включительно. По адатам можно судить об уровне развития сельских общин, вольных обществ, социальной структуре и политической организации общества»⁹. Говоря о значении обычного права как исторического источника, В. К. Гарданов пишет: «Можно без преувеличения сказать, что адаты горцев Северного Кавказа являются главным, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII—XIX вв.»¹⁰

Запись адатов народов Дагестана, в том числе и союзов сельских общин, была начата в 40-х годах XIX в. Но из-за военных действий эта работа не была доведена до конца, и лишь в 60-е годы после окончания Кавказской войны этот пробел был восполнен. В 1864 г. Главный штаб Кавказской армии потребовал от начальника Дагестанской области составления сборников адатов по каждому округу. В 1865—1866 гг. все сборники были представлены в Главный штаб начальника Дагестанской области.

В 1868 г. вышла работа А. В. Комарова¹¹, где объединены и систематизированы адаты различных народов Дагестана, в том числе и союзов сельских общин. В приложении к статье дана запись одного из ценнейших документов XVII в. — «Постановление кайтагского уцмья Рустем-хана» в переводе с кайтагского языка.

В 1871 г. были изданы адаты даргинских обществ¹², собранные в 1865 г. Даргинским окружным управлением, которые, по определению М. О. Косвена, представляют собой обширный, основа-

⁹ Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960, с. 2.

¹⁰ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII—начале XIX вв. — Сов. этнография, 1960, № 5, с. 12.

¹¹ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним. — ССКГ, Тифлис, 1868, вып. I.

¹² Адаты даргинских обществ. — ССКГ, Тифлис, 1871, вып. 7, с. 1—128.

тельный и разносторонний сборник¹³, содержащий уголовное право, разделенное на общее право и частные адаты каждого из 7 обществ, входивших в Даргинский округ.

В 1875 г. были напечатаны три сборника адатов под общим названием «Адаты южно-дагестанских обществ»¹⁴, куда вошли адаты Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Самурского округов.

Известный юрист Ф. И. Леонтович в 1882—1883 гг. издал «Адаты кавказских горцев»¹⁵. К сожалению, не вышел 3-й выпуск книги, где должны были быть напечатаны адаты Дагестана. Но и без этого издание дает много интересного и важного материала. В предисловии к первому выпуску говорилось об адатах аварцев, кайтагов и бежтинцев.

В опубликованном в 1899 г. сборнике адатов Дагестанской области и Закатальского округа¹⁶, помимо указанных выше адатов, изданных в 1871—1875 годах, которые здесь даны с некоторыми сокращениями и изменениями, помещены также адаты Андийского, Гунибского и Казикумухского округов.

Советские исследователи продолжили работу дореволюционных ученых по сбору и изданию адатов народов Дагестана. В 1957 г. вышел сборник «Гидатлинские адаты»¹⁷. Хотя этот сборник выходит за рамки исследуемого нами периода (включены адаты XV—нач. XVI в.) и является памятником права предшествующего периода, тем не менее он представляет большой ценности источник, в котором не только определены нормы общественной жизни, регламентировано поведение, регулировались взаимоотношения в общине, охранялась собственность, но и отражен ряд вопросов социально-экономических отношений (социальные и земельные отношения, административное управление), помогающие раскрытию аналогичных вопросов и изучаемого периода.

В 1964 г. проф. Р. М. Магомедов издал книгу «Памятник истории и письменности даргинцев XVII века»¹⁸, где помещен на русском и даргинском языках «Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго», который относится к началу XVII в., периоду правления кайтагского уцмья Рустем-хана. К «Своду» предпослано предисловие и историко-политический очерк о Кайтаг-Дарго. Во вступительной статье очерка дается характеристика судебнику как важнейшему документу истории средневекового Дагестана.

Судебник является памятником как феодального, так и народ-

¹³ Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.— КЭС. М.; Л., 1958, т. 2, с. 244.

¹⁴ Адаты южно-дагестанских обществ.— ССКГ, Тифлис, 1975, вып. 8, с. 1—75.

¹⁵ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа. Одесса, 1882—1883, вып. 1—2.

¹⁶ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа /Под ред. Н. Я. Сандрыгайло. Тифлис, 1899.

¹⁷ Гидатлинские адаты. Подготовили к печати Х.-М. Хашаев и М.-С. Саидов. Махачкала, 1957.

¹⁸ Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

ного права. В нем отражается распад кайтаго-даргинского общества на класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых, с одной стороны, с другой стороны — на общинников и общинную знать, защищаются как интересы правящего класса, так и основной массы населения Кайтаг-Дарго, которым являлось узденство. В целом это ценный источник для раскрытия ряда вопросов социальной истории, общинной жизни, взаимоотношений общины с феодалами и т. д.

Ряд адатов союзов сельских общин помещен в указанном выше сборнике архивных материалов «Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.» Среди них адаты Андалальского, Келебского, Цекубского, Тиндальского и Хваршинского обществ, Технущала, каратинцев, ункратлинцев, чамалинцев, андийцев, гумбетовцев, которые не были до этого изданы, а многие и неизвестны. Это наиболее полный список адатов аварских союзов сельских общин, отражающих важнейшие вопросы их социально-экономической жизни и административно-политического устройства. Значение этих адатов и в том, что ряд из них хронологически относится к XVII—XVIII вв., т. е. к тому периоду, по которому очень мало письменных источников, касающихся истории союзов сельских общин.

Адаты, большинство из которых были опубликованы впервые, помещены и в вышерассмотренном сборнике материалов и документов «Из истории права народов Дагестана». Среди них, прежде всего, следует указать на «Материалы по обычному праву даргинцев», записанные и подготовленные к изданию крупным знатоком общественного быта горцев юристом и этнографом Б. К. Далгат. Как пишет составитель сборника А. С. Омаров, ценность этих материалов «не только в том, что они были записаны и подготовлены к изданию профессионально высокообразованным и эрудированным специалистом: в отличие от большинства сборников материалов обычного права Дагестана важное место в рукописи Б. К. Далгат занимают данные, характеризующие гражданско-правовой быт даргинцев, главным образом, семейные отношения, в том числе имущественные и право наследования»¹⁹.

По интересующей нас теме важно помещенное также впервые в сборнике «Собрание адатов селений Аварского округа», где имеются адаты Каратинского, Ахвахского, Багулальского обществ и ряда сельских общин. Это также адаты бежтинцев, Кайтага и Табасарана, Казикумухского округа и отдельных сел — Батлух, Асса, Усиша, извлеченные из различных архивов, научных библиотек и РФ ИИЯЛ. Среди них имеются и такие адаты, которые были в свое время записаны и подготовлены к изданию Ф. И. Леонтовичем (адаты Бежтинского округа) и М. М. Ковалевским (Бежитские адаты). Первые из них составлены в 60-е годы XIX в. и извлечены для издания из Одесской государственной научной

¹⁹ Из истории права народов Дагестана, с. 11.

библиотеки им. А. М. Горького, а вторые — записаны М. М. Ковалевским во время пребывания его в Бейта осенью 1887 г.

Как видим, адаты союзов сельских общин Дагестана были записаны и изданы сравнительно недавно — в основном в редакции второй половины XIX в. Тем не менее они могут пролить свет на более ранние этапы истории, так как в них фиксируются отношения, имевшие место за многие века до их записи. Объясняется это тем, что адаты складывались на протяжении столетий, переходили из одной эпохи в другую, сохраняясь из поколения в поколение в устной традиции и не подвергаясь особым изменениям в течение длительного времени. Поэтому и в записях обычного права поздней редакции «можно обнаружить правовую традицию, восходящую к более раннему периоду»²⁰. Нельзя не согласиться с исследователем обычного права кавказских народов Ф. И. Леонтовичем, который писал: «В обычном праве кавказских горцев... сохранилось немало институтов глубокой старины, по своему происхождению и характеру принадлежащих к таким явлениям общественной культуры, которые на первых порах встречались в истории всех народов»²¹.

К. Маркс указывал: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»²². Поэтому в условиях Дагестана, где развитие общественных, социальных институтов протекало относительно (а часто и чрезвычайно) замедленными темпами, юридическое оформление прав или обязанностей, тех или иных социальных явлений еще больше отставало от темпов социально-экономического развития, которые мы наблюдаем у дагестанских народов. Из этого следует, что сохранившиеся нормы обычного права, записанные и изданные в XIX в., не всегда отвечали новым условиям жизни, новым социальным отношениям. В них нашло отражение то, что было и раньше, а не только то, что было при их фиксации. Исходя из этого мы можем и имеем право оперировать нормами обычного права, изданными или зафиксированными во второй половине XIX в., для изучения более ранних периодов истории союзов сельских общин.

В адатах дагестанских народов зафиксировано сословное и классовое деление общества горцев, взаимоотношения между сословиями, повинности, которые несли зависимые сословия в пользу своих владельцев, формы землевладения и землепользования, рассмотрены вопросы уголовного права, права наследования и семейных отношений, взаимоотношения общины и крестьянина, структура общины и джамаата, административное устройство общины и союзов сельских общин, функции власти и управления административно-должностных лиц и т. д. В адатах союзов сель-

²⁰ Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, с. 9.

²¹ Леонтович Ф. И. Указ. соч., вып. 2, с. 9.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 19.

ских общин отражена устойчивость крестьянской общины, борьба крестьянских общин за свои права и др.

Все это в условиях недостаточности или отсутствия по многим вопросам истории союзов сельских общин письменных источников придает адатам как «народным законодательным памятникам» роль важнейших и ценнейших категорий исторических источников, дающих материал для характеристики многих вопросов социально-экономических отношений союзов сельских общин. Содержащийся в адатах материал существенно восполняет сведения других источников по внутренней истории союзов сельских общин. Но недостатком адатов является то, что записи их с научной точки зрения не могут полностью удовлетворить исследователей, так как основной упор в них делается на вопросы уголовного и семейного права.

Значительный материал по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин содержится в изданных кавказоведческих работах ученых-современников, путешественников и военных деятелей. Их работы мы рассматриваем как источники потому, что кавказоведческие изыскания, как справедливо отмечено в исторической литературе, «скорее относятся к первоисточникам, нежели к собственно историческим сочинениям»²³. Причем это наиболее значительная группа источников по интересующей нас теме.

В первую очередь, к этому виду источников относятся интересные и достоверные известия о союзах сельских общин, которые содержатся в работах осведомленных авторов — военных, ученых, путешественников XVIII в.: И.-Г. Гербера, И. Лерха, И. А. Гюльденштедта, Я. Рейнегса²⁴ и др. Сведения эти касаются истории, географии, земельных отношений, занятия населения, состава союзов, их административного управления и взаимоотношений с феодальными владениями и с Россией и т. д.

Особенно интересна работа И.-Г. Гербера, которая содержит материал о территории, населении, хозяйственной деятельности жителей союзов сельских общин, податях и повинностях, взаимоотношениях с феодальными владениями, странами Закавказья и с Россией и т. д. «Обширность затрагиваемых в книге вопросов, насыщенность различными сведениями, в ряде случаев являющи-

²³ *Гаджиев В. Г.* Изучению истории феодализма в Дагестане.— В кн.: Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 14.

²⁴ *Гербер И.-Г.* Известия о находящихся с западной стороны между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. — Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие, июль—октябрь 1760; см. также: Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г.— ИГЭД. М., 1958; Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1746 по 1747 год. — Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791, ч. 52; *Гюльденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1774 гг.» СПб., 1809; *Reineggs Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus.* Gotha und St.-Peterburg, 1796.

мися единственными дошедшими до нас данными, создали труду И. Гербера широкую известность. Без преувеличения можно сказать, что ни один исследователь досоветской истории народов северо-восточного Кавказа не обходится без этого источника»²⁵.

В работе акад. И. А. Гюльденштедта также имеются сведения о территории и границах союзов сельских общин, их составе и численности населения, отраслях хозяйственной деятельности, языках, взаимоотношениях и т. д.

Большой интерес как исторический источник представляет трехтомная работа П. Г. Буткова²⁶. С 1791 по 1803 год П. Г. Бутков служил на Кавказе и имел возможность знакомиться и собирать важные исторические документы, на основании которых и написан его труд. Здесь использованы не только архивные документы, материалы дипломатического и военно-исторического содержания, но и много выдержек из работ путешественников по Кавказу. В работе П. Г. Буткова имеются сведения о составе ряда союзов сельских общин, их политическом управлении, взаимоотношении с феодальными владениями, отношении к политике России в Дагестане и т. д.

Достоверные сведения по ряду вопросов социально-экономической истории союзов сельских общин конца XVIII—первой половины XIX в. имеются в работах и других авторов XIX в. Это прежде всего труд С. М. Броневского, посвященный географическому и историческому описанию Кавказа²⁷. Работа С. М. Броневского, написанная на основе литературных, архивных, а также лично им собранных материалах, является хорошим источником, содержащим как общие исторические и географические сведения о народах Дагестана, в том числе о союзах сельских общин, так и сведения по многим вопросам их социально-экономического развития, таких как численность населения, земледелие, садоводство, животноводство, система овцеводства, ремесло, торговля, распространение денежных единиц, административное устройство и т. д.

Ряд сведений по истории союзов сельских общин первой трети XIX в. содержится в работах П. Зубова²⁸ и О. Евецкого²⁹, написанных на основе литературных и официальных материалов. Первый из них сообщает о народонаселении ряда союзов сельских

²⁵ Гаджисов В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979, с. 3.

²⁶ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х ч. СПб., 1869.

²⁷ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2-х ч. М., 1823.

²⁸ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1835, ч. 3.

²⁹ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края на исходе XVIII в. и сравнение оного с нынешним. СПб., 1835.

общин, найме на военную службу к феодальным владетелям и в другие государства, политическом положении, взаимоотношениях с шамхальством, уцмийством Кайтагским и Аварским ханством, дорогах и т. д. В работе О. Евецкого имеются материалы о хозяйственной деятельности населения союзов сельских общин, местном управлении — власти административных лиц, роли народного собрания и т. д.

Многие русские исследователи, а также участники экспедиций и военных походов, государственные и военные деятели издавали свои труды в различных изданиях XIX в. — в журналах, сборниках и газетах. Как свидетели или участники происходивших в Дагестане событий в первой половине XIX в., они дают важные сведения, которые помогают в изучении большого круга вопросов истории союзов сельских общин.

Ценны в качестве источника по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин работы А. Берже³⁰, которые написаны на основе различных материалов, в том числе архивных и рукописных, и содержат сведения о составе союзов, численности и хозяйственной деятельности населения, зависимых отношениях, взаимоотношениях с феодальными владениями и т. д.

Сведения официальных материалов по союзам сельских общин имеются в статье Н. А. Околыничего³¹, которые касаются состава их, занятия населения, управления, воинских сил и т. д.

Аналогичные сведения содержит статья Г. А.-Д. «Обзор последних событий в Дагестане»³². Имеются здесь также материалы о террасном земледелии, роли духовенства в политической жизни союзов, власти их и старшин, отгонной системе скотоводства и т. д.

Интересные сведения содержатся в «Записках» А. Ермолова³³. Они, в основном, касаются Акуша-Дарго, его населения, хозяйства, социальных вопросов, роли в политической жизни Дагестана, административного управления.

Сведения по союзам сельских общин имеются также в ряде работ, изданных в конце 60—80-х годов XIX в. Так, в работах А. В. Комарова³⁴ мы находим сведения о народонаселении, составе союзов, их названиях, административно-политическом устройстве, названиях и функциях власти должностных лиц общин и союзов и т. д.

³⁰ Берже А. Прикаспийский край. — КК на 1857 г. Тифлис, 1856; *Он же*. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — КК на 1858 г. Тифлис, 1857; *Он же*. Материалы для описания Нагорного Дагестана. — КК на 1859 г. Тифлис, 1858 г.

³¹ Околыничий Н. А. Перечень последних военных событий в Дагестане (1843 год). — Военный сборник. СПб., 1859, т. 5, № 1, с. 107—172.

³² Г. А.-Д. Обзор последних событий в Дагестане. — Военный сборник. СПб., 1859, т. 9, № 16, с. 475—518.

³³ Ермолов А. П. Записки (С приложениями). 1816—1827. М., 1864, ч. 2.

³⁴ Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). — ССКГ, Тифлис, 1868, вып. I; *Он же*. Списки населенных мест Дагестанской области. — Сборник статистических сведений о Кавказе. — ИКОИРГО, Тифлис, 1869, т. I; *Он же*. Народонаселение Дагестанской области. — ЗКОРГО, Тифлис, 1873, т. 7.

В «Записках» Н. Н. Муравьева-Карского³⁵, составленных им на основе собранного во время пребывания в 1822—1823 гг. в Дагестане материала, имеются сведения о союзах сельских общин Анди, Койсубулу, Акуша-Дарго, Кубачи, Карах. Они касаются состава союзов сельских общин, занятий населения, системы ведения овцеводческого хозяйства, найма или аренды пастбищ и взаимоотношений горцев с феодальными владельцами, складывающихся на этой основе, административного управления.

Много ценных материалов по союзам сельских общин содержат труды известного кавказоведа М. М. Ковалевского. Среди них особо следует сказать о капитальной двухтомной работе «Закон и обычай на Кавказе»³⁶, где использовано большое количество первоисточников, что и делает ее, в свою очередь, важным источником по истории союзов сельских общин. Имеющийся в работе М. М. Ковалевского конкретный материал по различным вопросам истории союзов сельских общин во многом помогает в изучении важнейших вопросов их социально-экономического развития и административно-политического устройства. Это вопросы о структуре тухума и джамаата, происхождении названий тухумов, родственных отношениях, функциях власти административных лиц, судопроизводстве, роли институтов патриархально-родового строя и т. д.

Интерес в качестве источников по истории союзов сельских общин представляют и отдельные работы местных авторов, написанные как на основе первоисточников — арабо-персо- и тюркоязычных документальных материалах, так и собранных на местах сведениях. Это работы А. К. Бакиханова, Г. Э. Алкадари, Г.-М. Амирова³⁷, в которых имеются сведения по земельным отношениям, экономическому и социальному положению различных слоев населения, взаимоотношениям сельских общин между собой и союзов с феодальными владениями, политическому положению, структуре административного управления, роли духовенства и т. д.

Для изучения истории союзов сельских общин определенное значение имеет материал эпиграфики, собранный на территории бывших союзов сельских общин и изданный Л. И. Лавровым³⁸ и А. Р. Шихсаидовым³⁹. В ряде эпиграфических памятников отразились классовые отношения: в них упоминаются представители

³⁵ *Муравьев-Карский Н. Н. Записки. 1822 и 1823 годы.* — Русский архив, 1888, № 7, с. 313—352.

³⁶ *Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе: В 2-х т. М., 1890.*

³⁷ *Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929; Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста).* — ССКГ, Тифлис, 1873, вып. 7.

³⁸ *Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. Надписи X—XVIII вв. М., 1966; ч. 2. Надписи XVIII—XIX вв. М., 1968; ч. 3. Надписи X—XX вв. М., 1980.*

³⁹ *Шихсаидов А. Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI—XVII вв.) — Уч. зап. ИИЯЛ, Махачкала, 1964, т. 13; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984.*

феодалной верхушки. Это же можно проследить и исходя из сравнения надгробных памятников, поставленных представителями различных слоев населения. В эпитафических памятниках нашли отражение также различные события политической истории союзов сельских общин.

Путь к познанию истории лежит не только через изучение письменных источников, являющихся фундаментом исторических исследований. Большую роль в этом играют и так называемые нетрадиционные источники, в частности фольклорный и историко-этнографический материал.

Как справедливо писал А. Кауфман, «сами документы очень часто только тогда становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»⁴⁰. Особенно это касается тех периодов, по которым мало или недостаточно письменных источников. Исследователями отмечено значение историко-этнографического материала и для периода феодализма. Как пишет Х. П. Стродс, «история периода феодализма, реконструированная только на базе письменных источников, в определенной степени оказывается неполной и односторонней»⁴¹. В свете этих мнений трудно согласиться с теми, кто утверждает, что анализ этнографических источников — это дело только одних этнографов. Причем историко-этнографический материал в условиях недостаточности или малочисленности, а порою и полного отсутствия исторически конкретных письменных источников по ряду важных вопросов имеет решающее значение. Поэтому мы солидарны с теми исследователями, которые не согласны с существующим у некоторых ученых мнением о том, что устные исторические источники относятся к «материалу второго сорта». В ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущества перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р. М. Магомедов пишет: «Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм и т. п.

В основном в устных источниках отражены наиболее характерные черты местных особенностей в культурной и бытовой сфере (обычаев, пережитков, поверий и т. п.), являющихся драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать порой весьма древние общинные формы и отношения.

Именно исторические предания дают значительный материал по истории социальной и классовой борьбы в Дагестане, особенно интересной для историка-марксиста...»⁴²

Бесценно значение историко-этнографического материала при

⁴⁰ Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904, с. 54.

⁴¹ Стродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях.— Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М.: Наука, 1977, с. 42.

⁴² Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977, с. 10.

изучении хозяйства феодального общества, земельной собственности и землепользования, характера и типа общины, структуры тухума и джамаата и т. д.

Особенно ценны историко-этнографические данные, если они однотипны, т. е. совпадают по рассказам нескольких информаторов. В этом случае «налицо устойчивость, стабильность, можно считать, что эти рассказы отражают действительность»⁴³.

Полевые этнографические источники, используемые в комбинации с письменными источниками, дополняют последние и помогают в проверке их данных. «Конфронтация письменных источников и полевых этнографических источников, — пишет Х. П. Стродс, — часто приводит исследователя к сомнениям в правильности выводов, сделанных на основании письменных источников»⁴⁴.

Конечно, мы ни в коей мере не упускаем из виду и понимаем, что записи рассказов информаторов могут быть с различными искажениями и наслоениями. Поэтому, естественно, их необходимо подвергать критическому анализу. В целом же при использовании историко-этнографического материала нужно применять оправдавшие себя методы исторической ретроспекции и аналогии.

Существуют и трудности использования историко-этнографического материала, главной из которых, как нам кажется, является отсутствие специальных публикаций этих материалов. Между тем, известно, что как этнографы, так и исследователи истории досоветского периода собрали большой историко-этнографический материал, который хранится в РФ ИИЯЛ и находится в личных архивах ученых. Публикация этого материала помогла бы и облегчила использование его в научных трудах, посвященных различным вопросам истории феодализма. Вторая трудность при использовании историко-этнографического материала как исторического источника заключается в сложности датировки, в особенности в тех случаях, когда не упоминается реально существовавшее историческое лицо или имевшее место и отмеченное в других источниках событие.

Таков вкратце круг источников по социально-экономической и политической истории союзов сельских общин Дагестана XVIII—первой половины XIX вв. В целом надо отметить, что имеющиеся источники недостаточны для всестороннего и полного освещения всех вопросов истории союзов сельских общин. При всем разнообразии их они не полны, часто отрывочны и недостаточны, особенно для изучения таких вопросов, как социальный состав и фактическое положение различных слоев населения в общине, формы зависимости и эксплуатации и т. д.

⁴³ Стродс Х. П. Указ. соч., с. 52.

⁴⁴ Там же, с. 56.

Э. М. Далгат

ЖАЛОБЫ КРЕСТЬЯН КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ В КОНЦЕ XIX—НАЧ. XX вв.

Впервые в научный оборот крестьянские жалобы как источник были введены советскими историками. Они имеют большое значение для раскрытия экономического положения крестьян, характера эксплуатации, дают богатый материал для характеристики социальных отношений. Ценность этого вида источников для историков заключается в том, что он исходит от самого объекта исследования — крестьянина.

Жалобы являются одной из разновидностей массовой документации, к признакам которой относятся: ординарность обстоятельств происхождения; однородность, аналогичность или повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющая к стандартизации¹.

Крестьянские прошения относятся к группе основных источников проблемы и заслуживают фронтального метода обследования за возможно большой отрезок времени. Наибольшую ценность эти документы имеют для конца XIX—нач. XX в. Это время, когда в социально-экономическом развитии Дагестана происходили важные изменения. Шла ломка патриархально-феодального уклада, проникали и развивались новые, капиталистические отношения. Усиливалась антифеодальная борьба, происходило расслоение крестьянства, появлялось купечество. Эти процессы в неодинаковой степени затронули различные регионы Дагестана².

Все это влекло за собой увеличение количества жалоб. Они шли в самые различные инстанции, начиная с начальников округов и кончая царем, и в зависимости от этого отложились в Центральном государственном архиве ДАССР, в Центральном государственном историческом архиве Грузии, а также в Центральном государственном историческом архиве СССР и Центральном госу-

¹ См.: Литвак Б. Г. Приемы формализации содержания массовой документации и реестры (по материалам XIX в.) — Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 226.

² См.: Нахичуров И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; Османов Г. Г. Генезис капитализма в сельском хозяйстве Дагестана. М., 1984 и др.

дарственном военно-историческом архиве СССР. Нами рассматривались жалобы, хранящиеся в ЦГА ДАССР и ЦГИА ГрузССР.

По принятой в то время в делопроизводстве форме эти документы обычно именовались «прошениями», по сути же это были жалобы. Так как «прошения» вызывали обширную переписку, многие «дела» шли под заглавием «Переписка по прошению крестьян...». По получении прошения местная администрация приступала к сбору необходимых данных. Время существования начавшегося дела было весьма различным: оно могло завершиться в течение одного-двух лет, но могло затянуться и на десятилетия. Рекордным в этом смысле было «Кокрекское дело»³ — его хронологические рамки охватывают период почти с полвека — с 60-х годов XIX в. до начала XX века. За длительный период времени сменилось поколение людей, дело пополнилось новыми различными материалами, но основным стержнем его продолжало оставаться прошение крестьян вернуть им во владение землю «Кокрек».

Помимо прошения крестьян, в делопроизводстве по нему в зависимости от тематики откладывались различные материалы. В комплексе дел по прошению можно найти и мнение окружной администрации, и решения окружных и областных судов, донесения полицейских чиновников и т. д. Такое, иногда весьма объемистое «дело», позволяет представить себе социально накаленную атмосферу, которая имела место во многих сельских общинах Дагестана в конце XIX—нач. XX в. Для этого надо сопоставить прошение с другими материалами дела, попытаться объективно оценить мнения всех участников разбирательства. При этом следует также учитывать вероятность неполного совпадения сообщаемой информации с реальными обстоятельствами.

Прежде чем подавать прошение, которое, как правило, было коллективным, крестьяне на сходе обсуждали его содержание. Подача прошения была связана с определенными трудностями, так как надо было найти человека, знающего русский язык, умеющего составлять деловые бумаги, заплатить за составление и переписку бумаги гербовый сбор. Необходимо было потратиться на дорогу для доставки прошения к губернатору или наместнику, пожертвовать для этого своим временем. Кроме того, подача прошения требовала известного гражданского мужества, так как за это крестьяне подвергались преследованию беков и администрации. Так, поверенные 23 селений Северного Табасарана, шедшие с прошением к губернатору, были арестованы начальником округа, избиты и посажены в тюрьму. Крестьяне писали в жалобе к военному губернатору, что «эти поверенные боятся и дальше быть поверенными»⁴. Подобные случаи были не единичными.

Прошение подавалось на русском языке. Если же оно было

³ РФ ИИЯЛ, д. 1323, л. 155—248; ЦГИА ГрузССР, ф. 12, оп. 7, д. 3792, л. 2.

⁴ РФ ИИЯЛ, д. 163, л. 130, 131.

написано на арабском языке, то прилагался русский перевод. Текст обычно удостоверялся подписями поверенных, которые указывали, что пишут по просьбе доверителей — крестьян. Текст прошения составлялся как чиновниками, так и частными лицами. В зависимости от грамотности поверенных в одних прошениях суть дела излагалась четко и логично, другие отличались многословием, запутанностью изложения, стилистическими и грамматическими погрешностями.

Текст прошений строился примерно по такой схеме: история возникновения зависимых отношений крестьян данного селения к бекам, сведения о хозяйственно-экономическом положении общества к моменту подачи прошения, земельные споры с беками, земельные споры с разбогатевшими крестьянами и с соседними обществами, злоупотребления беков и местной администрации. В конце излагалась просьба.

Для прошений был свойствен иллюстративно-описательный характер. В них встречается и цифровые материалы в тех случаях, когда речь идет о размерах повинностей, отбываемых крестьянами феодалам, а также о размерах спорных земельных участков. В прошениях подробно перечисляются названия, которые еще издавна закрепились в народе за этими участками. Это было не случайно. Поскольку межевание в области в конце XIX—нач. XX в. не проводилось, такое местное обозначение земельных участков было просто необходимо. Администрация при учете земельного фонда тоже пользовалась этими названиями. При обосновании своего права на владение тем или иным участком земли крестьяне апеллировали к тому, что «с древних времен «или» со времен дедов и отцов» общество на протяжении длительного времени пользуется этой землей. Авторитет старины в их представлении был очень высок.

Основными мотивами крестьянских жалоб в конце XIX—начале XX в. были усиление феодальной эксплуатации, насильственный захват беками и кулаками общественной земли, злоупотребление должностных лиц и т. д. В качестве примера приведем полностью прошение поверенных 25 селений Кайтаго-Табасаранского округа на имя главноначальствующего на Кавказе, датированное июнем 1895 г.

«С прошлого года до сего времени нами поданы на Ваше имя 4 прошения, 1 в Поzemельную комиссию и 5 губернатору Дагестанской области, чтобы нас освободили от угнетения, насилия беков и причислили к числу крестьян государственных, так как эти беки страшнейшим образом угнетают, притесняют нас, так, например, они произвольно по своему усмотрению назначают налоги: на кур, на яйца, на дрова, на угли, даже с каждого молодого, который думает жениться, берут по 10 рублей.

Со дня назначения князя Макаева окружным начальником насилия еще больше усилились. Могут ли быть сильнее притеснения, как лишиться имущества отца, брата по их смерти.

Благодаря произволу беков мы со своими семействами сделались положительно нищими, бродягами, никакую собственность не имеем, ходим голыми. Иногда жестокость их доводит нас до того, что мы выражаем желание жаловаться, тогда благодаря содействию окружного начальника они нас бьют, ли-

шают свободы, так что даже двое из нас: Гаджи-Норуз бек Гусейн оглы и Магомед Гусейн оглы по настоящее время сидят в тюрьме, а мы успели без паспорта ускользнуть.

Правительством даже над животными назначены покровители, неужели мы, люди, стоим ниже их, что не имеем никакого покровителя, что все наши прошения остаются без последствия.

Снабдите нас охранительной бумагой от притеснения беков и окружного начальника до разбора нашей жалобы. Если мы вернемся без охранительной грамоты, бек нас накажет»⁵.

В этом документе, как и во множестве других подобных, выражен протест зависимого крестьянства против злоупотребления беков и окружной администрации. Крестьяне твердо убеждены в незаконности требований беков, вводивших новые налоги, усиливших эксплуатацию. Особенно возмутил крестьян захват беками выморочного имущества. Это не случайно. Как известно, беки заявляли о своем праве на земли, которыми пользовались крестьяне, и после смерти райята забирали себе его участок земли. Крестьяне же считали землю своей собственностью, а повинности бекам — платой за управление, необходимость в которой исчезла с появлением русской администрации. Поэтому крестьяне так резко воспринимали захват беками выморочного имущества.

В прошении выражено желание о причислении к категории государственных крестьян и освобождении, таким образом, от зависимых отношений к бекам. Обращает на себя внимание настойчивость, с которой крестьяне указывали администрации на свое тяжелое положение. За короткий срок ими было подано 10 прошений. В документе прямо заявлялось о недоверии окружной администрации, которая покровительствуя бекам, преследовала крестьянских вожakov, сажала их в тюрьмы.

Мотивируя свою просьбу, крестьяне сообщали о себе некоторые сведения. Хотя сделано это в общих чертах, данные представляют большой интерес. Они рисуют картину упадка крестьянского хозяйства, его разорения и обнищания. В жалобе указаны коренные причины этого — усиление эксплуатации беками, которые таким путем пытались приспособиться к развивавшимся в области товарно-денежным отношениям. В крестьянских жалобах подробно перечислялись размеры повинностей, отбываемых ранее, сопоставлялись с новыми, вводимыми беками. Так, в рассмотренной выше жалобе это — налоги на кур, на дрова и т. д. Ухудшение положения крестьян вызывало увеличение количества жалоб. Прощения говорят о возрастании роли денег в жизни народов Дагестана в исследуемый период. В этих условиях феодалы прибегали к коммутации, т. е. производили замену натуральных повинностей денежными.

В жалобе общества Шамхал-Янгиюрт на имя военного губернатора говорилось о том, что в середине XIX в. крестьяне, помимо прочих повинностей, платили беку кент-ясак. С каждого имеющего 20 баранов бек получал по 1 овце, с тех, кто имел больше 20 ба-

⁵ РФ ИИЯЛ, д. 163, л. 88, 89.

ранов, по одной овце с барашком⁶. К началу XX в. положение изменилось. «Вместо отбиваемого натурой кент-ясака установлен порядок, что все барановоды за пастьбу баранты на общественных землях платят определенную плату за каждого барана (в последнее время по 40 коп. с барана). Половина этой суммы поступает в пользу беков и половина в пользу общества»⁷. Развитие товарно-денежных отношений, усиление товарности хозяйства вызывало повышение стоимости земли и соответственно арендной платы за пользование ею. За аренду пастбищного казенного участка «Матлас», сообщают жители селений Химагоро, Снух и Шотота Аварского округа, они платили сначала 200 руб. в год, потом 450 руб., в 1900 году с них стали требовать уже 845 рублей⁸, т. е. за короткое время арендная плата возросла более чем в 4 раза. Удорожание стоимости земли вызывало ухудшение экономического положения крестьянства.

В условиях повышения ценности земли феодалам стало выгоднее отдавать ее в аренду посторонним лицам, чем оставлять в пользовании райят. Как пишут крестьяне селения Рукель, «беки все свои земли и лес передали в арендное пользование посторонним лицам под посевы и под пастбища»⁹. Но они не ограничивались этим. Многочисленные прошения свидетельствуют о том, что в конце XIX—нач. XX в. широко распространился захват беками общинных земель. 12 общественных кутанов было захвачено Мамерза-беком Табасаранским. Из прошения крестьян селения Марага видно, что они неоднократно обращались по этому поводу в различные инстанции. Их дело несколько раз разбиралось в судах. Дагестанский народный суд в 1901 году постановил приостановить дальнейшее производство дела до разрешения сословно-поземельной комиссией вопроса о принадлежности марагинских земель¹⁰.

В крестьянских прошениях сообщалось, что, присваивая себе земли, беки продолжали требовать по-прежнему выполнять повинности. Отобранные у крестьян земли беки отдавали в аренду купцам, промышленникам и свободным сельским обществам.

Просьбы крестьян отклонялись, оставлялись без последствий. Причиной отрицательного решения вопроса об отмене зависимых отношений и о закреплении за крестьянством участков земли, которой они пользовались, являлись ссылки администрации на предстоящее в будущем размежевание земель области. Мотивировка отказов, как правило, выражалась трафаретной фразой о том, что «впредь до окончательного определения законодательным путем поземельных прав беков, райяты обязаны вносить в пользу беков подати и повинности и независимо от сего уплачивать в казну за

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 271.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 140 «в», л. 24.

⁹ Там же, л. 186.

¹⁰ Там же, л. 7—9.

находящиеся в их владении земли государственный налог и земский сбор»¹¹.

Среди жалоб были анонимные. Они, как правило, направлены против произвола чиновничьего аппарата области. Эти документы отражают стихийный протест против всех звеньев правительственного аппарата, начиная с окружной администрации вплоть до губернатора.

К Дагестану в полной мере относятся слова Ф. Энгельса о «бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию...»¹² Дагестанская администрация в этом плане была самой типичной. Крестьянские жалобы, адресованные обычно на имя наместника, наглядно это иллюстрируют.

Крестьяне 37 селений Курахского участка Кюринского округа сообщали, что начальник участка Шахмардан бек занимался «взяточничеством и дружбой с ворами». Для того чтобы получить знак старшины, надо было дать 50 рублей, а знак кадия — 30 рублей¹³. Такая же торговля должностями существовала в Гидатлинском участке Гунибского округа, о чем сообщали крестьяне этого участка в прошении на имя наместника. «Жители наши, — пишут крестьяне, — неоднократно подавали на начальника участка Джафар Хаджи коллективные и одиночные жалобы как окружной, так и областной администрации, но долго наши жалобы были гласом вопиющего в пустыне»¹⁴. Жители Самурского округа сообщали в анонимной жалобе, что «благодаря тому, что начальник округа Бруслов берет взятки, у нас все поставлено так, что ни одно дело без взятки не решается»¹⁵.

Большое количество жалоб направлено против произвола сельских старшин. Администрация обычно назначала старшин из числа зажиточных крестьян-кулаков. В них власти видели свою опору. Разбогатевшая сельская верхушка беззастенчиво эксплуатировала своих односельчан. Как видно из прошения жителей селения Ахты, старшина селения Абдул Фетах Раджаб оглы до избрания его на должность был мельником, за два года нахождения в должности старшины разбогател, открыл лавку и приказал всем брать товар у него, а не подчиняющихся этому требованию всячески притеснял. «Начальник участка, — пишут крестьяне, — не обращает на это внимания, у него все лавочки друзья»¹⁶. Они просят наместника производство дознания поручить не губернатору, которому не доверяли, а командировать особого чиновника¹⁷.

Пользуясь покровительством властей, сельская верхушка захватывала общественные леса, распахивала общественные земли, возводила постройки на общественной земле.

¹¹ РФ ИИЯЛ, д. 163, л. 158.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 540.

¹³ ЦГИА ГрузССР, ф. 229, оп. 2, д. 2583, л. 21.

¹⁴ ЦГИА ГрузССР, ф. 13, оп. 15, д. 786, л. 20.

¹⁵ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2583, л. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Жители селения Султан Янгпурт писали в прошении, что старшина их селения сдал в аренду общественный участок под охоту, а деньги присвоил. Он же вспахал общественную землю, продавал общественный лес. Старшина был оштрафован, «но, как пишут крестьяне, он не обращает на это внимания»¹⁸. То же происходило и в селении Нижний Дженгутай¹⁹ и многих других селах.

Крестьяне селения Аргуани неоднократно жаловались, что местный разбогатевший крестьянин Гази Магома Биаквай оглы неоднократно пытался построить хлев для скота на участке земли, принадлежащем обществу. Но оно этому препятствовало. Как видно из делопроизводства по прошению крестьян, несмотря на их протесты, летом 1915 года Гази Магома нанял 17 рабочих, которые за одну ночь вновь возвели на общественной земле хлев. Возмущенные аргуанцы разрушили хлев, ранили Гази Магому, избили его родственников и рабочих²⁰.

Подобные прошения являлись отражением происходившего в конце XIX—нач. XX вв. в дагестанском ауле процесса классовой дифференциации крестьянства, из массы которого выделялась богатая верхушка. Следствием этого было нарастание «второй социальной войны», т. е. шла борьба внутри крестьянства, беднейшая часть которого боролась против богатой. Эта борьба порой выливалась в вооруженные столкновения, как это было в Аргуани.

Об обострении классовой борьбы внутри дагестанского крестьянства, помимо жалоб, свидетельствуют и другие архивные материалы. В частности, в ЦГИА ГрузССР отложилось большое количество документов, говорящих, что в конце XIX—нач. XX вв. частыми стали случаи убийства крестьянами сельских должностных лиц, преимущественно старшин²¹. В качестве причин убийств указаны, например, потрава старшинами крестьянских покосов или описание имущества бедняков за долги и т. п. Эти документы подтверждают усиление антагонизма между различными категориями дагестанского крестьянства.

Помимо рассмотренных нами, существовали жалобы, касавшиеся отживших форм землевладения. Об этом говорит «Записка» начальника Казикумукского округа в Темирханшуринскую временную комиссию по вопросу о прекращении зависимых отношений поселян к бекам²². Из нее следует, что население неоднократно возбуждало перед начальником округа ходатайство о ликвидации сервитутного права. Возникнув давно на низкой ступени общественного развития, к концу XIX—нач. XX вв. сервитутное право превратилось в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства, поэтому появились требования крестьян о его ликвидации.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 10, л. 4.

¹⁹ Там же, д. 140 «в», л. 262.

²⁰ Там же, ф. 66, оп. 5, д. 62, л. 10.

²¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 229, оп. 1, д. 277, л. 3; оп. 2, д. 118, л. 1; д. 135, л. 21, 82, 87; д. 593, л. 3, 4.

²² ЦГА ДАССР, ф. 239, оп. 1, д. 3, л. 42.

Жалобы являются ценнейшим источником, позволяющим также судить об изменении социальной психологии дагестанского крестьянства в исследуемый период. Мы не будем останавливаться на этом интересном вопросе, поскольку он рассмотрен в специальной статье²³. Скажем лишь, что прошения свидетельствуют о больших изменениях общественной психологии крестьянства, о росте его самосознания.

Подведем краткие итоги.

Нами было обследовано 96 дел, в результате чего выявлено 112 прошений. Преимущественно эти прошения крестьян Темир-Хан-Шуринского, Кайтаго-Табасаранского, Кюринского округов, т. е. округов с феодально-зависимым крестьянством. Меньше поступало жалоб из округов со свободным крестьянством.

Надо отметить, что число обследованных нами дел не соответствует количеству прошений; так, в одном деле иногда содержится по нескольку прошений.

Среди всей массы жалоб преобладают коллективные, составляющие 90% общего числа.

По нашим подсчетам, 48% всех прошений было вызвано неудовлетворенностью крестьян экономическими аспектами взаимоотношений с беками. Сохранение зависимых отношений, усиление феодальной эксплуатации, захват беками общинных земель вызывали резкую реакцию крестьян. 24% жалоб касается злоупотреблений администрации — начальников участков, округов, военного губернатора, 20% — захвата общинных земель богатой сельской верхушкой и 8% — земельных споров между различными сельскими обществами, а также увеличения арендной платы за пользование казенной землей.

Таким образом, прошения крестьян, обследованные нами, позволяют говорить о том, что в конце XIX—начале XX в. в социально-экономической жизни дагестанского аула происходили большие изменения. Они затрагивали и экономику, и сферу социальных отношений. Преобладающей тенденцией было обострение межклассовых и внутриклассовых отношений в аулах Дагестана.

Прожения касаются важнейших аспектов истории дагестанского крестьянства — его экономического положения, борьбы с феодалами, с кулачеством, против произвола властей. Они раскрывают глубинные причины революционности дагестанского крестьянства.

Прожения существенно дополняют другие виды источников по проблеме социально-экономического положения дагестанского аула в конце XIX—нач. XX вв.

²³ Далгат Э. М. Социально-психологические аспекты антифеодальной борьбы дагестанского крестьянства в конце XIX в.— В кн.: Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983.

М. А. Абдуллаев

«ЗАРЯ ДАГЕСТАНА» — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

«Заря Дагестана» — первая прогрессивная газета, положившая начало национальной демократической печати. Издавалась она на русском языке в Петербурге с 28 февраля 1913 года по сентябрь 1913 года. На четвертой странице публиковались материалы на лакском, лезгинском, кумыкском языках. Всего вышло 20 номеров. Её издателем и редактором был С. Габиев (1882—1963 гг.) — замечательный поэт, публицист, мыслитель и революционер.

О газете написано немало, и поэтому нет необходимости подробно характеризовать ее как источник. Материалы этой газеты привлекались к анализу в литературоведческих, публицистических и историко-философских публикациях.

Мы не станем также давать здесь определение духовной культуры, его можно найти в справочной литературе¹. Общественно-политическая мысль является ее составной частью. Поэтому считаем возможным в данной небольшой статье не рассматривать их отдельно. Тем более, в ней речь идет не о культуре и общественно-политической мысли вообще, а о «Заре Дагестана» как источнике для изучения этих аспектов. Как источник, «Заря Дагестана» может служить двояким задачам: 1) изучению вопросов истории культуры и общественно-политической мысли Дагестана, 2) изучению воззрений Габиева и других представителей общественной мысли Дагестана в этой газете. Но прежде чем перейти к этим вопросам, нужно охарактеризовать идейное кредо газеты. Без выяснения этого аспекта нельзя всерьез говорить ни о роли газеты в духовной жизни народов Дагестана, ни об источнике истории культуры. Отсюда важность рассмотрения существующих оценок и научно обоснованного освещения указанного аспекта источника.

Большое место отведено «Заре Дагестана» в работах М. Д. Бутаева². Он использует значительное количество писем, адресован-

¹ См.: Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, с. 118.

² Бутаев М. Д. Зеркало времени (из истории революционно-демократической печати Дагестана). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1964; *Он же*. Приравнено к оружию. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975; *Он же*. Заря Страны гор.— Советский Дагестан, 1967, № 1.

ных редактору этой газеты и выявленных им, обогащая тем самым источниковую базу для изучения идейной позиции Габиева периода функционирования указанной газеты. Бутаев не задался целью конкретно определить идейное кредо газеты. Но из содержания его работ видно, что он относит газету к демократической печати. «Заря Дагестана», — пишет он, — была первой прогрессивной газетой, положившей начало дагестанской национальной демократической печати»³. В статье немало фактов и положений, подводящих читателя вплотную к мысли, что «Заря Дагестана» содержала в себе то скрытые, то явные революционно-демократические тенденции. Эти моменты статьи и статья в целом, построенная на наиболее глубоких выдержках газеты и умело подобранных фактах, укрепили нас во мнении, что газета стояла на позиции демократического просветительства и содержала в себе революционно-демократические тенденции.

Значительный интерес для всех, кто изучает периодическую печать Дагестана, в том числе «Зарю Дагестана», представляет исследование Дж. Н. Ахмедова⁴. В нем собран большой материал и охарактеризованы почти все органы печати досоветского и советского Дагестана. Хотя автор считает свою работу журналистской, в ней, по нашему мнению, превалирует метод историко-партийного анализа. Во всяком случае, не вызывает сомнения, что в нем более полно, чем в других работах по журналистике, анализируется идейное содержание печатных органов и высказывается собственная точка зрения об их идейном направлении. Но вместе с тем представляется, что в работе Дж. Н. Ахмедова многие выводы об идейной позиции органов печати и их редакторов слабо аргументированы. Автор излишне категоричен в своих суждениях и выводах. «Некоторые исследователи, — пишет он, — считают мировоззрение Габиева, а следовательно, и направление газеты «Заря Дагестана» революционно-демократическим, другие — народническим, третьи — революционно-просветительским и т. д. В действительности же в полном смысле слова он не был ни тем, ни другим, ни третьим. Мы же склонны отнести направление газеты к просветительской в ленинском смысле слова»⁵.

Здесь Дж. Н. Ахмедов по существу противопоставляет друг другу идейные направления одного и того же типа. Ведь народники 60—70-х годов, идейное влияние которых испытывал на себе в одно время С. И. Габиев, были революционными демократами. Причем и народники, и революционные демократы были революционными просветителями. По отношению к существующему строю, к феодально-деспотическому царизму они были настроены революционно, т. е. хотели его устранения, уничтожения, но главную силу общественно-исторического прогресса усматривали в ос-

³ Бутаев М. Д. Заря Страны гор, с. 39.

⁴ Ахмедов Дж. Н. Периодическая печать Дагестана. Махачкала; Дагкнигоиздат, 1963.

⁵ Ахмедов Дж. Н. Периодическая печать Дагестана, с. 35.

новном в просвещении, в пробуждении народа. В этом и заключался идеализм революционных демократов в понимании общественной жизни.

Ленинское понимание типичного направления просветительства совпадает с революционным демократизмом. Почему-то Дж. Ахмедов не уловил этого обстоятельства, хотя оно отражено в работе «От какого наследства мы отказываемся», на которую он не раз ссылается. Дж. Ахмедов не только отрицает сходство и связь между революционным демократизмом и ленинским пониманием просветительства, но и противоречиво толкует понятие просветительства. «Творчество и деятельность дагестанских просветителей, начиная с Гасана Алкадари и кончая Саидом Габиевым и Зейнал-абидом Батырмурзаевым, — пишет Дж. Ахмедов, — характеризуются тем, что все они с теми или иными отклонениями боролись за идеалы, о которых писал В. И. Ленин»⁶.

На той же странице в понятие просветительства Дж. Ахмедов вкладывает другое содержание. «Просветители Дагестана, — пишет он, — были выразителями интересов крестьянских масс, стремились в условиях существующего строя изменить положение народа с помощью просвещения, открытия очагов культуры, школ. И хотя некоторые из них были связаны с патриархальной старинной и арабской культурой, тем не менее считали, что единственный выход в данной ситуации — приобщение народа к передовой русской культуре»⁷.

Здесь же он подчеркивает, что просветительство претерпело значительные изменения. Если у Алкадари «поднимались только вопросы просвещения народа, то у Саида Габиева, особенно в статьях «Зари Дагестана»..., помимо этого усиливаются социальные мотивы»⁸.

Как видно, все три тезиса, изложенные на одной странице, противоречат друг другу. И ни один из них не согласуется с ленинским пониманием просветительства. Во-первых, нельзя отнести к одной категории упомянутых выше трех представителей общественной мысли. Гасан Алкадари — деятель иного характера и направления, он не поднялся до уровня того просветительства, которое было связано с Чернышевским и другими типичными представителями идейного «наследства» 60-х годов. И поэтому неверно утверждать, что Алкадари «боролся за идеалы, о которых писал В. И. Ленин». Его в лучшем случае можно охарактеризовать как просветителя, выразившего по последствиям своих идей интересы либеральной буржуазии.

С. Габиев и З. Батырмурзаев рано вступили на путь революционной борьбы и близки были к большевикам. Натяжка с Алкадари приводит автора к отступлению от своих других (вернее, главных) тезисов о просветительстве. Как же можно относить

⁶ Ахмедов Дж. И. Периодическая печать Дагестана, с. 33.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Алкадари к ленинскому пониманию просветительства, если его идеалы, как утверждает сам Дж. Ахмедов, сводились только к «просвещению народа» или «приобщению народа к передовой русской культуре»⁹.

Сводить стремления указанных деятелей к «открытию очагов культуры» и путем «просвещения изменить положение народа» неправомерно. К тому же Ахмедов в тех страницах (и во многих других местах) не подчеркивает, о воззрениях какого периода этих деятелей идет речь.

Определенное место анализу С. И. Габиева в «Заре Дагестана» отводится в работах М. А. Абдуллаева¹⁰ и Х. М. Хасбулатова¹¹.

Объем и характер работ М. А. Абдуллаева исключали возможность и необходимость конкретного рассмотрения вопроса об идейном направлении газеты «Заря Дагестана». В одной из его статей сказано, что «идейная позиция газеты не была свободна от влияния эсеро-народнических идей» и содержала в себе «мелкобуржуазные утопические и просветительские иллюзии»¹².

Хасбулатов Х. М. высказывает свое несогласие с оценкой Дж. Ахмедова и пишет: «Нам думается, что мировоззрение Габиева нельзя считать лишь просветительским»¹³. Далее: «Саид Габиев являлся одним из ярких представителей революционно-демократической мысли. Именно с этих позиций Габиев ставил вопрос о необходимости изменения общественного строя и осуществления своих идей связывал с революционной борьбой, с деятельностью масс»¹⁴. Но он, по его мнению, вынужден был в силу цензурных соображений скрывать свои мысли и писать намеками, эзоповским языком. И в этих условиях, отмечает Х. Хасбулатов, Габиев не ограничился пропагандой просветительства. Иначе бы царские власти не судили его, не штрафовали и не закрыли газету.

Не согласиться с этим мнением нельзя, если его автор революционный демократизм Габиева и пути понимания им изменения общества относит не к газете лишь, а к деятельности и мировоззрению этого дагестанского мыслителя в целом. Но на тех же страницах работы Х. Хасбулатова имеются нечеткие и противоречивые мысли. Вряд ли правомерно утверждать, что Габиев делал в статьях газеты «политические выводы», «горячо поддерживал революцион-

⁹ Там же.

¹⁰ *Абдуллаев М. А.* Мыслители Дагестана XIX—начала XX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963; *Он же.* Ленинские методические принципы исследования философской и общественной мысли. — В кн.: В. И. Ленин, Современность, Дагестан. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970; Дагестан. — В кн.: История философии в СССР, т. 4. М.: Наука, 1971; *Он же.* Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1986.

¹¹ *Хасбулатов Х. М.* Саид Габиев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972.

¹² История философии в СССР, т. 4. М., 1971, с. 738.

¹³ *Хасбулатов Х. М.* Саид Габиев, с. 19.

¹⁴ Там же, с. 20.

ную инициативу масс, звал их к борьбе»¹⁵, если он, как пишет сам Х. Хасбулатов, вынужден был скрывать свои мысли и говорить эзоповским языком; Или: если Габиев не ограничивался рамками просветительства и был революционным демократом, то неправильно утверждать, что его идеи «содействовали подготовке почвы для возникновения и распространения революционно-демократических идей»¹⁶. К тому же поздно говорить в 1912—1914 годах о содействии в подготовке почвы для возникновения революционно-демократических идей, к этому времени уже марксизм имел значительное распространение в Дагестане. Эти упущения не умаляют значение работы Х. М. Хасбулатова как одной из первых попыток философского изучения идейного наследия Габиева в целом и идейного лица «Зари Дагестана» в частности.

Вопрос об идейной позиции «Зари Дагестана» затрагивается и в исторических работах. Г. Ш. Каймаразов отмечает ее большую роль в критике злоупотреблений царской администрации, системы военно-народного управления и в пропаганде просветительских идей. Он считает эту газету «предвестником революционно-демократической прессы Дагестана кануна Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁷.

Нам представляется необоснованной и противоречивой оценка Ш. М. Магомедова «Зари Дагестана». «Большую роль,— пишет он,— в пробуждении национального самосознания горцев, несмотря на мелкобуржуазный и утопический характер идейно-теоретических установок, сыграла издававшаяся С. Габиевым в Петербурге газета «Заря Дагестана»¹⁸.

Поскольку не объясняется исторически прогрессивный характер идей и борьбы Габиева, положение Ш. М. Магомедова о мелкобуржуазном и утопическом характере его идейно-теоретических установок в целом может ассоциироваться с отрицательной оценкой. Но вместе с тем следует подчеркнуть, что приведенные для подтверждения указанных выводов положения и аргументы достаточно убедительны и противоречивы. Как можно охарактеризовать позицию газеты утопической и просветительской, если сам же Ш. Магомедов утверждает, что «на страницах «Зари Дагестана» Габиев бичевал прогнивший царский строй продажных сановников...»¹⁹ Это по меньшей мере признаки революционного демократизма.

Как видно, в нашей литературе существуют различные мнения о просветительстве вообще и позиции газеты «Заря Дагестана» в частности. Одна крайность в оценке просветительства состоит в том, что оно отождествляется с революционным демократизмом,

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ Там же, с. 20.

¹⁷ Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М.: Наука, 1971, с. 150.

¹⁸ Магомедов Ш. М. Северный Кавказ в трех революциях. М.: Наука, 1986, с. 52.

¹⁹ Там же.

что приводит к отрицанию низших форм просветительства или их значения в жизни общества. По другой крайности просветителем объявляется всякий, кто призывает к просвещению. Нам представляется просветительство широкой антифеодальной, буржуазной по своей социально-политической сущности идеологией периода развития капиталистических отношений, в которой существуют различные течения. В ней, по нашему мнению, отчетливо выступают две формы: либеральная и революционно-демократическая. Ни та, ни другая форма просветительства не ограничивается вольными школами, просвещения и культуры. В. И. Ленин критикует сборник С. Н. Южакова «Вопросы просвещения» (СПб., 1897) за то, что в нем эти вопросы рассматриваются вне связи с капиталистическим развитием и классовыми отношениями. При характеристике просветительства В. И. Ленин исходит из идейного наследия 60-х годов XIX века. Известно, что высшим достижением этих лет было творчество Н. Г. Чернышевского, и правомерно было бы показать наследство 60-х годов на его примере. Но в статье, написанной для легальной печати, этого нельзя было сделать. Поэтому В. И. Ленин взял литературно-публицистическую деятельность буржуазного экономиста тех лет Ф. П. Еленева (Скалдина) (1828—1902 гг.) «Нам возразят, пожалуй,— писал он, — что Скалдин не типичен для 60-х годов...»²⁰ Цензурные соображения, отмечает В. И. Ленин позднее в письме к А. П. Потресову (26 января 1899 г.), не позволяют ему взять в качестве примера типичного представителя, т. е. Н. Г. Чернышевского. Таким образом, в работе В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся» речь идет о двух направлениях просветительства в России 60-х годов XIX века — типичном и нетипичном, выразителями которых являются Н. Г. Чернышевский и Скалдин. Первое направление — революционно-демократическое, а второе — либеральное. Общность их воззрений состоит в том, что они носят просветительский характер и нацелены на изменение феодального общества, отличие же друг от друга — по методам и способам преобразования общества. Первое стоит за революционное преобразование, а второе — за постепенное, умеренное, мирное — с помощью реформ и просвещения. Они отличаются друг от друга также характером, формами и степенью последовательности борьбы против старого строя, глубиной предполагаемых социальных преобразований. Так, например, Скалдин, по словам В. И. Ленина, выступает как «защитник единства суда для всех сословий, сочувствует «в теории» в бессословной волости...»²¹ А Чернышевский, как известно, решительно выступает за уничтожение феодализма и социалистическое преобразование общества. Разумеется, речь идет не о научном социализме. Таковы ленинские положения о просветительстве.

В нашей статье речь идет не о мировоззрении С. Габиева вообще, а об идейной позиции «Зари Дагестана» и ее редактора

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

²¹ Там же, с. 518.

в период функционирования этой газеты. Мы не можем ни газету, ни деятельность Габиева в период ее редактирования отнести полностью ни к одному из указанных направлений просветительства. Нет основания думать, что газета стояла на позиции либеральной буржуазии. Она выражала интересы народных масс и ориентировалась не на замену власти феодалов властью буржуазии. Чуть ли не во всех статьях говорится о свободе и счастье народа и необходимости до конца жизни служить его интересам. Другое дело, в какой мере в них они познаны и в какой мере в условиях строгой цензуры можно было бы их отразить в газете.

В одной из статей Габиев писал, обращаясь к передовой местной интеллигенции: «Где же вы, любящие родину дети, где вы? Где вы — здоровые юные силы народа, отзовитесь, покажитесь! Жить более так нельзя»²². В другой статье он призывает уничтожить крепостничество, вернуть населению земли, отнятые у него беками при попустительстве и благосклонном содействии русской власти²³. Все это достаточно убедительно говорит о том, что газета стояла на демократической позиции, хотя содержала в себе либерально-утопические иллюзии.

В газете, и в частности статьях С. Габиева, довольно четко выступают и революционно-демократические тенденции. Об этом говорят восторженные отзывы С. Габиева о деятельности и воззрениях русских революционных демократов, о Марксе и теории научного социализма. Он характеризует Герцена и Чернышевского как «вождей и борцов за свободу и права человечества»²⁴. В статье о К. Марксе он информирует читателей о том, что «пролетариат всего мира широко отметил эту годовщину» (30 лет со дня смерти), а газеты опубликовали статьи о его памяти²⁵.

Революционно-демократические тенденции нашли отражение в статье о Герцене, в аллегории «Безумец», в неоконченной повести «Народ», которые будут анализированы в нашей статье. Это отмечается в материалах суда, С.-Петербургского комитета по делам печати и др. Последний конфисковал весь тираж газеты с повестью «Народ» и записал в постановлении, что в этой повести «нельзя не видеть возбуждения населения к ниспровержению существующего государственного строя и притом насильственным путем («Мы должны пойти разбудить народ, не страшась плахи» и т. д.), что составляет наличность преступного деяния, караемого законом». Этот же комитет в статье Габиева о Герцене усмотрел «недовольство всем существующим» в России²⁶. Габиев охарактеризовал Герцена как «неутомимого борца против деспотизма», рыцаря свободы и достоинства человеческой личности, гражданина, пламенно любившего свой обширный родной край и народ»²⁷.

22 Заря Дагестана, 1912, № 2.

23 Заря Дагестана, 1913, 19 марта.

24 Там же.

25 Там же.

26 ЦГАЛ, ф. 777, оп. 25, д. 935, л. 2.

27 Заря Дагестана, 1912, 31 марта.

А официальная Россия представляла его в противоположном свете. Эти и другие факты говорят о том, что Габиев оставался революционным демократом и в годы редактирования газеты «Заря Дагестана», только не мог в силу цензурных условий провести его идеи в газете. И за случаи проявления неосторожности с него спрашивали. Закрыта была газета постановлением С.-Петербургской судебной палаты за оппозиционную идейную направленность.

Правда, у Габиева были в тот период колебания относительно методов борьбы, в частности, по вопросу о целесообразности открытой борьбы с царизмом после того, как итоги революции 1905—1907 годов, по его словам, показали, что он еще силен и схватка с ним может принести только новые несчастья для народа. Необходимость воздержаться от открытой схватки с царизмом он связывал также со слабостью политического сознания народа. Эти идеи нашли отражение в его неоконченной повести «В народ». Но даже в тот небольшой отрезок времени Габиев не переставал ненавидеть существующий строй и в какой-то форме бороться против него. Изменилась в основном тактика борьбы. Так, в записях в дневнике от 26 сентября 1913 года дагестанский мыслитель пишет: «Больно, больно за все, да и слез не хватает выплакать всего»²⁸. Другой факт. После судилища, устроенного над ним за критику в «Заре Дагестана» главы царской администрации в Дагестане, С. Габиев писал своему земляку М. Чаринову: «Так или иначе, бороться мы обязаны и будем. Оппозиционный дух не должен нисколько падать. Напротив, голос протеста народного должен поддерживаться нами всеми». Габиев подчеркивает, что он не может сказать в газете сотой доли того, к чему он стремится, и выражает свое сожаление, что «не удалось ознакомить его со своими думами, планами и чаяниями», с тем, «к чему стремился»²⁹.

Революционно-демократическими считает воззрения Габиева в этот период и газета «Красный Дагестан». В статье «Из прошлого» в этой газете сказано: «Редактор «Зари Дагестана» неустанно вскрывал всю гнусность деятельности областной власти, разоблачал взяточничество, мордобитие, в общем все то, чем славен был гоголевский Сквозник-Дмухановский. И за систематические нападки на царского ставленника в Дагестане Габиева этапом приводят из Петербурга в Шуру и судят. Своим защитником на суде т. Габиев избирает т. Дахадаева. Но резкость речи последнего на суде, ядовито критикующего строй палачей, приводит судебных комендантов в бешенство, и Дахадаева лишают слова. К защите переходит сам Габиев, в сущности доканчивая речь Дахадаева. Конкретно говоря, этот суд был превращен в значительный революционный акт протеста, обративший внимание огромных, съехавшихся с гор в Шуру масс»³⁰.

²⁸ Дневник хранится в личном архиве Габиева Дж. С.

²⁹ Там же.

³⁰ Красный Дагестан, 1927, 5 мая.

Говоря о значении «Зари Дагестана» для изучения проблем истории социально-политической и духовной жизни народов Дагестана, следует подчеркнуть, что центральное место в ней занимал вопрос о значении России и русской культуры для народов Дагестана. Правильное освещение и разъяснение широким народным массам этого вопроса в тех условиях имело огромное значение. Дело в том, что вызревала революционная ситуация в России, и в этой связи росла актуальность единства трудящихся масс всех национальностей. С другой стороны, господствующие классы разжигали национальную рознь, стремясь помешать достижению такого единства.

При этом необходимо иметь в виду, что С. И. Габиев не ограничивался рамками Дагестана, он часто ставил вопрос о мусульманских народах России в целом, так как понимал и отмечал идентичность их положения и интересов. Габиев глубоко осознал прогрессивную роль России в их судьбах. Присоединение к ней он считал поворотным моментом не только в истории народов Дагестана и Кавказа, но и в истории всех мусульманских народов России³¹.

Эту мысль он высказал еще раньше: «Одним из таких поворотных, переходных моментов истории для нас, дагестанцев, и горцев Кавказа вообще было покорение нас Россией». Оно покончило с междоусобными войнами, иноземными нашествиями, ханским произволом, положило начало «эпохи мирной жизни, спокойного труда»³². Значение России для края велико, отмечает он, оно плодотворно сказывается во всех сферах его общественной жизни. Вместе с тем, Саид четко различает две России. Официальная Россия продолжает жесткую колониальную политику в отношении иноверцев, в том числе народов Кавказа.

«Мы, дагестанцы, всегда были верны тому государству, в состав которого входили. Единственно, в чем мы никогда не сойдемся с господами «горе-реформаторами», так это в том, что Дагестан есть вражеский стан, где надо управлять только штыком и ногойкой, и что Дагестан надо обрусить. Не путем, рекомендованным Победоносцевым с миссионерской компанией, и не «властными окриками» сближают новые народы с ядром государства. Только доверие к дагестанцам, к их интеллигенции и общественности вообще заставит их раз и навсегда полюбить Россию. Вне этого наскоки «горе-реформаторов» будут все больше и дальше отталкивать Дагестан, горцев Кавказа и вообще мусульман от России»³³.

Для сближения народов Кавказа с Россией Габиев считает необходимым ликвидацию так называемого военно-народного управления, установление равноправного и справедливого отношения к ним, приобщение их к русской культуре, представление им пра-

31 Мусульманская газета, 1914, 28 февраля.

32 Заря Дагестана, 1913, 19 апреля.

33 Заря Дагестана, 1912, 31 марта.

ва управлять на основе обновленных адатно-шариатских традиций, выборность судей и т. д. Говоря о так называемых народных судах, существовавших в Дагестане, он пишет, что ничего народного в них нет, судьи по существу назначаются царскими военными чиновниками. «Это было что угодно, но не выборы: тут и подкуп, устрашения и угрозы, а народу нет до них дела»³⁴.

Габиев резко осуждал культурную политику царизма на Кавказе и его лицемерную пропаганду о цивилизаторско-просветительской роли на колониальных окраинах, разоблачал попытки официальных и либеральных кругов России выдавать Государственную думу за широко представительный законодательный орган, представляющий волю всех народов и призванный законодательно закрепить демократические свободы. Дагестанский мыслитель назвал эту пропаганду лицемерием и обманом, а созыв Государственной думы — попыткой ввести трудовые массы в заблуждение.

Выступления Габиева вызвали острую реакцию со стороны официальных кругов, монархической и либеральной печати. Суть всей этой кампании сводилась к тому, чтобы представить Габиева панисламистом и националистом, «зоологически» ненавидящим Россию. Но он дал достойную отповедь. «Я — истый горец Дагестана, мусульманин и честный гражданин России,— пишет он,— быть верным которой мне нисколько не мешают ни мой племенной, ни «зоологический» национализм, ни моя религия»³⁵.

Здесь важно отметить не только политическую, но и теоретическую сторону вопроса. Во-первых, он удачно и верно подмечает, что религиозные убеждения и национальная принадлежность вполне совместимы с гражданственностью в России. Во-вторых, он считает при всей тяжести колониальной политики царизма для нерусского человека важным, выгодным и необходимым быть гражданином России, так как он смотрел на Россию не только с позиции интересов горца сегодняшнего дня, но и с позиции будущего. Он и чувством и сознанием предвидел великое будущее России.

В оценке социально-политических процессов в России Габиев исходил во многом из правильных классовых позиций. Он подчеркивал, что в России есть две России, в русской культуре есть две культуры. «Россия Пуришкевичей, Валяй-Марковых... Респутиных, преследуя инациональное и проводя политику насильственной русификации, неуклонно ведет страну к краху. Нам же нужна другая Россия — великая, братская»³⁶.

Классовый подход проявляет Габиев и в оценке общего положения в России. Так, подчеркивая бесправие и притеснения мусульманских трудовых масс, он пишет, что в таком же положении находятся и русские трудовые люди. Это «следствие государственного строя России,... плод общих недочетов в нашей государст-

³⁴ Там же, 1913, 11 июня.

³⁵ Заря Дагестана, 1912, 30 ноября.

³⁶ Там же, 1912, 21 мая.

ненности»³⁷. Правда, здесь мысль выражена слабо и недостаточно четко, что, видимо, было обусловлено цензурными соображениями. Для нас в данном случае важно, что Габиев понимал угнетенное положение трудовых масс всех национальностей России и единство их интересов. Это подтверждается и другим более четким высказыванием. «Но мы знаем, — писал он, — что кроме «квасных либералов» из Сытинских и пр. есть еще русское общество, русская интеллигенция и русская демократия. Мы отлично знаем, с кем идти рука об руку. И никакие псевдолибералы из «Русского слова» и милюковской «Речи» не заставят нас, мусульман, отойти от истинно честного пути чистой демократии»³⁸.

Так он открыто отмежевывается от либералов и заявляет о своей приверженности демократической России. Но вместе с тем проявляет непонимание того, что в классовом обществе нет и не может быть внеклассовой, чистой демократии. Габиев еще по-настоящему не осознал классовый характер демократии и в это понятие вкладывал революционно-демократическое содержание.

Как отмечалось, Габиев был последовательным сторонником дружбы и братства с Россией, с русским народом. В период борьбы за окончательное установление Советской власти на Северном Кавказе (1918) он писал: «Пора раз и навсегда принять одну и единственную ориентацию и сказать: «С тобой, благородный русский народ, мы связали нашу судьбу, и если тебе суждено будет погибнуть в неравном бою, то вместе с Вами погибнем и мы, горцы, защищая нашу свободу»³⁹.

Без помощи Советской России, пишет он, мы не можем существовать как народность. «Империалисты задавят наши маленькие народы, находящиеся еще почти на первобытно-родовых ступенях культуры...»⁴⁰

Габиев придает особенно большое значение русской культуре. Он связывает с ней новый этап в развитии культуры народов Дагестана. Мыслитель подчеркивает, что арабо-мусульманская культура, сыгравшая исторически положительную роль в развитии духовной культуры человечества, в том числе горцев Дагестана, теперь безнадежно отстала. Она не способна более быть эффективным средством научно-культурного прогресса. Отсюда он ставил задачу приобщить горцев к современной ему русской культуре, которая характеризовалась им как более развитая и прогрессивная. Саид любил её, глубоко изучал и знал. Выписки, фрагменты, авторские мысли в дневниках дают основание думать, что Габиев собирался написать работу по истории русской культуры.

Записки доведены до новой русской литературы, последние касаются, в частности, работ Аксакова С. Т. (1791—1859).

37 Заря Дагестана, 1913, 15 марта.

38 Там же, 1913, 28 февраля.

39 Архив Дагобкома КПСС, ф, 2370, оп. 5, д. 103, л. 252.

40 Там же, л. 247.

В дневнике названа рубрика по новой русской литературе. Приведен большой список русских революционных деятелей и революционной литературы XIX века.

Остановимся на некоторых наиболее интересных с позиции нашей проблематики фрагментах и мыслях С. Габиева о деятелях русской культуры.

Он называет Гоголя творцом бессмертных «Мертвых душ», в которых «с особой глубиной высмеивал тупость, невежественность и продажность представителей господствующих классов». Он выражает сожаление, что «нет Гоголя для описания господ дагестанских правителей»⁴¹. Высокая оценка дается В. Г. Короленко как писателю, мыслителю и общественному деятелю. Его идейная позиция определяется как глубоко демократическая, интернационалистическая, враждебная ко всяким формам национализма. «Всю свою жизнь,— пишет Саид,— он посвятил общественной борьбе за лучшую долю народа»⁴². Но особой глубиной отличается статья Габиева о А. И. Герцене. В ней дана в целом объективная и всесторонняя оценка идейного наследия русского революционного демократа, которая во многом близка ленинской характеристике в «Памяти Герцена». Статья опубликована 31 марта 1912 года, т. е. за двадцать пять дней до ленинской статьи. «Неутомимый борец против деспотизма,— сказано в ней,— откуда бы он не исходил, и «мещанства» — этой пошлой рутинной, превращающей живую жизнь в болото; представитель самой высокой культуры, мысли и чувства; рыцарь свободы и достоинства человеческой личности, гражданин, пламенно любивший свой обширный родной край и народ»⁴³.

Эта оценка дана в тот период, когда вся либеральная Россия чувствовала Герцена как либерала. Габиев называет его горячим патриотом России, который глубоко верил в светлое могучее будущее её. По его словам, велики заслуги Герцена перед Россией и ее освободительным движением. Крепостное право явилось чудовищем, для борьбы с которым лучшие люди России давали анибаловы клятвы. Герцен вписал блестящие страницы в борьбу с этим чудовищем, он заложил основы народничества, широкого движения русской интеллигенции, благословил ее на борьбу за общественные идеалы.

Габиев видит заслуги Герцена в том, что он создал «Колокол», притягивавший к себе всех передовых и верящих в лучшее будущее России людей. Даже царь вынужден был прислушиваться к набату «Колокола» Герцена. И это не мудрено, отмечает Габиев, так как в эту пору в «Колоколе» Герцен развертывает во всю свой богатый талант трибуна-публициста.

Политическая эволюция привела Герцена, по словам Саида, к разногласию и отходу от старого друга Бакунина. В споре с Ба-

⁴¹ Мусульманская газета, 1914, 23 февр.

⁴² Заря Дагестана, 1913, 4 августа.

⁴³ Заря Дагестана, 1912, 31 марта.

куниным правда была на стороне Герцена, а в дискуссии с деятелями 60-х годов, разночинцами он стоял на более консервативных позициях. Но все эти перипетии не заставили Герцена повернуть назад, так как он обладал чутьем диалектика и революционного борца. Герцен произнес приговор капитализму, но встал во враждебный марксизму лагерь старых утопистов. «Европа с её социализмом не угодила Герцену,— пишет далее Габиев,— потому что он хотел найти в ней Россию»⁴⁴. Видимо, Габиев имеет в виду научный, пролетарский социализм, который не воспринял Герцен, и желание его связать социализм с крестьянской Россией.

Для выяснения отношения Габиева к существующему общественному строю и характеристики его социально-политических взглядов немаловажное значение имеют его повести «Безумец» и «В народ», опубликованные в «Заре Дагестана». Поскольку С. Габиев являлся выразителем интересов и стремлений широких слоев трудовых масс, анализ его взглядов помогает выяснить социальные чувства и настроения последних. Есть предположение, что аллегория «Безумец» написана не в период «Зари Дагестана», а значительно раньше под влиянием «Песни о Соколе» и «Старухи Изергиль» М. Горького. Опубликована она почти без изменений. Аллегорический характер повести давал автору возможность прикрыть суть ее многих идей. Повесть направлена против либерально настроенной интеллигенции, которая, болтая о свободе и счастье народов, решительно ничего не делала для него. В ней ставился вопрос: кто имеет право представлять народ и говорить от его имени? Отвечая на этот вопрос, Габиев пишет, что только тот, кто связан с народом, понял потребности его жизни и готов отдать всего себя ему и имеет полное нравственное право говорить за народ и от имени народа⁴⁵. Таких, по мнению Габиева, еще мало. Только отдельные безумцы, подобно горьковскому Данко, готовы жертвовать собой ради народа. Безусловно, дагестанский мыслитель к ним относит и себя. В этом еще раз проявляется его революционный демократизм.

Главный герой повести «В народ» Джейран, под которым автор подразумевал себя, активно участвовал в студенческих демонстрациях и баррикадных боях вместе с рабочими, но не выработал четкого политического мировоззрения. «Какая из политических партий является действительно достойной, чтобы за ней пойти и готовым на все порывы во имя этой веры, во имя этих идеалов?»⁴⁶ — спрашивал он себя. Джейран и в тюрьме искал правильный путь, идя по которому можно выполнить свой революционный долг. Но ответа не нашел. Таким образом, студент Габиев не остановился на платформе какой-либо революционной политической партии. Это объяснялось в первую очередь тем, что он считал своим священным долгом служить своему дагестанскому

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Заря Дагестана, 1912, 12 июля.

⁴⁶ Там же, 1913, 19 апреля.

народу. Но он, этот народ, по его мнению, еще не пробудился политически и духовно. Отсюда Габиев приводит Джейрана к выводу: «Я обязан пойти в свой народ и разбудить его. Да, я пойду в народ»⁴⁷. В отношении социализма Джейран высказывается твердо. Когда героиня повести «В народ» Волховская спрашивает, не является ли увлечение социализмом, Марксом и Энгельсом модой времени и уверен ли он в том, что завтра не появится новое учение, Джейран отвечает: «Да! Я больше чем уверен, что никакие теории не могут вытеснить этого учения»⁴⁸. Габиев еще в 1907 году проводил мысль, что мир созрел для перехода к социализму. Интересна его идея о том, что не только от капитализма, но и от феодально-абсолютного строя вырастает социализм. По его мнению, социализм откроет те ноты, какие нужны для создания новой жизни — жизни сплошной мелодии⁴⁹. Так дагестанский мыслитель рано понял, что человечество неизбежно придет к социализму, и только социалистическая концепция может указать путь к подлинному счастью и полной гармонии. Он даже подчеркивает в 1907 г., что выступает за «социалистическую концепцию пролетариата и трудящихся масс». Это не значит, конечно, что Габиев разделяет концепцию научного социализма. Он говорит о существовании различных социалистических течений, которые отличаются друг от друга «по своему цвету и форме»⁵⁰. Габиев не разделяет научный социализм и в 1913 году, хотя и чувствует его преимущество.

Значительный интерес для исследуемой темы представляют статьи дагестанских авторов в «Заре Дагестана». Статьи М. Дахадаева посвящены злободневным проблемам социально-политической жизни того времени. Он убедительно показывает эксплуататорский и антинародный характер политики царской администрации в Дагестане. Будучи уверена в своей безнаказанности, пишет Дахадаев, она «выжала страну, как губку»⁵¹. Заставляла горцев работать на себя, на свое хозяйство, отбирала их земли. Она не видела разницы между своей и чужой собственностью и руководствовалась принципом: «Что твое, то и мое, а до моего тебе нет дела»⁵².

Касаясь событий, связанных с убийством Тарковским и Алашевым Гитиновасова, и судебного процесса по этому делу, М. Дахадаев подчеркивает, что административные и судебные органы целиком стоят на стороне имущих и творят беззаконие и произвол в отношении неимущих горцев. Классовый характер царского суда, по его мнению, проявляется не только в мерах наказания, но и в условиях содержания осужденных. Отсюда он делает вывод,

47 Там же.

48 Дневник, с. 265.

49 Там же.

50 Заря Дагестана, 1913, 19 апреля.

51 Там же, 11 июня.

52 Там же.

что «существующие в Дагестане порядки не могут искоренить кровную месть».

В этой связи М. Дахадаев квалифицирует утверждения царской администрации о ее стремлении покончить с кровной мезтью как лицемерные и подчеркивает, что она в своей деятельности пренебрегает национальными и личными достоинствами горцев. «Нет такой святыни, гордости, обычая народа,— пишет он, — над которым администрация цинично не заносила бы своей руки, нет такого чувства у дагестанца, над которым она зло не надсмеялась бы»⁵³. Дагестанский мыслитель иллюстрирует это на примере действий начальника Аварского округа генерала Брусилова, который заявил, что ему наплевать на адаты и только он решит, что можно и что нельзя.

Дахадаев подчеркивает, что «Брусилов не исключение среди дагестанской администрации, вся она, как две капли воды, похожа на него»⁵⁴. Такая жестокая и несправедливая политика царских властей вызывает сопротивление горцев, которое проявляется в различных формах. Особо широкий размах принимают жалобы на администрацию. Последняя осуществляет целую систему мер для того, чтобы вытравить у горцев оппозиционный дух. В их числе жестокое подавление, запугивание, поощрение доносов, обмана и лжи. Администрация «в корне пресекала всякое проявление общественной свободы и инициативы», эксплуатировала невежество и отсталость, «сеяла вражду и ненависть между лицами, родами и обществами, культивировала в массе доношительство, ложь, обман, воровство», имея в виду «энергию сопротивления направить на внутривидовую или внутриобщественную борьбу»⁵⁵. Отсюда М. Дахадаев делает вывод, что военно-народное управление как система власти ни по своей социальной сущности, ни по методам деятельности не отвечает условиям жизни и традициям горцев, а также потребностям их общественного развития. «Испытав на собственной шкуре все прелести ее, мы не можем без чувства острой обиды слушать соловьиные песни русского правительсва о высоких просветительских задачах России на окраине»⁵⁶.

Таким образом, статьи М. Дахадаева в «Заре Дагестана» представляют ценность не только для характеристики его воззрений того времени, но и для изучения социальной природы и политики царских властей. В силу цензурных соображений он не мог открыто выразить свои социальные идеалы, но дух статей, их резкая антиадминистративная направленность достаточно убедительно говорят о его революционно-демократическом настрое. О том, что Дахадаев твердо стоял на революционной позиции, свидетельствует также его речь на суде над редактором «Зари Дагестана» С. Габиевым⁵⁷.

⁵³ Там же, 28 февраля.

⁵⁴ Там же, 11 июня.

⁵⁵ Там же, 28 марта.

⁵⁶ Там же, 11 июня.

⁵⁷ См.: Красный Дагестан, 1927 г., 5 мая.

Статьи И. Кадиева (из Кумуха), Р. Амирханова, М.-Х. Кажлаева, М.-Б. Абдуллаева, Н.-Ш. Султанова могут служить источниками для изучения ряда аспектов культуры народов Дагестана. Все они отмечают культурную отсталость народов Дагестана и призывают их отказаться от того, что мешает прогрессу, и использовать достижения и опыт других народов. Так, например, И. Кадиев пишет, что газета может стать учителем народа и сыграть большую роль в его пробуждении, ознакамливая «с жизнью других народов» и «призывая к свету». По его мнению, в своем отношении к экономическим и культурным феноменам нужно руководствоваться принципом: «Все хорошее чужое мы будем брать, сохранив и хорошее свое»⁵⁸. Но в оценке процессов начала XX в., подрывавших патриархально-феодальные и религиозные устои, Кадиев придерживался отличных от газеты консервативных позиций. Будучи не в состоянии отличить здоровое от нездорового в общественных процессах и понять неизбежность изменения культуры, быта и традиций горцев в связи с развитием капиталистических отношений, он усматривал в этих изменениях моральное перерождение горцев. «Гордости, скромности, уважения к учителям, — пишет Кадиев, — следа нет теперь у нас. Младшие не оказывают уважения старшим. И женская стыдливость тоже исчезает постепенно. Своего чуждаются многие, даже чужое нехорошее воспринимая лучше»⁵⁹. Известно, что процесс ломки старых общественных отношений часто сопровождается болезненными нравственными и иными отклонениями, т. е. явлениями, которые необходимым образом не вытекают из него. Но Кадиев имел в виду не это обстоятельство. Как показала последующая его деятельность, он был против всего нового, прогрессивного.

Большой интерес для изучения отношения социальных сил Дагестана к вопросам культуры и просвещения представляют статьи Р. Амирханова⁶⁰. Говоря о культурной отсталости горцев, Амирханов указывает, что у горцев пробудился интерес к просвещению, и вместо того, чтобы поддержать его и проявить заботу об их просвещении, сельская знать и царская администрация чинят всяческое препятствие. Отказ администрации в просьбе ахтынцев открыть школу Амирханов рассматривает как сознательный акт имущих и властей против просвещения горцев. «...Если все новые мысли и деяния будут подвергаться подобной участи, — пишет он, — то возможно ли дагестанцу сбросить с себя когда-нибудь проклятый гнет невежества»⁶¹. По поводу путей преодоления культурной отсталости Амирханов высказывает противоречивые мысли. С одной стороны, он выражает надежду, что власти поймут, что в желании горцев просветиться нет ничего крамольного, и поддержат просветительское движение. С другой — он не верит

⁵⁸ Заря Дагестана, 1912, 31 марта.

⁵⁹ См. подробно: *Ахмедов Дж. Н.* Собственный корреспондент «Зари Дагестана». — Сов. Дагестан, 1967, № 1.

⁶⁰ Заря Дагестана, 1912, 31 мая.

⁶¹ Там же, 30 ноября.

в гуманность властей в отношении народа. «Куйте, господа, пока горячо, но имейте в виду, что над Дагестаном уже восходит «Заря» и ее лучи вам уже ничем не прикрыть»⁶².

Магомед-Хан Кажлаев (из Кумуха), Надир-Шах Султанов (из Ахтов), М.-Б. Абдуллаев (из Темир-Хан-Шуры) едины в том, что мусульманские конфессиональные школы не могут дать ни общей, ни специальной подготовки. Нужно их закрыть и всецело придать обучению и воспитанию светский характер. Но в определении путей развития школьного дела они расходятся между собой. Кажлаев считает, что нужно развивать в сельских местностях только профессиональное образование, с тем чтобы дети, выходя из школ, могли освоить для себя какое-нибудь практическое дело⁶³. Абдуллаев признает важность профессиональных школ для горцев, но нужно, по его мнению, создавать их не на месте общеобразовательных школ, а как дополнение к ним. Он считает, что общеобразовательные школы необходимы для общего развития горцев⁶⁴. Султанов высказывает интересные мысли о письменности, языках обучения и межнационального общения, которые не потеряли своего значения до наших дней. Анализируя новые тенденции в жизни горцев Дагестана, он приходит к выводу, что русский язык станет языком приобщения к науке и межнационального общения⁶⁵.

Таковы главные вопросы социально-политической и культурной жизни, поднятые на страницах газеты «Заря Дагестана». Таков характер их освещения. Изложенное не оставляет сомнения, что материалы газеты, в первую очередь статьи самого С. И. Габиева, могут служить серьезным подспорьем в изучении истории культуры и общественно-политической мысли народов Дагестана.

instituteofhistory.ru

⁶² Там же.

⁶³ Заря Дагестана, 1912, 31 марта.

⁶⁴ Там же, 31 мая.

⁶⁵ Там же.

Э. М.-Г. Зульпукарова, Э. М. Далгат

АГРАРНЫЙ ВОПРОС НА СТРАНИЦАХ ДАГЕСТАНСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРЕССЫ

В комплексе источников по дореволюционной истории важное место занимает периодическая печать.

Периодическая печать Дагестана дооктябрьского периода неоднократно привлекала внимание исследователей. Мы имеем в виду труды Э. Ю. Кассиева, Д. Н. Ахмедова, М. Д. Бутаева, Г. Ш. Каймаразова, Х. М. Хасбулатова¹. В них в той или иной степени проанализировано, как на страницах дореволюционной прессы освещались различные вопросы общественно-политической жизни области, дана характеристика направлений всех дагестанских газет.

Однако до сих пор вне поля зрения исследователей остался аграрный вопрос. В нашей статье предпринята попытка показать, как этот вопрос освещался на страницах дагестанской дореволюционной прессы.

Известно, что до Февральской революции в Дагестане издавалось всего несколько газет. Низкий уровень статей, отсутствие в них серьезных вопросов, волнующих горцев, явились причиной того, что некоторые газеты не сумели завоевать авторитета у читателей и просуществовали очень короткое время. Так, всего около года продолжалось издание таких газет, как «Дагестан» на арабском и «Дагестан» на русском языках, а также «Дагестанский вестник»². Поэтому основное внимание мы уделили двум дагестанским газетам — «Дагестанские областные ведомости» и «Заря Дагестана».

Еженедельная газета «Дагестанские областные ведомости» являлась органом местной администрации и выходила с 15 февраля 1909 г. по 15 апреля 1917 г. Название газеты, с одной стороны, отражало общепринятое тогда наименование «ведомость», с другой стороны, указывало на то, что эти «ведомости» выходили именно в Дагестанской области. Первый редактор газеты П. Исконицкий

¹ Кассиев Э. Ю. Очерки лакской дореволюционной литературы. Махачкала, 1959; Ахмедов Д. Н. Периодическая печать Дагестана (1900—1940 гг.). Махачкала, 1963; Бутаев М. Д. Зеркало времени. Махачкала, 1964; Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971; Хасбулатов Х. М. Савд Габиев. Махачкала, 1972.

² Ахмедов Д. Н. Периодическая печать Дагестана, с. 23—25.

так писал о целях газеты: «Дагестанские областные ведомости» имеют ближайшую цель опубликование во всеобщее сведение распоряжений правительства и областного начальства, всестороннее изучение области и распространение о ней верных и точных сведений как о нынешнем ее состоянии, так и о мероприятиях, направленных к ее благоустройству»³. Официозная принадлежность издания обусловила ее общее реакционное направление, проявившееся в характере публикуемых статей, которые были весьма умеренны, социально незаострены.

Газета делилась на официальную часть, в которой публиковались приказы и распоряжения администрации, а также казенные объявления, и неофициальную, где печатались заметки о местной жизни, фельетоны и краеведческие статьи.

Определенное место на страницах «Дагестанских областных ведомостей» занимал аграрный вопрос. В начале XX в. этот вопрос был одним из самых злободневных вопросов дагестанской действительности. Сложность его решения заключалась в запутанности сословно-поземельных отношений. Среди царской администрации не существовало единого мнения по вопросу землевладения в Дагестане. Одни считали, что земля принадлежит феодалам и крестьянские повинности являлись платой за пользование этой землей. Другие отрицали феодальную собственность на землю, а крестьянские повинности считали платой за управление. Аграрный вопрос представлен в «Дагестанских областных ведомостях» несколькими краеведческими статьями (из них одна крупная), заметками и рядом других материалов.

Остановимся на краеведческих статьях, посвященных аграрному вопросу.

Круг авторов, публиковавших в газете статьи и заметки по этому вопросу, не велик. Это Дмитрий Поцхверов, Дауд Бутаев, Э. Шанаев. Некоторые заметки подписаны псевдонимом «Даргинец». Авторство нам не удалось установить. Подробно об авторах будет сказано далее.

Наибольший интерес для нас представляет опубликованная в № 35 и 36 за 1916 г. статья «Сословно-поземельный вопрос в Дагестане и учреждение крестьянских установлений в Дагестанской области». Автор Дмитрий Поцхверов работал делопроизводителем в Строительном отделе Дагестанской области. После принятия закона 7 июля 1913 г. он был назначен мировым посредником Казикумухского отдела, где и работал к моменту написания статьи⁴.

Большая по объему содержательная статья свидетельствует о том, что автор хорошо знал дагестанские материалы. Он являлся убежденным сторонником теории, согласно которой дагестанские феодалы не имели частных земель, крестьянские же повин-

³ Дагестанские областные ведомости, 1909 г., № 9.

⁴ См.: Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, М., 1962, с. 244.

ности являлись платой за управление. Эту мысль он проводит через всю статью.

В статье Д. Поцхверов дает свою интерпретацию возникновения сословного неравенства, пишет об образовании феодальных владений в Дагестане. Правители всех владений, считает автор, получали с населения подать за управление страной, скотом, сельскохозяйственными продуктами, деньгами: Остальные деревни они отдавали в управление своим родственникам, иногда просто любимцам, передавая им свои права на доходы за труд управления. Как отмечает автор, постепенно число членов отдельных владельческих домов возрастало и из них составлялось бекское сословие, совершенно неизвестное в тех частях Дагестана, где были одни вольные общества⁵.

Автор подробно останавливается на всех категориях свободно-зависимого крестьянства, характеризует сословия привилегированного класса.

В статье анализируются повинности, отбываемые райятами феодалам. «Сперва, — пишет Поцхверов, — жители доставляли все необходимое для продовольствия хана, его семьи и находившихся при нем людей по мере надобности, когда же определилось точно потребное количество продуктов на годовое содержание хана, селения распределили его между собой»⁶.

Д. Поцхверов считает, что русская администрация, не разобравшись в сложных взаимоотношениях, существовавших в Дагестане, склонна была видеть в отношениях беков и поселян с детства знакомый им институт крепостного права. Как пишет автор, «в то время, как все крупные правители лишались своих владельческих прав, в том числе и прав на доходы с селений за управление ими, беки сохранили свои права, полученные ими от ханов, но в их представлении права на доходы за труд управления превратились в права на повинности за пользование поселянами их землей, причем размеры этих повинностей имели неуклонную тенденцию к повышению без достаточных тому оснований»⁷. Целый ряд документов, утверждает автор, свидетельствует, что до введения в различных местах русского управления, русское правительство оставило за беками право управления селениями на прежних основаниях, т. е. за получение известных доходов за труд управления.

Таким образом, автор статьи проводит точку зрения, согласно которой земля принадлежала крестьянам, а не правителям. «В некоторых селениях, — пишет автор, — беки являлись не помещиками, а членами общины, правда привилегированными»⁸. В подтверждение своей точки зрения автор приводит интересные документы архива Дербентского коменданта, которые как утверждает

⁵ Дагестанские областные ведомости, 1916, № 35.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Д. Поцхверов, говорят о том, что ни одного из видов права собственности на землю райят, ни права владения у беков не было.

Противники этой точки зрения, считавшие землю собственностью беков, в качестве аргумента приводили то, что выморочные участки земли поступали в пользу беков. Д. Поцхверов считает, что переход выморочного участка к беку, а в связи с этим и обязанность заботиться о женщинах являются обязанностью правителя, а не правом беков на землю. Таким образом, автор настаивает на том, что «покровительство и труд управления селением — вот основание, по которому райяты несли повинности в пользу беков»⁹.

Как отмечает Д. Поцхверов, закон 7 июля (имеется в виду реформа 1913 г. — Э. Д.) не затронул вовсе поземельных отношений, т. е. с прекращением райятской зависимости и отменой повинностей все земельные отношения бывших райят и беков остались в полной неприкосновенности впредь до издания особого закона, которым будут определены права поселения Дагестанской области на его земли. Соответствующий законопроект, сообщает Д. Поцхверов, был разработан канцелярией Кавказского наместника одновременно с проектом о прекращении зависимых отношений поселян к бекам и внесен в Государственную думу еще 9 февраля 1913 г., но этот законопроект не был утвержден.

В статье отмечено, что «крайняя запутанность земельного вопроса сказалась и в законе 12 июня 1900 г. об обложении земель Кавказского края государственным поземельным налогом и оброчной податью. По этому закону большая часть земель Дагестанской области, свыше 1 млн. десятин, обложена оброчной податью, т. е. как бы признана казенной, другая же, меньшая, часть, около 350 тыс. десятин, обложена поземельным налогом как земля частновладельческая. Но в эту последнюю группу земель вошли земли райятские в Кайтаго-Табасаранском и Кюринском округе. Между тем, по характеру своему права райятов этих округов на землю ничем не отличались от прав зависимых поселян других местностей Дагестана»¹⁰.

В статье отмечено, что различные взгляды администрации на поземельные права Дагестанского поселения получили отражение в названиях законопроектов. Так, правительственный законопроект был назван «О поземельном устройстве населения, водворенного на казенных землях (кроме губерний Тифлисской, Елисаветпольской и Эриванской Кавказского края)». Член IV Государственной думы от Дагестанской области и Закатальского округа М. М. Далгат внес в это заглавие изменение, и оно звучало так: «О поземельном устройстве не казачьего населения Терской, Кубанской областей, населения Дагестанской, Батумской и Карсской областей и Закатальского округа и крестьян, поселенных на казенных землях в Закавказском крае, кроме губерний Тифлисской, Елисавет-

⁹ Там же.

¹⁰ Дагестанские областные ведомости, 1916, № 36.

польской и Эриванской»¹¹. Как отмечает Д. Поцхверов, в своем заглавии М. Далгат, подчеркивая различие между коренным населением края и крестьянами, позднее поселенными на казенных землях в этих областях, пытался отстаивать интересы местного населения. Но поземельный вопрос так и не был решен в высших правительственных инстанциях.

Д. Поцхверов подробно останавливается на деятельности мировых посредников и Областного по поселянским делам присутствия. В частности, вызывает интерес замечание автора о том, что мировые посредники, помимо других задач, должны были «ограждать население от притеснения и засилья местных кулаков»¹². Это еще одно свидетельство того, что в предреволюционный период в дагестанском ауле налицо острые противоречия между различными группами крестьянства, беднейшие слои которого подвергались притеснениям со стороны кулачества.

Одним из авторов, активно публиковавших свои заметки на страницах «Дагестанских областных ведомостей», был мировой посредник III отдела Даргинского округа Э. Шанаев. В некоторых из них он давал сведения о землевладении и землепользовании в Дагестане. Так, в заметке от 10 апреля 1916 г. говорится о малоземелье в Нагорном Дагестане и примитивных способах обработки земли. «Люди среднего достатка,— писал Э. Шанаев,— имеют земельную площадь от 20 до 30 саб посева, т. е. полторы—две десятины земли. Владетели больших участков считаются богатыми. Однако более 5—6 десятин и богатые редко имеют»¹³.

Представляют интерес данные, приведенные в статье, о ценах на земельные участки, которые, как отмечает автор, «самым ясным способом доказывают малоземелье». «Площадь земли на одну сабу посева,— пишет Э. Шанаев,— колеблется в цене от 50 до 200 руб. Следовательно, десятина земли стоит от 750 до 3000 руб. в зависимости от качества и отдаленности от селения»¹⁴.

Интерес для исследователей представляет и такое наблюдение автора заметки: «Население чрезвычайно жадно покупает землю и только в силу особенно несчастливо сложившихся обстоятельств туземец решается на продажу земельного участка. Ни в какое дело дагестанец так охотно не вложит капитал, как для приобретения земли, хотя последняя при существующих способах обработки никогда не дает более 3% на затраченный капитал, не считая при этом труда землевладельца»¹⁵.

В этой же заметке Э. Шанаев сообщает, что «в самое последнее время в области появились агрономы для научения жителей приемам рационального сельского хозяйства»¹⁶.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, № 15.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

В феврале 1916 г. в «Дагестанских областных ведомостях» была опубликована небольшая заметка Э. Шанаева, посвященная открытию залежей селитры в селении Леваши. Он писал, что в связи с этим больше размеры приняла земельная неразбериха. «Возникли споры о том, кто хозяин горы с такими благодатными недрами. Хозяевами оказались общества разных селений и частные лица. Путаницу увеличивало отсутствие межевых знаков. Явились уже и конкуренты, наперебой старающиеся всякими обещаниями войти в сделку с собственниками земли. Спорящие о своих правах на землю хозяева, чувствуя все возрастающие аппетиты, не знают, какую цифру потребовать от будущего арендатора». Автор заметки настроен пессимистично. Он считает, что «из всего, что делается, видно, что никакое соглашение невозможно»¹⁷. Пессимизм автора небезоснователен, ибо, действительно, нерешенность аграрно-правового вопроса создавала препятствия для развития в области добывающей промышленности.

В январе 1913 г. в «Дагестанских областных ведомостях» была помещена небольшая заметка, озаглавленная «Несколько слов о поземельном устройстве дагестанцев»¹⁸. Автор заметки, назвавшийся «Даргинцем», отмечал малоземелье горцев Дагестана, которое вынуждало их уходить в отход на заработки или переселяться на чужбину. Выход из этого положения автор видел в переселении горцев с гор на плоскость в Хасавюртовский, Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа.

В № 1 «Дагестанских областных ведомостей» за 1910 г. опубликована статья Дауда Бутаева «О происхождении землепользования, известного в Казикумухском округе под названием Барт-Урта, Духва и Ква». Д. Бутаев, сын ремесленника-лудильщика, окончил Петровскую сельскохозяйственную академию, после чего служил в различных лесничествах Елизаветпольской губернии, в Дагестане, в Кутанской губернии и вновь в Дагестане. Состоял корреспондентом «Дагестанских областных ведомостей»¹⁹. Его перу принадлежит ряд статей историко-этнографического характера. В названной статье дается история происхождения сервитутов²⁰ — одного из своеобразных видов землепользования, бытовавшего в Казикумухском округе вплоть до Октябрьской революции. Д. Бутаев считает, что причиной возникновения сервитутов является земельная теснота и особенности хозяйственной жизни лакцев. Он подробно останавливается на трех видах сервитутов, поясняет, что означает каждый из них.

На страницах «Дагестанских областных ведомостей» некоторое освещение получила дискуссия, развернувшаяся среди высшей царской администрации по вопросу отмены зависимых отношений

¹⁷ Там же, № 8.

¹⁸ Там же, 1913, № 3.

¹⁹ См.: Косвен М. О. Материалы по истории, этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, т. III, с. 242.

²⁰ Сервитут — вид землепользования, заключающегося в праве пользоваться в установленных пределах чужими участками земли.

в Дагестане. В этом плане интерес представляет интервью с депутатом от Дагестанской области и Закавказского округа в IV Государственной думе доктором М. М. Далгат, опубликованное в апреле 1913 г.²¹ В интервью отмечается, что между Советом Министров и Кавказским наместничеством существовали разногласия по вопросу о праве собственности дагестанских крестьян на землю, которой они пользовались. Если в наместничестве признавали за горцами право собственности на землю, то в Совете Министров считали дагестанских крестьян поселянами, живущими на казенных землях.

Заслуживает внимания заявление депутата о том, что он будет защищать в думе тот взгляд, что «никаких выкупных платежей для поселян Дагестанской области не может быть, так как земли, на которых они живут, вовсе не являются казенными; горцы владели ими тысячелетиями, даже до арабов». «И во всяком случае,— отмечал он,— они не могут быть в положении русских крестьян, бывших крепостных, которых казна наделила землей с выкупом потому, что сама платила помещикам, у нас же, как известно, в Дагестане крепостничества не было»²².

Депутат отмечал, что на Межведомственном совещании в 1912 г. военный министр, министр внутренних дел и представитель наместника были против установления выкупа по отношению к поселянам Дагестанской области, но все же большинство провело свое. «Я надеюсь,— говорил М. М. Далгат,— что в своем докладе сумею убедить наши законодательные круги в необходимости отмены выкупной системы для горцев». Дагестанский депутат собирался также «устроить ряд частных совещаний представителей местной адвокатуры с членами Государственной думы и Государственного Совета по вопросу реформы военно-народного управления с целью улучшения положения горцев»²³. Как известно, реакционная дума не решила положительно ни одного вопроса, касающегося дагестанского крестьянства.

Помимо рассмотренных нами краеведческих статей и заметок, определенную ценность представляют материалы, помещенные в официальной части газеты.

Особого интереса заслуживают публикуемые из номера в номер объявления о публичной продаже с торгов земельных участков ввиду того, что за их владельцами накопились «недоимки государственного поземельного налога и земского сбора».

Помимо отдельных объявлений о продаже с торгов земельных участков, в ряде номеров «Дагестанских областных ведомостей» за 1915 и 1916 гг.²⁴ были опубликованы списки землевладельцев, чьи имения поступили в продажу за недоимки по окладным сборам. Проведенный нами анализ фамилий свидетельствует, что их

²¹ Дагестанские областные ведомости, 1913, № 16.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же, 1915, № 49, 1916, №№ 1, 8, 9, 12, 20, 21.

носители принадлежали к дворянскому сословию. Большинство продаваемых ипений находилось в Темир-Хан-Шуринском и Кайтаго-Табасаранском округах.

В объявлениях о продаже земельных участков с торгов часто указывались их размеры, а также сумма, с которой начнется продажа, что позволяет судить о стоимости земли в Дагестане в начале XX в. Земельные участки активно скупались Кавказским отделением крестьянского банка с целью перепродажи их русским переселенцам, водворение которых в крае всячески поощрялось властями. Как указано в одном из номеров газеты, «все бекские земли, скупаемые банком, лежат в Присулакской и Прикаспийской низменностях и составляют вместе огромную площадь, служившую до сего времени своим владельцам главным образом для охоты и отчасти как пастбище»²⁵. С целью сделать эти земли пригодными для сельскохозяйственного пользования банк, как отмечалось в заметке, собирался провести некоторые ирригационные работы²⁶. Клиентами Крестьянского банка стали такие крупные дагестанские землевладельцы, как князья Тарковский, Темиров и Казаналипов²⁷. Все это говорит о том, что в начале XX в. в Дагестане росло бессословное землевладение.

В «Дагестанских областных ведомостях» публиковались сведения об экономике области, в частности о состоянии сельского хозяйства. Так, в № 47 за 1913 г. опубликована заметка о том, что «в текущем году урожай хлопчатника около Хасавюрта и Дербента ожидался прекрасный: до 40 пуд. волокна с десятины», но «...наступившие в сентябре холода с дождями задержали развитие коробочек хлопчатника, и, если погода не изменится, урожаю грозит гибель».

В газете почти не получили освещение вопросы классовой борьбы, которая все это время не прекращалась в аулах и городах Дагестана. Администрация, органом которой была газета, предпочитала делать вид, что в области все спокойно. Лишь время от времени на страницы газеты прорывались сообщения, которые свидетельствуют о том, что это не так. В мае 1909 года в газете был опубликован приказ военного губернатора, из которого мы узнаем, что весной 1909 г. «дургелинское общество самовольно произвело порубку на «Кафтар кутане» на пространстве около 200 десятин». В приказе отмечается, что жители этого общества отличаются неисполнением распоряжений начальства. В наказание все сельские должностные лица были удалены с занимаемых должностей. Поверенные крестьян как подстрекатели были на 2—3 месяца посажены в тюрьму. В приказе было сказано, что администрация будет ходатайствовать «о назначении Дургелинскому обществу правительственного старшины, кадия и 2-х рассыльных с назначением им жалованья на средства общества»²⁸.

²⁸ Там же, 1909, № 12.

²⁵ Там же, 1913, № 38.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

На страницах газеты появились заметки о поземельных спорах между крестьянами различных селений из-за участков земли²⁹ и другие материалы.

Таким образом, газета «Дагестанские областные ведомости» представляет определенный интерес для исследователей социально-экономического развития дореволюционного Дагестана, в частности для изучения аграрного вопроса.

Остановимся на материалах по аграрному вопросу в другой дагестанской газете, вышедшей в Петербурге в 1912—1913 гг. Мы имеем в виду издававшуюся С. Габиевым «Зарю Дагестана». Существуют различные мнения специалистов по вопросу о направлении газеты. Одни называют её просветительской, другие склонны считать газету революционно-демократической. Существуют и другие мнения. Более подробно этот вопрос изложен в статье профессора М. А. Абдуллаева, опубликованной в данном сборнике. Нам представляется наиболее верной точка зрения профессора Г. Ш. Каймаразова, который считает, что «Заря Дагестана» — предвестник революционно-демократической прессы Дагестана кануна Великой Октябрьской социалистической революции»³⁰.

Посмотрим, какое отражение на страницах газеты получил аграрный вопрос.

В отличие от «Дагестанских областных ведомостей» — органа царской администрации «Заря Дагестана» публиковала острокритические материалы, направленные против произвола местной администрации, феодалов. Это было причиной неоднократно налагавшихся на газету штрафов.

Проблема ликвидации феодально-зависимых отношений, тяжелое положение крестьян, их борьба против притеснений со стороны беков и царских властей были в центре внимания «Зари Дагестана». Так, была опубликована корреспонденция из Темир-Хан-Шуры «Ликвидация райятского вопроса». В ней излагалось содержание выработанного наместником царя на Кавказе и внесенного для рассмотрения в законодательном порядке проекта ликвидации зависимых крестьян Дагестанской области и Закатальского округа, по которому зависимые уздени, райяты должны были быть переведены на выкуп повинностей от беков. Признав неземельный характер зависимых отношений и анахронизм существования в начале XX века крепостнических отношений, наместник царя на Кавказе, тем не менее, счел возможным ликвидацию их лишь при условии вознаграждения помещиков путем выкупа. Крестьяне должны были в течение 10—20 лет ежегодными взносами уплатить сумму, равную десятикратной стоимости ежегодных повинностей бекам³¹.

В связи с приближением выборов в IV Государственную думу

²⁹ Там же, 1913, № 28.

³⁰ Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971, с. 150.

³¹ Заря Дагестана, 1912, 30 марта, № 2.

«Заря Дагестана» трижды опубликовала предвыборное воззвание, в котором требовала ликвидации феодально-зависимых отношений в Дагестане с учетом нужд и интересов крестьян, а не беков³².

В заметке «На Кавказе» сообщалось о том, что на совещании губернаторов и начальников областей решили, что райятская зависимость крестьян от беков пагубно отражается на экономическом состоянии и культурном развитии населения Дагестана, но «во избежание озлобления беков решено пока отменить процентное отчисление с урожая в пользу помещиков и ввести регулярно мезевые работы, а также предоставить крестьянам право приобретать через банк землю, которой они фактически владеют»³³.

В статье «Остатки крепостного права» описано издевательское отношение господствующих классов царской России к рассмотрению вопроса об уничтожении крепостного права на Кавказе. К разработке проекта было приступлено одновременно с освобождением русских крестьян от крепостной зависимости. Но реформу — с проницей отмечала газета — признано было необходимым провести с большой осторожностью и постепенностью. В результате «временно-обязательные и зависимые отношения крестьян и поселян к помещикам и землевладельцам на Кавказе сохранились поныне»³⁴.

В статье «К райятскому вопросу» газета информировала читателей о ходе обсуждения в Совете Министров под председательством Коковцева законопроектов о прекращении феодально-зависимых отношений в Дагестанской области в Закатальском округе³⁵. С возмущением отмечалось в статье, что зависимые крестьяне должны были внести бекам огромный выкуп, что реформа проводилась на местах органами, членами которых были царские чиновники и беки. Мировые посредники, назначенные для проведения реформы на местах военным губернатором Дагестанской области, также были подобраны из царских чиновников и беков. Областное по поселянским делам присутствие, возглавлявшееся военным губернатором, состояло из трех членов, назначенных заместителем Кавказа, управляющим Бакинской казенной палатой и начальником управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области. В результате реформы крестьяне добились личного освобождения от феодально-зависимых отношений, но лучшая часть земель, находившихся в их фактическом пользовании, была передана бекам. Окончательно не были определены сословно-поземельные отношения в Дагестане, что способствовало злоупотреблениям со стороны беков и казны.

«Заря Дагестана» постоянно разоблачала действия царской администрации, жестоко подавлявшей малейшее проявление недо-

32 Там же, 12, 21 и 25 сентября, № 6, 7, 8.

33 Там же, 1912, № 12.

34 Там же, 1913, 28 февраля, № 2.

35 Там же.

вольства среди трудящихся горцев и в то же время закрывавшей глаза на многочисленные нарушения законов и элементарные требования морали со стороны представителей имущих классов. На страницах газеты рассказывалось о том, как власти прикрывали даже убийства, совершавшиеся богатыми.

Не раз газета писала о тяжелом социальном и экономическом положении крестьян. «...Дагестан, по преимуществу, страна бедняков, у которых нет земли, прокармливающей их хотя бы в течение полугода. Если, конечно, полугодовое существование, питаюсь толокном и бузой, называть жизнью. Что же может пропитать дагестанцев? — Только руки, т. е. только отхожие и домашние кустарные промыслы или черная работа. Есть ли в Дагестане работа или сбыт? Нет. Так где же выход? Единственный — это идти за счастьем за пределы родины.

И вот мы видим, как из Дагестана отливают десятки тысяч людей и рассеиваются по всему миру. Дагестанцев вы встретите в Америке, Париже, Лондоне, Неаполе, Марокко, Египте...»³⁶

Приводя примеры полного произвола царской администрации, Саид Габиев поведал читателям газеты о том, что власти незаконно ограничивают право проживания лакцев во внутренних губерниях России, а в Оренбургской губернии по неизвестным причинам запрещалось проживать вообще. Учитывая, что в Казикумухском округе было очень мало удобной для обработки земли и лакцы вынуждены были добывать себе средства к существованию в отхожих промыслах, этот запрет наносил им большой ущерб³⁷.

Ограничивая возможности отхода дагестанцев на заработки системой отпускных свидетельств, полицейского надзора, запрета на проживание в русских губерниях, царские власти стремились тем самым помешать распространению среди населения национальных окраин страны революционизирующего влияния русского рабочего класса.

В статьях «Организация сельского кредита» и «Заметки дагестанца» С. Габиев показывает классовое расслоение деревни и разоблачает эксплуататорскую сущность кулачества³⁸.

«Заря Дагестана» уделяла большое внимание выборам в IV Государственную думу. В условиях жестокого подавления революционного движения в стране дума была важной трибуной пропаганды для революционеров, большевиков. Газета резко выступала против реакционного избирательного закона от 3 июля 1907 года, по которому один голос помещика приравнивался к 200 голосам крестьян³⁹.

В связи с выборами газета изложила свою программу борьбы против национально-колониального угнетения, за ликвидацию

³⁶ Там же, 1912, № 3.

³⁷ Там же, 1912, 31 октября, № 10.

³⁸ Там же, 31 мая, № 2; 12 сентября, № 6.

³⁹ Там же, 1913, 15 марта, № 3; 28 марта, № 4.

феодалных пережитков в экономике. «Одни из животрепещущих вопросов нашей жизни, — писала газета, — земельный вопрос, имея в виду решительное уничтожение райятских повинностей и возможное переселение желающих из горных теснин на свободные плоскостные земли в пограничном с Терской областью районе; решение о сословных правах и сословиях в Дагестане вообще, не в тиши кабинета сановного..., а перед лицом всего края и непременно только в смысле общегражданских начал, не внося к нам совершенно чуждых горцам организаций и учреждений, кои даже в исторически сословной самой империи в бессильных потугах в борьбе с новой жизнью уже давно доживают лишь последние дни; вопрос подъема экономического благосостояния края с помощью кооперации и новшеств в сельскохозяйственных работах и кустарном производстве»⁴⁰.

Подведем краткие итоги. Дореволюционная дагестанская пресса представляет собой исторический документ, один из первоисточников истории Дагестана. По ценности содержащихся в ней сведений пресса существенно дополняет архивные данные. Рассмотренные нами газеты резко различаются по своему направлению. Для «Дагестанских областных ведомостей» была характерна классовая ограниченность, свойственная официальной периодике царского режима. Газета была социально-политически индифферентна. Это проявлялось, в частности, в отсутствии в ней даже упоминания о происходившей в дагестанских аулах классовой борьбе. Для «Зари Дагестана» в отличие от «Дагестанских областных ведомостей» характерна острая социальная тематика. На ее страницах показано тяжелое положение крестьянства, его борьба против произвола властей и беков. Газета обвиняла администрацию области в игнорировании интересов трудящихся.

И в «Дагестанских областных ведомостях», и в «Заре Дагестана» в той или иной степени получил освещение аграрный вопрос. В них помещались и довольно пространственные оригинальные материалы и небольшие заметки по этому вопросу. Одни авторы показывали хорошее знание местного материала, глубокое проникновение в суть аграрного вопроса, другие писали об этом поверхностно. Представляют интерес опубликованные в «Дагестанских областных ведомостях» объявления о продаже с торгов земельных участков, свидетельствующие о росте бессословного землевладения.

Обличительного характера статьи, публикуемые в «Заре Дагестана», помогают лучше понять напряженную, социально-обостренную обстановку, которая сложилась в области накануне отмены зависимых отношений в 1913 г.

Все это свидетельствует о ценности дагестанской дореволюционной прессы как источника по социально-экономическому развитию Дагестана в начале XX в. и по аграрному вопросу в том числе.

⁴⁰ Там же, 1912, 12 сентября, № 6.

Д. С. Кидырниязов

АРХИВ КИЗЛЯРСКОГО КОМЕНДАНТА — ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКО-НОГАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII в.

Одной из важнейших задач, стоящих перед советской исторической наукой, является изучение истории дружеских взаимоотношений между народами нашей страны.

Сведения о русско-кавказских отношениях, в частности о русско-ногайских отношениях в XVIII в., большинство исследователей черпают из материалов, хранящихся в центральных архивах: Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), Архиве внешней политики Министерства иностранных дел СССР (АВП МИД СССР).

До сих пор в полной мере не введены в научный оборот ценные материалы архива Кизлярского коменданта из фондов Центрального государственного архива Дагестанской АССР (ЦГА ДАССР). Этот архив объединяет фонды: «Терский комендант», «Комендант крепости Св. Креста», «Дербентский комендант», «Астаринский комендант», «Куринский комендант», «Рященская судная канцелярия», «Походная канцелярия ген.-л. А. П. Девица», «Канцелярия ген.-л. В. Я. Левашева», «Походная канцелярия ген.-л. Фонвендера», «Канцелярия бригадира Шипова», «Штаб Низового корпуса». Бумаги этих фондов, содержащие сведения за 1720—1734 гг., были перевезены в Кизляр в 1735 г. Фондообразование основного архива Кизлярского коменданта, охватывающее хронологический период с 1735 по 1905 г., происходило в самом Кизляре. Это фонды: «Кизлярский комендант», «Кизлярская гражданская канцелярия», «Общее управление», «Полицейское управление», «Суды (окружные, уездные, городские)», «Духовное управление», «Казначейство», «Пограничная карантинная контора», «Кизлярская комиссия для приведения в известность владетельных актов», «Кизлярское окружное казначейство», «Главное приставство карангайского народа» и другие (всего 43 фонда). В целом архив Кизлярского коменданта состоит из 56 фондов, объединяющих около 8 тыс. единиц хранения¹. Здесь сосредоточен почти весь материал дело-

¹ Гаджиев В. Г. Архив Кизлярского коменданта. — В кн.: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д, 1978, № 2, с. 7.

производства Кизлярского коменданта — подлинные письма от жителей разных владений Северо-Восточного Кавказа на имя представителей царской администрации, журналы текущих дел, систематические данные и прочее. В них отражены многие аспекты Северо-Восточного Кавказа и русско-дагестанских, в частности русско-ногайских, взаимоотношений. Они составлены главным образом на русском языке, в том числе и исходящие от феодальных владетелей Кавказа. Встречаются документы местного происхождения, составленные на арабском и тюркском языках.

Документы местного происхождения могут быть условно подразделены на две подгруппы. К первой подгруппе относятся материалы, исходящие от феодальных владетелей, ко второй — письма с жалобами крестьян на феодалов, обращения к кавказской администрации по различным вопросам, показания ногайцев, прибывших по торговым делам или задержанных за какие-либо проступки. Документы этой группы, особенно жалобы крестьян на притеснения феодалов, а также материалы, выражающие недовольство феодальными междоусобицами, представляют особую ценность.

В июне 1787 г. к кизлярскому коменданту инженер-майору Грызлову обратилось 225 семей ногайцев с жалобой на злоупотребления властью карангайского кади Батыра Баймамбетова и старшин. В этой жалобе говорилось о том, что он сменил шесть старшин и назначил вместо них других. Они выражали свое недовольство этим и опасались Батыр-кади. В своем письме они просили кизлярского коменданта, чтобы им вернули тех шесть старшин, которые были ранее назначены². Кавказский наместник Потемкин поручил ногайскому приставу майору Скарзину разобраться. Он же указал на то, что если нынешние старшины будут их обижать и притеснять и если большая часть ногайского общества не захочет иметь их у себя старшинами, то сменил их и на место их назначит тех, кого захотят они сами. Он также потребовал, чтобы вновь избранных представить на утверждение в Кавказское наместническое правление³. Вскоре Батыр-кади и старшины были смены и вместо них назначены новые⁴.

Материалы местного происхождения написаны по-арабски черными чернилами. Почти все документы местного происхождения сопровождаются переводами на русский язык. Без преувеличения можно сказать, что документы местного происхождения — очень ценный источник. Ценность их заключается в том, что они содержат сведения о событиях, которые не получили отражения в официальных документах.

Судя по материалам архива, в XVIII в. ногайские мурзы, владения которых располагались близко к южным границам России, обращались с просьбой к русскому правительству, что желают

2 ЦГА ДАССР, ф. 379, оп. 3, д. 26, л. 2.

3 Там же, л. 2, 3.

4 Там же, оп. 3, д. 29, л. 83.

в «подданство Ея императорского величества отойти»⁵. В одном из архивных источников указывается, что едиганские и джембулукские ногайцы находятся «в протекции е. и. в.»⁶

Самодержавие, как свидетельствуют многочисленные документы архива, выдавало феодальным владельцам грамоты о пожаловании им сословных привилегий, об установлении ежегодных жалований⁷. Разбирались и спорные дела⁸. Например, в январе 1785 г. ногайцы аула Тогунчи написали жалобу на имя кизлярского коменданта о том, что они недовольны вновь избранным старшиной, и просили определить к ним бывшего старшину К. Та-наева⁹.

Царское правительство применяло метод заложничества (аманатство). Русские власти брали аманатов от влиятельных князей, мурз, добиваясь таким образом покорности и подчинения местных народов¹⁰. Правило подкреплять складывающиеся взаимоотношения между Россией и конкретными обществами Северного Кавказа было естественной чертой эпохи. Аманатам в российских городах уделялось особое внимание, им предоставлялись широкие возможности для приобщения к русской культуре, обучения русскому языку. И поэтому все чаще бывшие заложники-аманаты становились проводниками идей укрепления русско-ногайского сближения.

Особого внимания заслуживают также документы, рассказывающие о добрососедских связях ногайцев с терско-гребенскими казаками¹¹. Во время голода и неурожая терско-гребенские казаки помогали ногайцам провиантом и другими товарами¹².

Содержание архива Кизлярского коменданта не исчерпывается материалами о русско-ногайских политических связях. В нем нашли свое отражение торгово-экономические и культурные связи. Особенно большое число документов рассказывает о торговых операциях в Кизляре. В середине XVIII в. было принято решение снизить пошленные сборы¹³. А кабардинцы и кумыки вовсе освобождены от уплаты пошлины¹⁴. В 1791 г. от уплаты пошлин были освобождены все народы Дагестана¹⁵. Ногайцы привозили в Кизляр на продажу крупный рогатый скот, овец, шерсть, местное сукно, масло и др. Покупали у русских соль, рыбу, икру, хлопчатобумажную ткань, железо и пр. Ногайцы возили продавать свою продукцию также в Астрахань, Моздок и на осенние

⁵ Там же, оп. 1, д. 45, л. 35.

⁶ Там же, оп. 1, д. 853, л. 40, 47.

⁷ Там же, д. 26, л. 15.

⁸ Там же, д. 29, л. 83.

⁹ Там же, оп. 3, д. 26, л. 2—3.

¹⁰ Там же, д. 16, л. 50, 53; д. 63, л. 82—83, 103—104; д. 67, л. 19, 55, 80, 120.

¹¹ Там же, оп. 1, д. 45, л. 35; д. 125, л. 77.

¹² Там же, д. 45, л. 10, 35—36, 105, 135.

¹³ Там же, д. 556, л. 29—31.

¹⁴ Там же, д. 783, л. 56—59.

¹⁵ Там же, оп. 3, д. 93, л. 56—59.

ярмарки в притеречных станицах¹⁶. На этих базарах и завязывалась дружба между русскими и ногайцами.

Русское правительство покупало у ногайцев драгунских и подъемных лошадей¹⁷. Ногайцы поставляли и перевозили на своих арбах за плату казенные и купеческие товары из Кизляра в Астрахань, Тифлис, Моздок¹⁸. Они перевозили на арбах рыбу, икру, водку и вино.

Торговля ногайцев с Россией в значительной степени содействовала развитию их экономики. На свои ремесленные изделия, скот, меха ногайцы выменивали у русских не только соль, но и предметы первой необходимости, легкий и дешевый ситец, холст и другие ткани, различные орудия производства. Естественно, ногайцы тянулись к развитию торговли с Россией, несмотря на непрекращающиеся военные действия, сложность политической обстановки и злобную антирусскую пропаганду.

В большом числе документов говорится об усилении турецко-крымской агрессии на Северном Кавказе в XVIII веке в период разложения и кризиса Оттоманской Порты, стремящейся таким путем удержать страну от развала¹⁹.

Архивные материалы свидетельствуют, что в эти трудные времена ногайцы активно боролись против угрозы порабощения и даже истребления их со стороны Турции и Крымского ханства и что в своей борьбе они находили поддержку у России²⁰. В одном архивном источнике указывается, что «упоминяемый князь их (ногайцев. — Д. К.) Джан-Мамбет не желает нарушить свой союз с Россией»²¹.

Документы дают возможность изучить роль казачества в заселении и хозяйственном освоении земель Северного Кавказа. Имеется некоторый материал об освоении русскими и местными народами земельных массивов, развитии земледелия и скотоводства, распространении более прогрессивной, чем в предшествующий период, агротехники, внедрении новых земледельческих культур, разведении улучшенных пород скота²².

Опыт разведения скота ногайцами на огромных степных пространствах Северного Кавказа способствовал развитию скотоводства среди русского населения. Русские переняли от местных народов те породы, которые имелись и лучше всего были приспособлены к местным условиям. Ногайцы арендовали земли под пастбища у русских помещиков. В 1758 г. к кизлярскому коменданту фон Фраундорфу обратился из Найманова аула ногаец О. Кантемиров с просьбой дать ему пастбища для скота²³.

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 34, л. 35; д. 44, л. 4, 22; д. 125, л. 66—67, 77.

¹⁷ Там же, д. 29, л. 34, 48.

¹⁸ Там же, д. 2, л. 56; д. 44, л. 4; д. 89, л. 74; д. 2, л. 57, 56, 60.

¹⁹ Там же, д. 679, л. 30, 31, 34, 43.

²⁰ Там же, д. 2, л. 97, 99.

²¹ Там же, д. 2, л. 97.

²² Там же, д. 44, л. 4, 22—23, 69, 70, 71, 73 и др.

²³ Там же, д. 245, л. 38, 77.

Ногайцы занимались отхожими промыслами. С наступлением весны тысячи ногайцев уходили на заработки в русские станицы. Там они выполняли различные полевые и домашние работы. Кроме извоза куческих товаров, ногайцы занимались обработкой садов и молотью хлеба. В конце августа они отправлялись в г. Кизляр для выжимки вина и уборки виноградных садов²⁴.

Добрососедские отношения и тесное сотрудничество между ногайцами и казаками способствовали взаимовлиянию и взаимообогащению их культур. Терско-гребенские казаки переняли у местных народов некоторые виды кавказской одежды, снаряжения, а также и некоторые навыки трудовой деятельности. В свою очередь, значительное влияние на культуру последних и на их хозяйство оказала культура русского населения Северного Кавказа. Под влиянием общения с русскими переселенцами значительно увеличилось зерновое хозяйство, совершенствовались техника обработки земли, оросительная система, приемы возделывания риса, кукурузы, садовых культур и, особенно, винограда. Появление тонкорунного овцеводства в Северном Дагестане также является заслугой русских и украинских переселенцев.

Архив кизлярского коменданта содержит немало фактов о побеге крестьян-ногайцев из-под Кизляра к тарковскому шамхалу. Царская администрация предпринимала активные меры для их возвращения к месту постоянного обитания. Эти факты показывают отношение представителей царской власти к побегам ногайских крестьян, стремление царского правительства держать под контролем ногайцев, которых считало своими подданными. Царское правительство не было заинтересовано в уменьшении числа своих подданных.

В 1758 г. три ногайские семьи из кичакского аула, всего 25 человек, жившие под Кизляром, бежали в Тарки, к тарковскому шамхалу. Но через некоторое время они переселились к ногайцам, жившим во владении кумыкского владельца Алиша Хамзина. На требование кизлярского коменданта вернуть их в Кизляр Алиш Хамзин просил кизлярского коменданта генерал-майора Н. А. Потапова оставить их у него. Н. А. Потапов пишет жалобу в Коллегию иностранных дел. Вице-канцлер князь Александр Голицын в своем письме от 31 марта 1764 г. предписывает А. Хамзину, чтобы ногайцы «на прежние места к Кизляру возвратились, обнадёживая их накрепко, что им за побег их и ни малейшего наказания не будет»²⁵. Эти ногайцы были возвращены к кизлярским ногайцам²⁶.

В 1767 г. пять семей кизлярских ногайцев в количестве 37 человек бежали во владения тарковского шамхала к кочевавшим там ногайцам. В ответ на требование кизлярского коменданта Н. А. Потапова вернуть беглых тарковский шамхал в своем письме

²⁴ Там же, д. 111, л. 60—61, об. 63.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 545, л. 127.

²⁶ Там же, л. 128.

от 12 апреля 1768 г. заявил, что ногайцы не желают возвращаться, а заставить он их не может, так как это противоречило бы обычаям, по которым, по словам шамхала, «издревле к дедам и к отцам моим от всяких сторон перебежавших людей никогда обратно отдаваны не были»²⁷. Это событие очень обеспокоило как кизлярскую администрацию, так и кумыкских владельцев. Эндреевский князь Темир Хамзин требовал от Н. А. Потапова представления ему отряда в 100 казаков или «кизлярских дворян» для захвата у тарковского шамхала беглых ногайцев, так как по их примеру, по словам Т. Хамзина, «как ваши, так и наши ногайцы все бегут к шамхальским ногайцам»²⁸.

3 мая 1768 г. в Кизляре в присутствии коменданта Н. А. Потапова, князя Бекович-Черкасского эндреевские владельцы Темир Хамзин, Баммат Айдемиров и костековский князь Хамза Алишев приняли секретное обязательство в том, что, «собрав наши народы и получив от командующего господина генерала в сикурс помощь казачью», захватят у тарковского шамхала кизлярских ногайцев и тем докажут «ея императорскому величеству повинную службу, не шадя в потребном случае и своего живота»²⁹. Как явствует из копии рапорта генерал-майора Н. А. Потапова в Государственную коллегию иностранных дел от 3 ноября 1768 г., осуществить это намерение не удалось из-за осенней распутицы, а также потому, что ногайцы кочевали «под самыми Тарками»³⁰.

Факты перехода от одного владельца к другому свидетельствуют о монархистских иллюзиях и наивной вере крестьян в справедливость «хороших феодалов».

Подводя итог сказанному, нужно еще раз отметить, что архив Кизлярского коменданта содержит ценные документы, без привлечения которых нельзя осветить многие важные проблемы русско-ногайских взаимоотношений в XVIII веке.

27 Там же, д. 677, л. 44.

28 Там же, д. 681, л. 92.

29 Там же, д. 679, л. 83.

30 Там же, д. 1236 а, л. 1.

Р. С. Шихсаидова

**МАТЕРИАЛЫ ФОНДА «КИЗЛЯРСКИЙ КОМЕНДАНТ»
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ДАГЕСТАНО-ЗАКАВКАЗСКИХ ТОРГОВЫХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVIII—НАЧ. XIX вв.**

Дореволюционные архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве ДАССР (г. Махачкала), все более привлекают внимание исследователей. Это относится в первую очередь к документальным материалам фонда «Кизлярский комендант»¹. При тщательном изучении материалов этого фонда выяснилось, что в его составе находились документы ряда самостоятельных фондообразователей, в свое время переданных в ведение кизлярского коменданта.

К числу подобных фондообразователей относится и часть фонда «Дербентский комендант» в составе 184 ед. хр. за период деятельности с 1723 по 1735 гг. В этом фонде сохранились таможенные книги за 1726—1730 гг.², которые дают определенное представление о торговле шелком на Восточном Кавказе в указанное время, о роли Дербента как транзитного пункта, о купцах и торговых людях, занятых перевозкой и продажей шелка.

Усиление торговой деятельности именно в эти годы — это следствие благоприятных условий для развития экономики Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, появление которых связано с известным походом Петра I на западное побережье Каспийского моря и заключением Константинопольского договора 1724 г., согласно которому за Россней были закреплены прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана³.

Активную политику в отношении торговли на Востоке Россия стала проводить еще в конце XVII—начале XVIII в. Одной из главных причин этого было то, что Русское государство опасалось западных держав и Турции, стремившихся установить свою власть в прикаспийских провинциях, имевших важное стратегическое и

¹ Подробно о фонде «Кизлярский комендант» см.: *Гаджиев В. Г.* Архив Кизлярского коменданта. — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. Ростов н/Дону, 1978, № 2, с. 3—6.

² ЦГА ДАССР, ф. 18, оп. 1, д. 17, д. 21, д. 31, д. 57, д. 64.

³ *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 145.

экономическое значение⁴. Особое значение придавалось Волжско-Каспийскому пути, где находились главные центры производства шелка-сырца — Шемаха, Гянджа, Решт⁵. Политика России в области торговли на Востоке нашла отражение в Инструкции Петра I А. П. Волюнскому, отправленному в 1715 г. в Персию в качестве русского посланника. Несколько пунктов этой Инструкции посвящено торговым делам. Так, например, в шестом и седьмом пунктах предписывается: не ограничиваться существующим договором с Армянской компанией; склонить шаха к тому, чтобы в Гиляне и в других провинциях российским купцам было бы разрешено закупать шелк-сырец и без препятствий вывозить его в Россию. «Також де надлежит ему, господину посланнику стараться склонить шаха, чтобы подданным его армянам джульфинцам повелено было весь свой торг с шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство, в чем им самим... великая будет польза»⁶.

На Волжско-Каспийском торговом пути одним из крупных торгово-ремесленных центров и транзитным пунктом был Дербент. К активной торговой деятельности были приобщены также Тарки, Аксай, Эндирей, Костек (Тарковская, Аксаевская, Андреевская, Костековская деревни) и др. Судя по регистрационным записям, среди лиц, приезжавших в Дербент, основную массу составляли закавказские торговые люди. Имеется возможность проследить погодно прибытие их в Дербент, а также количество доставляемого ими шелка.

Регистрация в таможенных книгах велась по определенному трафарету, отличавшемуся краткостью сведений, которые, однако, вполне конкретны и представляли собой в сущности краткую опись товара, в данном случае шелка, в интересах обложения его таможенной пошлиной. Приводимые нами выписки из этих таможенных книг дают об этом наглядное представление.

251	13	Тифлисского армянина Нестера Михайлова шелку чистого 9 тай	16 апр. 1728 г.	В оных таях весу 117 батманов рященной по- купки. Пошлин з батмана по 36 копеек и пол с тре- тею одною деньгою. Итого 42 рубли 89 копеек и пол. Самсарей з батмана по 16 копеек и пол. Итого 19 рублей 30 ко- пеек и пол. Гушей с тая по 12 копеек и пол. Итого 1 рубль 12 копеек и пол. Джеваза 10 копеек. Всего 63 рубли 42 коп. и пол.

⁴ Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения (XV—XIX вв.), ч. I. Баку, 1985, с. 43.

⁵ Там же.

⁶ Тер-Авакимова С. А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980, с. 74; ЦГАДА, ф. «Сношения России с Персией», 1715—1717 гг., д. 1, л. 49.

252	13	Грузинского армянина Давыда Абава шелку чистого 2 тай	16 апреля 1728 г.	В оных таях весу 25 батманов рященской покупки. Пошлин з батмана по 36 копеек и пол с третею одною. Итого 9 рублей 16 копеек и пол. Самсарей з батмана по 16 копеек и пол. Итого 4 рубли 12 копеек и пол. Гушей с тай по 12 копеек. Итого 25 копеек. Джеваза 10 копеек. Всего 13 рублей 64 копейки.
359		Шемахинского армянина Иваница Вартанова шелку чистова 5 тай вязаного	11 июня 1728 г.	Во оных таях весу 75 батманов шемахинской покупки. Пошлин з батмана по 36 копеек и пол и с третею одной деньгою. Итого 27 руб. 49 копеек 3/4. Самсарей з батмана по 16 коп. и пол. Итого 13 руб. 38 копеек 1/2. Гушей с тай по 12 копеек и пол. Итого 62 копейки и пол. За перевес 10 копеек. Всего 41 руб. 60 копеек и пол.
871	16	Жульфинского армянина Семена Степанова шелку чистого шесть тай	2 июля 1728 г.	Во оных таях весу 126 батманов рященской покупки. Пошлин с батмана по 36 копеек и пол с третею одною деньгою. Итого 46 рублей 20 копеек. Самсарей з батмана по 16 копеек и пол. Итого 20 рублей 79 копеек. Гушей с тай по 12 копеек и пол. Итого 75 копеек. Джеваза 10 копеек. Всего шестьдесят семь рублей 9 копеек.
874		Шемахинского мухаметанца Исмаила Срафилова шелку чистого 15 тай и пол., привезенного из Шемахи.	14 ноября 1728 г.	Во оных таях весу 232 батмана и пол шемахинской покупки. Пошлин з батмана по 36 копеек и пол с третею одною деньгою. Итого 85 рублей 24 копейки 3/4 2/3 деньги. Самсарей з батмана по 16 копеек и пол. Итого 38 рублей 36 копеек 1/4. Гушей с тай по 12 копеек и пол. Итого 1 рубль 93 копейки 3/4.

За перевес того шелку
10 копеек. Всего 125 рублей
64 копейки $\frac{3}{4}$ $\frac{2}{3}$ день-
ги⁷.

Мы привели примеры из записей наиболее часто встречающихся (исключение — «шемахинский мухамеданец») согласно таможенной классификации приезжающих в Дербент торговых людей (ширванские, шемахинские, тифлиссские, джульфинские). Кроме того, зафиксированы торговые люди гянджинские, ереванские, нахичеванские и др.

Как известно, таможенные книги велись по годам. Это дает возможность проследить степень «активности» отдельных торговых пунктов:

Шемаха	— 1726, 1727, 1728, 1729, 1730
Тифлис	— 1727, 1728, 1729, 1730
Джульфа	— 1726, 1727, 1728, 1729, 1730
Гянджа	— 1729, 1730
Нахичеван	— 1728, 1730
Ереван	— 1727, 1728.

Отдельные сведения таможенных записей нуждаются в разъяснениях.

1. Раздельное упоминание «шемахинский» и «ширванский» кажется на первый взгляд непонятным, так как Шемаха входит в состав Ширвана. Объяснить это можно, видимо, только тем, что под Ширваном подразумевался любой другой город области, кроме Шемахи, а Шемаха как наиболее крупный торгово-ремесленный центр отмечался особо. То же самое мы наблюдаем в регистрационных записях относительно армян («тифлиссские армяне» и «грузинские армяне»).

2. Необходимо иметь в виду, что частота упоминаний по годам не всегда служит признаком преимущественной активности торговой деятельности в пределах одного года. Поэтому наиболее полное и правильное представление о торговле шелком в Дербенте или же о транзитных операциях мы можем получить только при выявлении количественных показателей торговой деятельности указанных пунктов по годам. Приводимый ниже подсчет участия отдельных торговых людей выглядит следующим образом.

Происхождение	Количество явок по годам ⁸				
	1726 с ноября	1727	1728	1729	1730
1	2	3	4	5	6
Грузинские армяне	4	18	42	19	48
Тифлиссские армяне	—	3	18	36	37

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 18, оп. 1, д. 31, л. 24, 34, 78, 79.

⁸ Из-за повреждения текста не прочитаны записи: 1726 г. — 14; 1727 г. — 3; 1728 г. — 10; 1729 г. — 6; 1730 г. — 9.

1	2	3	4	5	6
Тифлиссские грузины	—	—	2	1	1
Тифлиссские мухамедане	—	—	—	4	3
Шемахинские мухамедане	—	1	8	3	5
Шемахинские армяне	—	3	3	1	3
Ширванские мухамедане	—	1	—	3	4
Джюльфинские армяне	1	22	11	10	23
Ереванские армяне	—	1	2	—	—
Нахичеванские армяне	—	—	—	—	3
Нахичеванские мухамедане	—	—	1	—	—
Гянджинские армяне	—	—	—	1	—
Гянджинские мухамедане	—	—	—	—	1

Национальный состав торговых людей не отличается, как мы видим, разнообразием. Здесь практически монопольное положение занимают армяне (грузинские, тифлиссские, шемахинские, джюльфинские, ереванские, нахичеванские, гянджинские). Другие народности незначительны по своему количественному составу (тифлиссские грузины, тифлиссские мухамедане, шемахинские мухамедане, ширванские мухамедане).

По данным таблицы удается проследить, какие изменения происходили за эти годы в количественном участии купцов в торговой деятельности. Так, например, количество явок джюльфинских армян резко увеличилось в 1727 г. (22) и 1730 г. (23), а в 1728—1729 гг. составляло примерно 1/2 этой цифры (11). Количество же явок грузинских армян достигает наивысшей цифры в 1728 г. (42) и в 1730 г. (48) при незначительных данных 1726 г. (4) и 1727 г. (18).

Начиная с 1727 г. видно участие (хотя в процентном отношении совершенно незначительное) мусульманского населения (шемахинские и ширванские мусульмане, а с 1729 г. — и тифлиссские).

Представляет также интерес перечень пунктов приобретения шелка — это Решт и Шемаха, причем до 1728 г. в таможенных книгах местом покупки шелка числится только Решт («рященской покупки»), а с 1728 г. упоминается уже два города («рященской покупки», «шемахинской покупки»). Упоминается также (очень редко) товар и «бакинской покупки».

Путей следования купцов по данным таможенных записей несколько: Тифлис — Шемаха — Дербент; Тифлис — Ряш — Дербент; Ширван — Шемаха — Дербент. Здесь перечислены не все известные дороги, например Баку — Куба — Дербент⁹.

⁹ Краткое описание торговых путей сообщения Закавказского края — КОИРГО, кн. 1, с. 163 (отдельный оттиск).

Таможенные книги 1726—1730 гг. дают представление только о деятельности купцов закавказского происхождения, прибывших в Дербент или же проезжавших через этот город. О деятельности же жителей Дагестана в области торговли книги эти сведений не дают.

Для изучения деятельности местного дагестанского населения в сфере торговли значительную ценность представляют хранящиеся в этом же фонде рапорты командиров караульных команд за 1735 г.¹⁰, в которых сообщается о проезде через дербентские ворота жителей Дагестана в Закавказье и о приезде в Дербент закавказских жителей с торговыми целями. По тому, в какие ворота Дербента въезжали или выезжали как представители дагестанских народов, так и закавказских, можно определить, направлялись ли они с товаром в Закавказье или же приезжали оттуда.

Приводимые ниже отдельные выписки дают общее представление о характере документов и об их важности для изучения роли жителей Дагестана в торговой деятельности.

...Генваря 25 дня выехал ворота Буян капы Усмейского владения деревни Барашли татар(ни) Аку Сухтал, при нем татар 3 чел., при оных 4 вьюка пшеницы, пошлин взято...

...Того же числа въехал ворота Тенги капы Суркаского владения деревни Комах татарин Аку, при нем татар 7 чел., при (оных) 3 вьюка бурок, пошлин взято 90 ко (пеек).

...Генваря 31 дня въехал ворота Арцы капы Усмейского владения деревни Караграшь Магамет, при нем татар 49 человек, привезли 50 вьюков бурок и сукна, пошлин взято 17 рублей 50 копеек.

...Того же числа выехал ворота Буян капы Суркаского владения деревни Комах татарин Мохамет, при нем татар 7 человек, привезли 2 арбы бязи, пошлин взято 1 рубль и 4 копейки.

...Того же числа въехал ворота 40 святых Усмейского владения деревни Велики татарин Шарип, при нем татар 9 человек, при оных 12 бурок, сукна 60 концов, 3 кожи, булава, краски 8 батманов, пошлин взято 2 руб. 30 коп.

...Того же числа въехал ворота Буян капы Суркаского владения деревни Комах татарин Хази, при нем татар 5 человек, привезли 1 вьюк бурок, 2 вьюка сукна, пошлин взято 1 рубль и 2 коп.

✓ ...Февраля 4 дня въезд в город ворота Буяц капы из Шемахи усмейский житель Ибраим привес 1 куржум парчей и бумаги.

...Февраля 5 дня въезд в город, прибыл из Шемахи ворота Буян капы тефлисской житель грузинец Григорей Вартанов, при нем гервадеров дербентских татар 6 чел., да при оном же 16 вьюков верблюжьих парчей и бязи, а пошлина взята в таможенной конторе, а по чему со вьюка не сведения.

...Февраля 8 дня въезд в город ворота 40 святых из Баки шемахинский житель армянин Соломон Христофоров, при нем работников 5 чел., при оных каравану 15 вьюков верблюжьих бязи и парчей и всякого товару, а пошлина взята в таможенной конторе, а оные (имеют) пашпорт за рукою его превосходительства господина ген.-м. Дебриля, да при оных же армянах грузинец Семен Давыдов, при нем товарищей грузинцев 4 чел. при оных 5 вьюков верблюжьих бязи, пошлина взята в таможене; ворота Кенги капы бакинский житель деревни Сараи татарин Кози, при нем татарин 1, при оных 2 вьюка нефти, пошлин взято 60 копеек, натурою нефти 2 батмана.

...Выехал ворота в Буян капы Суркаского владения деревни Комах татарин Али Махометов, при нем татар 4 человек, при оных 2 вьюка лошадиных парчей, пошлина взята 1 рубль 4 копейки. Выехал ворота Арцы капы Усмейского

¹⁰ ЦГА ДАССР. ф. 379, оп. 1, д. 5, л. 95—106.

владения деревни Комах татарин Крамчалей, при нем татар 3 чел., при оных 4 капана пшеницы, пошлина взята 20 копеек; въехал ворота в Буян капы из Шемахи дербенской житель татарин Хази Мамет, при нем татар 3 чел., при оных 5 вьюков верблюжьих бязи, 2 вьюка верблюжьих меди...

...Февраля 15 дня въехал ворота Арцы капы Усмейского владения деревни Кубачи татарин Мухамет, при нем татар 5 чел., при оных 2 вьюка сукна на продажу.

...Февраля 17 дня ...въехал ворота Трухмен капы Мушкурского владения деревни Мушкур татарин Безян, при нем татар 3 человека, привезли 11 вьюков верблюжьих, да лошадиных 2 вьюка, привезли пшеницы и пшена.

Сведения, которые мы черпаем из рапортов, дают, таким образом, данные об участии дагестанцев в торговой деятельности и о роли Дербента в этой области. Среди дагестанских владений, принимавших участие в торговых делах, названы Казикумухское владение, удмийство Кайтагское, шамхальство Тарковское и майсумство Табасаранское. Перечислены населенные пункты, расположенные как на равнине, так и в горных районах — Караграць (Калакорейш), Камах, Кубачи, Кумух, Тарки, Гапшима, Утемиш, Сабнава, Великент, Берекей, Башлы и др. Из закавказских — названы Баку, Шемаха, Куба, Мюшкюр, Шебрань.

Количество названных населенных пунктов немногочисленно, но наименования товаров, перечисленных здесь, дает основание говорить о том, что в торговые связи были привлечены многие районы и населенные пункты — в числе товаров названы бурки, сукно, бязь, пшеница, «пшено чистое», мука пшеничная, орехи, бобы, груши, нефть, краски.

Если мы используем данные Кизлярской пограничной карантинной конторы, датированные более поздним временем, то они убедительно показывают, что дагестано-закавказские торговые связи усилились, переплелись тесно, иногда нераздельно, с контактами русско-закавказскими.

В «Книге регистрации» за 1790 г. дается перечень «объявленных» в Кизляре товаров, этот же источник дает также сведения об «опорных пунктах» торговой деятельности и об участниках торговых акций. Ниже приводятся (выборочно за период с января по март) сведения по всем этим трем пунктам отдельно.

1) Доставлено в Кизляр товаров: девятнадцать концов бязи бумажной большой руми; двадцать семь бурметей горских; двести пятьдесят два пуда корня марены; десять пудов пшена сорочинского; двести двадцать две бурмети испаганских; сорок два пуда шелка-сырца горского; двадцать три аладжи бумажные; две кутни полущелковые; четыре выбойки простые; три кумача бумажных; два конца басмы бумажной; занавески персидские; двадцать пудов орешков чинаровых; восемьсот тысяч орехов грецких; четыреста кож козлиных; девяносто пудов кураги и шепталы сушеной и т. д.¹¹

2) Товар поступает из следующих пунктов: «из горской Андреевской деревни», «из горской Аксаевской деревни», «из горской Костековской деревни», «из горской Казикумыцкой деревни», «из

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 354, оп. 1, д. 1, л. 3, 5, 8, 16, 19, 24, 26, 43.

горской Жарской деревни», «из горской Тарковской деревни», «из персицкого города Дербента»¹².

3) В качестве купца, организатора торговой деятельности выступает и представляет «объявление» в Кизлярскую пограничную таможенную: «кизлярский житель армянин Асатур Яковлев», «кизлярский житель армянин Константин Иванов», «кизлярский мещанин армянин Погос Калустов», «астраханский 2-й гильдии армянский купец Степан Александров», «астраханский армянин Степан Кеворков», «астраханский 1-й гильдии армянский купец Никита Калустов», «кизлярский житель грузин Борис Дмитриев» и многие другие купцы Кизляра и Астрахани, почти поголовно армяне по национальности.

Таким образом, развитие дагестано-закавказских торгово-экономических связей шло в русле интенсивного русско-закавказского экономического взаимовлияния. Армянские купцы, обосновавшиеся в Кизляре и Астрахани, выступают активными деятелями на этом поприще. Товары, поступавшие в Кизляр для дальнейшей их транспортировки в Астрахань, были как дагестанского, так и закавказского происхождения.

Эта мысль о переплетении дагестано-закавказских связей между собой в сфере русско-кавказских связей находит убедительное подтверждение в материалах «Книги регистрации товаров и вещей, поступающих из-за границы в Кизлярский пограничный карантин в течение 1812 года»¹³. Через «Книгу регистрации»... проходят товары «из Костековской деревни кизлярского 1-й гильдии купца Александра Качкаева»; «из гор. Дербента кизлярского тезика Арзакулы Аллева»; «из заграничной Андреевской деревни кизлярского армянина Степана Чидарадзева»; «из Андреевской деревни тамошнему армянину Алексею Санбелову»; «из Костековской деревни армянину Исаю Автандилову»; «из Тарковской деревни кизлярскому армянину Степану Иванову»; «из города Дербента и Баку товар кизлярского армянина Андрея Осипова»; «из Андреевской деревни товар, принадлежащий кизлярскому армянину Сурхаю Аллавердиеву».

Ассортимент товаров, зафиксированных в «Книге регистрации»..., за 1812 г., обширен и показывает значительный рост торговой деятельности и разнообразие товаров в начале XIX в. Среди перечисленных товаров — шелк-сырец, марена, пшено сорочинское, мука пшеничная, масло коровье, сыр, мед, воск, вино, чихирь горский, рыба копченая; виноград, яблоки, гранаты, курага и дули сушеные, шепталы, орехи грецкие, орехи мелкие, миндаль, финики, бобы, чеснок, лук; овчина, шкуры (лисы, волчьи, медвежьи, куницы, кошачьи, козлиные, редко оленье); шкуры подошвенные; ковры и паласы, намазники, тафта и дараи разноцветные, атлас, бязь, кумач, аладжа, выбойка, бурметь, ситец, миткаль, кисея, холст, сукно лезгинское, кубачинское, бурки, шубы, зипуны, шали

¹² Там же, с. 3, 7, 8, 9, 20, 31, 43.

¹³ ЦГА ДАССР, ф. 354, оп. 1, д. 2, л. 1—55.

кубачинские, платки шелковые и бумажные, шаровары, кушаки шелковые и бумажные, башмаки персидские, чарыки («чирики»), носки, покрывала, занавески; котлы, кувшины и тазы медные, кинжалы, пистолеты, замки ружейные, ножницы и т. д.

Таким образом, материалы фонда «Кизлярский комендант» принадлежат к чрезвычайно ценным, однако малоизученным и малоиспользованным источникам по истории народов Северного Кавказа, в частности по истории экономической и торговой жизни этого региона, истории дагестано-закавказских и дагестано-русских взаимоотношений.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

А. Р. Шихсаидов

ЗАКАРИЙА АЛ-КАЗВИНИ О ДАГЕСТАНЕ

Закарийа ибн Мухаммад ибн Махмуд Абу Йахйа ал-Казвини — известный арабский географ и космограф (1203—1283), автор широко известного космографического сочинения «Аджаиб ал-мах-лукат ва гараиб ал-мавджудат» («Чудеса тварей и диковинки существующего»). Этот труд является «крупнейшим систематическим произведением этого рода, получившим широко распространение во всех литературах мусульманского Востока» (И. Ю. Крачковский). «Космография» — очень популярное на Востоке произведение. Имеется много его списков, а также переводы на другие языки.

Известно и другое сочинение ал-Казвини — это «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и известия о людях»), которое часто сокращенно называют «Географией».

Арабский текст обоих произведений Закарийа ал-Казвини издан в середине XIX в. немецким арабистом Ф. Вюстенфельдом¹.

Ал-Казвини выступает как крупный популяризатор известных ему средневековых авторов. Много места в его произведениях отведено Дагестану. Он часто ссылается на ал-Гарнати, повторяет сведения географов X в. о Каспийском море, Кавказских горах, о Дербентской стене, Зирихгеране. Но в его трудах можно найти важнейшие известия о Дагестане, относящиеся ко времени их написания, то есть к XIII в. Здесь много данных, единственных в своем роде, о них мы узнаем только у Закарийа ал-Казвини. Это интересные сведения о культовых сооружениях в Дербенте, о религиозной, культурной и хозяйственной жизни в двух южнодагестанских селениях — Цахуре и Шиназе, о переводческой деятельности, развернувшейся в цахурском медресе, основанном знаменитым Низам ал-Мулком.

До сих пор мы не имеем русского перевода текста Закарийи ал-Казвини. Только небольшой отрывок о мече Масламы ибн Абд ал-Малика и уникальный текст о Цахуре переведены на русский

¹ Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Zweiter Theil. Die Denkmäler der Länder. hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848; Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie. Erster Theil. Die Wunder der Schopfung, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1849.

язык известным кавказоведом А. Н. Генко². В 1828 г. французский востоковед Доссон впервые перевел на французский язык и прокомментировал арабский текст о Цахуре и Шиназе³. Впоследствии отрывок о Цахуре был переведен на немецкий язык академиком Б. А. Дорном⁴.

Этим и ограничиваются известные нам русские и иностранные переводы сведений о Дагестане из сочинений знаменитого арабского автора. Однако ценность сообщений Закарийя ал-Казвини для изучения средневековой истории, в частности истории Дагестана, настолько очевидна, что перевод и научное комментирование соответствующих мест представляются весьма необходимыми.

В данной статье сделана попытка перевести наиболее важные сведения Закарийя ал-Казвини о Дагестане, однако комментирование всего текста здесь не представляется возможным из-за обширности материала, сложности интерпретации. Мы ограничиваемся комментированием только наиболее важных и оригинальных сообщений — о Баб ал-абвабе, Цахуре и Шиназе и характеристикой значения этих материалов для изучения истории и культуры Дагестана в XIII в.

Переводимый нами на русский язык арабский текст Закарийя ал-Казвини о Дагестане взят из указанных выше двух изданий Ф. Вюстенфельда.

1. Аджайб ал-махлукат ва гараиб ал-мавджудат

(«Чудеса тварей и диковинки существующего»)

1. ¹²⁷ **Хазарское море.** Это море Табаристана и Джурджана, расположенных на восточном берегу его. К северу от этого моря расположена страна хазар, к западу — ал-Лан и горы ал-Кабк, к югу — ал-Джабаль и ад-Дейлем. Это огромное и обширное море, не связанное ни с одним из существующих на земле морей. Если человек начнет объезжать это море, то вернется [наконец] к месту, откуда начал [свой путь]. Это море трудное для путешествий, чрезвычайно опасное, с большими волнами, бурное, без приливов и отливов. Не добывают из него ничего — ни жемчуга, ни драгоценных камней. В нем нет обитаемых островов, но есть острова с зарослями, водами (родниками), деревьями, только вот людей там нет. Море имеет вокруг 1500 фарсахов, длина его — 800 миль, ширина — 600 миль. Оно имеет округлую форму, вытянутую в длину. Мы сообщаем [ниже] кое-что об островах и животных, находящихся там.

² Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение.— Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.; Л., 1941, с. 96, 103. Этот перевод взят нами полностью, но с незначительными изменениями.

³ D'Ohsson M. C. Des Peuples du Caucase. Paris, 1828, pp. 158—159.

⁴ Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. — V. Geographica Caucasica, с. 536—537, 567—568.

Раздел об островах. Описание островов Каспийского моря, взятое у ал-Гарнати. —

Имеется также остров овец. Сказал Саллам Тарджуман (Переводчик), посол ал-Васика Биллаха, повелителя правоверных, к хазарскому царю: «Мы видали остров [на территории] между хазарами и булгарами. Там имеются горные овцы, наподобие лошадей. Они не могут бежать из-за своей многочисленности. Когда корабли подходят к этому острову, то добывают там [все], что Аллах захочет — овец, ягнят жирных. Других животных на этом острове я не видал. На этом острове [много] источников, трав, деревьев — хвала тому, чьи благодеяния неисчислимы».

Глава об обитателях этого моря. (Повторение сообщения Саллама Тарджумана об огромной рыбе, пойманной хазарами).

Гора ал-Кабк. Это гора, прилегающая к Баб ал-абвабу, стране алан и тянется до страны румов. Она представляет собой барьер между хазарами и Ираном. В этой горе [много] проходов, по которым хазары переходили и вторгались в земли Ирана и Азербайджана вплоть до Хамдана и Мосула. Когда царем стал превосходный Хосров Ануширван, он заключил мир с царем хазар и женился на его дочери и хитростью закрыл эти проходы прочной стеной... и осталась [гора] прегражденной до наших дней. Некоторые говорят в своих описаниях этой стены, что конец стены уходит в море, а укрепление его доходит до такой линии, против которой не применить хитрость.

Стена протянулась на семь фарсахов, до неровной местности, к которой нет пути. Стена возведена из ровных четырехугольных каменных плит, самую меньшую из которых не поднимет пятьдесят человек. Эти каменные блоки прикреплены болтами и свинцом. На протяжении этих семи фарсахов сделано семь дорог, у каждой из которых построен город. При каждом из этих городов поставлен гарнизон из персидских воинов, которые охраняют город. В каждом городе — железные ворота, к каждым из которых уполномочено сто человек для их охраны, в то время как раньше нужно было иметь сто тысяч человек. Затем (Ануширван) стал на свой престол и поклонился Аллаху, благодаря его за завершение [строительства] и за избавление от зла [со стороны тюрок], запрокинулся на спинку трона и сказал: «Теперь я отдыхаю». Сказал ал-Бахтури, упоминая о силе царя Ануширвана в своей касыде на «син», в описании двorca (ийван) Хосрова во время пребывания его в Баб ал-абвабе: «Закрты ворота его на горе ал-Кабк до жилищ Хилата и М.ска.

¹⁷¹ **М.ск.** — это город. Более подробное описание этой стены будет дано в статье о Баб ал-абвабе.

II. Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад

(«Памятники стран и известия о людях»)

II. 340 **Баб ал-абваб.** Удивительный город на берегу Хазарского моря, построенный из скалы. Город имеет продолговатую форму,

море доходит до его стен, длина его — около двух третей фарсаха, а ширина превышает [расстояние полета] стрелы. Город имеет железные ворота, много башен, у каждой из которых — медресе для тех, кто поблизости и занимается религиозными науками. На стене — стража, которая охраняет [город] от врагов. Построил этот город превосходный Хосров Ануширван. Это одна из великих пограничных областей (сагр), потому что значительное число тех, кто окружает город, — беспокойные народы. Рядом с городом — небольшая гора, известная под названием Занаб (хвост)⁵. На вершине этой горы ежегодно собирают большое количество дров, чтобы разжечь из них костер в случае необходимости известить жителей Аррана, Азербайджана и Арминий о приближении врага. Хосрой придавали огромное значение этому месту из-за этой опасности, которую оно представляет. (О заключении договора между Хаканом и Ануширваном о строительстве пограничной стены). За городом имеется холм, на котором расположена мечеть, в михрабе которого [держат] меч. Говорят, что это меч Масламы ибн Абдалмалика ибн Марвана. Паломничают к нему люди, и паломничают в белой одежде. И если кто-нибудь посетит его в цветном одеянии, наступают ливни и ветры, и [тогда] все, что вокруг холма, почти погибает. На этом холме имеется охрана, которая удерживает того, кто идет к холму в одеянии, окрашенном в какой-либо цвет. Близ холма расположен источник, к которому люди выходят в каждую пятницу ночью, и они во время некоторых ночных молений видят в этом источнике сияние и свет, и становятся видными гравий и камень [на дне источника]. Они называют этот источник [источником] воздаяния (*саваб*)...

II, 393 **Страна хазар.** Они [составляют] большой род из тюрок. Страна их расположена за Баб ал-абвабом, который называют ад-Дербенд. Их две категории (*синф*), одна — белые, удивительной красоты, другая — смуглые, как их называют — кара хазары. Их жилища — из войлока (букв. — из ткани *хирках*), кроме некоторых, сделанных из глины. У них рынки, бани, и проживают они на берегу реки Итиль. У них имеется великий царь, называемый *бек*, и среди них много мусульман, христиан, евреев, идолопоклонников...

II, 399 **Зирихгеран.** Значение его — «изготовители брони». [Это] два селения выше Баб ал-абваба, на высокой горе. Вокруг них расположены селения, обрабатываемые поля, рустаки, горы. Жители их — с высокими талиями, белокурые, с острыми (*хазр*) глазами. У них нет иного ремесла, кроме изготовления кольчуг и панцирей. Они богаты, щедры, они любят чужеземцев, особенно тех, кто разбирается в науке или каллиграфии, и тех, кто знает какое-нибудь ремесло. Они не платят хараджа никому из-за укрепленности их места. Нет у них ни религии (*милла*), ни религиозного толка (*мазхаб*).

⁵ По другим источникам: «Дзи'б» («Волк»).

В каждом из тех селений под землей [имеется] два больших помещения, наподобие погребов, одно из них для мужчин, другое — для женщин. В каждом помещении находится несколько мужчин с ножами. И когда из жителей этих селений кто-нибудь умрет, и если это мужчина, то [труп его] доставляют в помещение для мужчин, а если же это женщина — то в помещение для женщин. Тогда они отрезают его члены, очищают их от мяса, извлекают [из костей] мозг. Затем они собирают эти кости, [причем] нет там сырости, а в мешке нет грязи. Кости клались в мешок. Если [умерший] был из богатых, то в мешок из парчи, а если из бедных — в мешок из небеленой ткани. Затем на этом мешке писали имя покойного, и имя его отца, дату рождения и время его смерти. Мешок вешали в тех помещениях. Мясо мужчин относилось на холм за селением, где отдавали его в корм черным воронам и не разрешали есть это мясо другим птицам. Если прилетала [сюда] другая птица, чтобы кушать это мясо, то ее отгоняли стрелами. Мясо женщин относили на другое место и кормили ими коршунов, но допуская других птиц.

Абу Хамид ал-Андалуси рассказывает, что он слышал, как однажды жители Дербенда снарядили войска на Зирихгеран и шли до тех пор, пока не вошли в селение. Тогда вышли из-под земли люди, вошли в эти помещения и поднялся [в это время] сильный ветер, пошел большой снег, так что никто из этих войск не смог узнавать своего товарища. Они начали убивать друг друга, сбллись с пути, и погибли из них много народу. И спаслись [только некоторые] после того, как воочию увидели смерть.

Рассказывают, что владетель Ширвана — а он был могущественным маликом, сильным и мощным — пошел однажды на них, сильно желая [подчинить] их, но его постигло то же, что и дербентцев. Вследствие этого правители (малики) воздержались от походов на них (то есть зирихгеранов).

* * *

II. 403 **Ширван.** Область близ Баб ал-абваба. Говорят, что заселил ее Ануширван Кисра (Хосров) и названа она его именем...

II. 404—405 **Шинас.** Городок в стране Лакзан, на краю очень высокой горы. К нему нет иной дороги как по вершине горы. Кто хочет попасть сюда, тот берет в руки палку и медленно спускается из-за сильного ветра, чтобы ветер не сбил его с ног. Холод у них чрезмерно силен [в течение] семи месяцев. У них произрастает сорт зерна, называемый *ас-сульт*, кое-что из горных (диких) яблок. Жители его добрые, мирные, гостеприимные по отношению к бедным, радушные к чужеземцам. Ремесло их заключается в изготовлении вооружения, как кольчуга (*дир*) и панцири (*джавашин*), и другие виды вооружения⁶.

⁶ Сведения о Шиназе в более сокращенной форме повторяет автор XV в. ал-Бакуви (*Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. Китаб талхис ал-асар ва-л-аджанб ал-малик ал-каххар.— Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения З. М. Бунятова. М., 1971, с. 107).

Захур — большой город, населенный в шести переходах (*мар-хала*) от Джанзы [Ганджи]. Он — главный город (*касаба*) страны Лакзан⁷. Холод в нем очень силен. Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский, что вода города — из реки, называемой Самур. Она находится в замерзшем состоянии зимой и летом. Они ломают лед и черпают воду из-под него. А когда они почерпнут [воду] и пьют в кувшины, они помещают его в мешок (*гита*) из бараньей шкуры, чтобы [вода] не замерзла тотчас же. А лица их [состоят] из злака, называемого *сульт*, внешне он похож на ячмень, а качество его — качество пшеницы. У них нет торговых связей и [каких-либо] сношений [друг с другом], напротив, каждый из них сеет достаточное для него количество этого зерна и питается этим и молоком своих маленьких овец и кислым молоком их. Они носят [одежду] из шерсти этих овец. Нет [у них] начальника (*раис*), но есть у них *хатиб* (проповедник), который молится с ними, и *кади*, который разбирает споры между ними согласно учению имама аш-Шафии.

Все жители города (*мадина*) — шафииты. В городе [имеется] медресе, который основал везир Низам ал-Мулк ал-Хасан ибн Али ибн Исхак, при медресе имеется учитель (*мударрис*) и *факихи*. И полагается [в качестве жалованья] каждому факиху в медресе ежемесячно один баран и определенное количество *сульта*. Рассказывают, что они перевели «Мухтасар ал-Музани» на лакзанский язык, как и «Книгу имама ал-Шафии» и занимаются ими обеими.

* * *

Как мы видим, Закарийя ал-Казвини дает многочисленные и довольно подробные сведения о Дагестане, о его хозяйстве и культуре, городах и других населенных пунктах, о религиозных представлениях. Хронологически охвачен огромный период — от VI века (деятельность Ануширвана по строительству дербентских стен) до XIII в. (описание Цахура и Шиназа).

Тематика также обширна — Хазарское море, продукты, производящиеся в нем, острова этого моря, население, живущее вокруг моря; Баб ал-абваб, строительство дербентских стен, строительная техника, городские ворота, деятельность крупного омейядского полководца Масламы ибн Абдалмалика по распространению ислама, религиозные представления жителей окрестностей Баб ал-абваба; хазары, различные их категории (синф), описание жилищ, степень распространности монотенистических религий; описание Цахура, его хозяйства, деятельности в медресе; описание Шиназа, ремесленного производства в нем; Зирихгеран, ремесленники в нем, религиозные обряды, успешная борьба жителей Зирихгерана против войск правителей Дербента и Ширвана и т. д.

⁷ В. В. Бартольд слово «касаба» переводит как *главный город*. См.: Бартольд В. В. — Сочинения. М., 1965, т. III, с. 531; Дорн В. А. (с. 567) также переводит «касаба» словом *Hauptstadt*, но после «Лакзан» уточняет: «лезгины».

Основным источником при описании Восточного Кавказа служил письменный материал, однако в ряде случаев автор прибегал и к личному опросу осведомителей, как это было при описании Цахура («Рассказал мне факих Юсуф ибн Мухаммад Ганджинский...»). Последнее обстоятельство при изучении истории средневекового Дагестана по данным Закарийи ал-Казвини имеет огромное значение, ибо в распоряжение исследователей предоставлен не только ценный, но и единственный в своем роде материал. Если сведения, почерпнутые ал-Казвини из письменных источников, почти поголовно известны нам из сообщений предыдущих авторов, то описание Цахура и Шиназа уникальны.

Когда речь идет об описании Хазарского моря, горы Кабк, Баб ал-абваба, Зирихгерана, нетрудно установить, сведения каких авторов использовал Закарийа ал-Казвини, хотя он это не всегда оговаривает. Наиболее полно, иногда слово в слово, использовано сочинение знаменитого историка и путешественника Абу Хамида ал-Гарнати ал-Андалуси (1080—1170)⁸. У него заимствованы сведения о «достопримечательностях» Хазарского моря, о «горе из черной глины», об «острове змей», «острове духов»⁹, о зирихгеранах, славившихся производством ремесленных изделий, об обряде, связанном с земледельческим культом¹⁰. Имя Абу Хамида ал-Гарнати упоминается здесь неоднократно. Дополнений по сравнению с Абу Хамидом Закарийа ал-Казвини дает мало. В частности, после описания зороастрийского похоронного обряда жителей двух сел зирихгеранов и безуспешного похода дербентского эмира на эти селения, Закарийа ал-Казвини вводит текст, неизвестный ал-Гарнати:

«Рассказывают, что владелец Ширвана, — а он был могущественным царем (*малик*), сильным и мощным, — пошел однажды на них, сильно желая [подчинить] их, но его постигло то же, что и дербендцев. Вследствие этого цари воздерживались от походов на них (т. е. зирихгеранов)».

Интересное дополнение внесено и в сообщение о записях на мешках с костями умерших. Ал-Гарнати пишет: «Это не что иное, как колдовство этих самых людей, которые вынимают кости мертвецов и кладут их в мешки, богатых и знатных — в мешки из золотой румийской парчи, а рабов и невольниц — в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем»¹¹.

Закарийа ал-Казвини же вносит некоторые новые подробности, а в ряде случаев отказывается от некоторых подробностей, изложенных в тексте ал-Гарнати: «Кости клалась в мешок; если [умерший] был из богатых, то в мешок из парчи, а если из бедных — в мешок из небеленой ткани. Затем на этом мешке писали имя

⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта, М., 1971.

⁹ Там же, с. 23—24.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 51.

покойного, имя его отца, дату рождения и время его смерти. Мешок вешали в тех помещениях».

В. В. Бартольд справедливо отметил, что некоторые подробности, введенные ал-Казвини, «не дают права утверждать, что Казвини пользовался кроме ал-Гарнати еще другими источниками»¹², однако характер изменения свидетельствует о том, что они не носили механического характера: нет упоминаний о румийской парче, о рабах и рабынях; вместо одного имени, записываемого ранее на мешке, упоминается имя покойного, его отца, дата рождения, время смерти — может быть под влиянием определенного трафарета, сложившегося, в частности, в Дагестане в эпитафиях на камне.

У ал-Гарнати заимствованы также сведения, взятые им, в свою очередь, у более ранних авторов, но также без ссылки на источник.

Что касается остальных сообщений о Дагестане (исключая сведения о Шиназе и Цахуре), то все они основаны на данных арабских историков и географов IX—X вв. В частности, описание Хазарского моря — это почти точное повторение сообщений ал-Истахри (писал ок. 951 г.)¹³; данные же о Салламе Тарджумане («Переводчик»), после халифа Васика Биллаха и о стене Йаджудж и Маджудж заимствованы у Ибн Хордадбеха; о башнях в стене Дербента и о мечети в каждой башне — впервые встречаем у Мукаддаси¹⁴; сведения о деятельности Ануширвана и о мире с царем хазар подробно даны у ал-Белазури (уп. 892)¹⁵, точное определение длины дербентских стен, то есть так называемой Горной стены (7 фарсахов) находим у ал-Масуди¹⁶.

Таким образом, основная сумма сведений о Дагестане заимствована у представителей арабской исторической и географической литературы IX—X вв.

Теперь обратимся к данным о двух дагестанских селениях. Как уже отмечалось, данные эти относятся ко времени написания сочинения Закарийи ал-Казвини, то есть к XIII в. У последующих авторов мы не встречаем подобного рода данных. На ценность сведений о Цахуре уже давно обратил внимание А. Н. Генко, давший также перевод отрывка о Цахуре¹⁷. А. Н. Генко первый определил, что арабское слово «Захур» — это не что иное как

¹² Бартольд В. В. Еще о самаркандских оссуариях.— Сочинения. М., 1966, т. IV, с. 122.

¹³ *Viae regnorum. Descriptio dittonis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri.* Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, I, с. 217—219.

¹⁴ *Descriptio imperii moslemici auctore Schamsod-din Abu Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn abi Bekr... al-Mokaddasi.* Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877. — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, III, с. 376.

¹⁵ Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод. /Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 6—7.

¹⁶ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 190 (приложение III: Масуди о Кавказе).

¹⁷ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение.— Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.; Л., 1941, с. 96.

название селения Цахур¹⁸, и привлек к изучению текста и другие исторические данные о селении Цахур.

Мы остановимся лишь на тех сторонах сообщений о Цахуре, на которые раньше не обращалось внимания.

Цахур назван столицей страны *Лакзан*. У арабских авторов IX—X вв. столица Лакза не упоминается, но под Лакзом понималась территория Южного Дагестана, населенная, в основном, лезгинами и другими представителями лезгинской группы языков, кроме табасаранцев¹⁹. Исторически основную территорию Лакза составляла юго-восточная часть Дагестана. «История Ширвана и Дербенда», написанная в начале XII в., сообщает о Западном и Восточном Лакзе²⁰, то есть, возможно о двух уже самостоятельных государственных единицах. Возможно, под *Лакзан* у ал-Казвини и понимается Западный Лакз (Цахур расположен в юго-западной части Дагестана). То, что Цахур назван уже столицей Лакзана, говорит о быстром росте значения этого селения. Кстати, нужно заметить, что А. Н. Генко слово *Лакзан* перевел как *лезгин*, что не совсем точно, ибо тогда необходимо было бы отнести сведения к юго-восточному Дагестану. В таком случае слово «Лакзан» лучше оставить в неизменном виде. Обращает внимание то обстоятельство, что Закарийя ал-Казвини сохраняет арабскую форму названия Дербента (Баб ал-абваб), а Лакз передан в персидской форме (Лакзан). Кстати, Абу Хамид ал-Гарнати дает иногда обе формы — арабскую и персидскую: «Описание Баб ал-абваба (а это город Дербенд)»²¹.

Высказывание Закарийи ал-Казвини о жителях Цахура, будто «у них нет торговых связей и [каких-либо] сношений [друг с другом]» дает повод говорить о полном отсутствии связей с соседними народами. Археологический материал, который опровергал бы это предположение, отсутствует, так как в археологическом отношении эта область еще не изучалась. Письменные источники, свидетельствующие о регулярных контактах с соседями, относятся к более позднему времени. Этнографический и языковой материал зафиксировал древние контакты с грузинами и азербайджанцами, но хронологически эти контакты не уточнены. Нам кажется, сам текст ал-Казвини опровергает высказывание об отсутствии связей с соседями. Слова автора о том, что Цахур расположен «в шести переходах (мархала) от Джанзы (Ганджи)», уже могут быть свидетельством контактов, ибо количество переходов определяется при уже устоявшихся, регулярных маршрутах.

Особую ценность представляют слова Закарийи ал-Казвини о переводе двух книг на «лакзанский язык» (А. Н. Генко перевел как «лезгинский язык», но будет точнее, если сохранить «лакзанский язык», понимая под ним скорее всего цахурский язык). Пере-

¹⁸ Ныне это селение Рутульского р-на ДАССР, населено цахурами.

¹⁹ История Дагестана, т. I. М., 1967, с. 121—131.

²⁰ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 63.

²¹ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати, с. 24.

вод двух книг на местный язык — важное событие в культурной жизни Лакзана, хотя речь и идет о переводе религиозных книг. Можно даже предположить, что в этой части существовали определенные традиции. Если же к этому присовокупить сообщение ал-Гарнати о занятиях на мешках в селениях зирихгеранов, то в распоряжении исследователей имеются уже ценные данные о письменности на местных языках, хотя материально они еще не подтверждены.

«Каждый из них сеет достаточное для него количество этого зерна и питается этим...» Это предложение может быть понято в том смысле, что каждый из жителей селения имел свой участок обрабатываемой земли, скорее всего на правах отчуждаемой земельной собственности, мулка. Если верно сообщение о том, что нет у жителей селения правителя (*раиса*), то в таком случае речь идет о свободной крестьянской общине. Таким образом, сообщение ал-Казвини является также ценным источником для изучения земельных отношений.

Что касается сообщения о Шинназе, то оно уже привлекалось в научной литературе²², но мы до сих пор не имеем полного перевода. До сих пор остается неясным вопрос: как это случилось, что жители Шинназа, изготовлявшие в XIII в. «кольчуги, панцири и другие виды вооружения», в последующем оставили это ремесло и со временем совершенно забыли о нем. Нет ясности и в вопросе о том, когда именно этот вид ремесленной деятельности жителей селения пришел в упадок.

Теперь несколько слов о медресе в Цахуре. Знаменитый везир сельджуковских правителей Низам ал-Мулк, который упомянут в тексте ал-Казвини, жил в XI в. (ум. в 1092 г.). Значит, строительство медресе можно отнести к последней трети XI в. Стало быть, ко времени Закарии ал-Казвини (ум. в 1283 г.) медресе имело уже более чем полуторавековую историю, а селение Цахур существовало еще в XI в.

Особого внимания и комментария требует текст об отсутствии в Цахуре представителей гражданской власти: «нет [у них] начальника (*раиса*), но есть проповедник (*хатиб*), который молится вместе с ними и кади, который разбирает споры между ними согласно учению аш-Шафии».

Чтобы точнее понять смысл этого отрывка, следует обратиться к сообщениям памятников эпиграфики. Наиболее раннее упоминание представителей местной власти в Цахуре относится к 1278 г. — это надпись в стене мечети, дошедшая до нас в неточном переводе Н. Г. Вучетича: «...мечеть эту с минаретом основал... Сафи Кадырбек оглы по приказанию Хадиджата Магомет-кизы... в 677 г. магометанского летоисчисления. Мастера: Харус и Гасан... Это есть

²² Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 47—48.

время основания Цахура по уничтожению селения Хиц Исми — шамхалом»²³.

677 г. хиджры соответствует 1278 г. Это единственная надпись XIII в. из Цахура, где упоминается термин *бек*. «Сафи Кадыр-бек оглы» (скорее всего — Сейф, сын Кидир-бека), был, очевидно, представителем правящей фамилии (имена мастеров-строителей же упомянуты отдельно). Совсем не вяжется со сложившимися в Дагестане трафаретами строительной эпиграфики фраза: «по приказанию Хадиджата Магомед кизы», т. е. Хадиджи, дочери Мухаммада. Можно предположить, что соответствующее место следовало бы прочитать следующим образом: «Эту мечеть с минаретом воздвигли... Сейф, сын Кидир-бека, и его жена Хадиджа, дочь Мухаммада...», имея ввиду, что слова *ва имраатуху* были поняты как *би-амри*. Для сравнения можно привлечь текст 1302 г. из Цахура: «Построили это здание Аблагар, сын Атабека, и его жена Хумри, дочь Мухаммада». Или же текст 1365 г. из того же селения: «Строитель этой мечети и этого минарета паломник обеих святынь Хаджи Дауд б. Ридван и его жена Айша, дочь Мухаммада»²⁴, а также текст 1422 г.: «...Восстановили этот минарет Сейф, сын Чакуна, и его жена Мухангар, дочь Ибрахима».

Мы видим, что термин *бек* в Цахуре был известен еще в 1278 г., но нет еще уверенных данных о том, что в это время беки правили именно в Цахуре (в надписях речь идет о сыновьях беков, строивших здесь здания). Некоторую ясность в этот вопрос может внести надпись из соседнего Цахуру селения Мишлеп, обнаруженную нами в 1985 г. Она сохранилась внутри мечети, в стене, справа от входа, нанесена врезным текстом на речной камень (99 × 15—29 см) почерком насх, с некоторыми элементами куфи, особенно в начертаниях букв «син» и «алиф». Ниже дается перевод основного содержания надписи: «...Восстановили эту мечеть эмир Махмуд, сын эмира Сейфа, сына эмира Чакуна, и жена Махмуда по имени Мумин, дочь эмира Кидир-бека... Это здание построили Ахмад, ныне Хиягский, Хусейн, сын Мухаммада и Исмаил, сын Хусейна Цахурский (вар.: Цахурские)... Дата — шестьсот сорок восьмой год». 648 г. хиджры начался 5 апреля 1250 г.

Эта надпись старше упомянутой выше цахурской примерно на тридцать лет. В Мишлеше представителями власти выступают *эмиры*, причем, как мы видим, этот титул или эта должность передается по наследству. Что касается эмира Кидир-бека, отца Мумин, то, очевидно, он жил в Цахуре. Здесь необходимо привести еще одно сообщение: надпись из Цахура рассказывает о гибели Чакуна, сына Кидир (вар.: Кадир)-бека²⁵. Очевидно, беки жили и в Цахуре. В таком случае невыясненным остается еще вопрос о взаимоотношении терминов *эмир* и *бек*, а также о роли *кади*

²³ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках /Тексты, переводы, комментарии, введение и примечания Л. И. Лаврова. М., 1966, ч. I, с. 85.

²⁴ Там же, с. 115, 119.

²⁵ Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 209.

в системе управления этих селений. Можно только поставить вопрос о теократическом характере власти в Цахуре, но это только предположение.

Мы дали перевод текста ал-Казвини и коснулись только некоторых вопросов, связанных с сообщением этого известного арабского автора. Важность и ценность этих сведений требует их более углубленного, более обстоятельного разбора. В частности, речь идет о тех данных, которые проливают свет на многие вопросы истории и культуры средневекового Дагестана.

Т. М. Айтберов

ДВА КАЙТАГСКИХ ДОКУМЕНТА XV—XVI вв.

Акты, то есть «документы, в которых... зафиксированы экономические и политические сделки, договоры»¹, являются ценным источником по истории средневекового Дагестана. В данном сообщении мы остановимся на двух таких документах, несущих ценную информацию о Кайтаге XV—XVI вв.

Первый дошел в копии конца XIX—начала XX в. Представляя собой как бы закономерное продолжение «Истории Маза»² (точнее, сокращенного переложения части названного сочинения, сохранившегося еще в одном полном, более старом списке), данный документ записан на листе словаря «Сахах» Исмаила ал-Джавхари (рукопись XV—XVI вв.), хранящегося в мечети сел. Уркарах.

Дадим перевод названного документа, выступающего в качестве якобы закономерного продолжения «Истории Маза», которое повествует о жизни лезгинского сел. Маза, расположенного далеко от Кайтага.

«...они собрались после того, поговорили и посовещались между собой из-за джизьи, гор, садов (бустан), соляных колодцев и прочего.

Затем джизья была наложена в каждом месте на того, на кого она уже была наложена.

На Хабши, Уркарак, Ирчамул и Кайтак джизья не была наложена, и их уголья (макан) — горы, колодцы и сады не были взяты. Харадж размером даже в пылинку на них [возложен] не был, потому что они — головы вилаята.

Свидетели этих действий и слов: Хаджи-Мухаммад сын Ахмада аз-Зирих карани, Хаджи-Ахмад сын 'Аля-ал-Ирчамули, Сулайман сын Хаджи-Усмана ал-Кайтаки, Мухаммад ал-Баршли, Хаджи-Ахмад сын Нур-Мухаммада Кал'акурайши.

Записавший эти слова — кадий Кал'акурайша.

Сокровенное знает только Аллах!»

Приведенный текст наличием списка вполне реальных свидетелей далек от повествовательного источника вообще, а тем более от «Истории Маза» с ее претендующим на высокопарность стилем.

¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970, с. 9.

² Источник этот в государственных хранилищах отсутствует.

Вместе с тем он производит впечатление акта, искусственно лишенного при копировании начальной части своего формуляра. Было это сделано, по нашему мнению, с целью крепче увязать акт с «Историей Маза», в которой, как полагал (несомненно, однако, ошибаясь при этом) компилятор, излагаются события, находящие свое развитие в акте.

Доступная нам часть акта не датирована. Если рассматривать ее в свете «Истории Маза», с которой она увязана, то можно прийти к мысли, что в акте описаны события либо XI в., либо середины — второй половины XIV в. Учитывая, однако, что связь между вышеприведенным актом и «Историей Маза» является чисто искусственной, надуманной, следует — для датировки акта — пойти иным путем. Представляется, что прежде всего нужно решить: что же говорится в тексте акта? Опираясь на источник и привлекая отдельные ранее известные факты из истории Кайтага, мы полагаем, что в акте говорится о воссоздании Кайтагского государства. Дело в том, что существовавшее в VII—начале XIII в. в бассейне р. Уллучай Кайтагское княжество было как форма государственности ликвидировано татаро-монголами, хотя кайтагский этнос и сохранился³. После исчезновения татаро-монгольской власти на землях к югу от р. Сулак, имевшего место вскоре после 1396 г., перед населением центральной части восточного Дагестана, где теперь возник вакуум власти, встала задача создать организацию, которая бы обеспечила условия для мирного развития территории и сохранения классовых интересов местных верхов. Этот момент и зафиксирован, как представляется, в разбираемом акте, который, соответственно своему содержанию, будет называться ниже «Актом о воссоздании Кайтагского государства» и идти под номером I.

Встает теперь вопрос о верхнем пределе для времени этого воссоздания. Здесь нужно отметить прежде всего то, что данное явление имело место, согласно «Завещанию Андуника»⁴ и сообщениям Афанасия Никитина, не позднее 1466 г.⁵ В данной связи упомянем также и то, что в поэме, посвященной ширваншаху Халиуллаху (1417—1462), сказано: «Ты взял крепость уцуми (правителя Кайтага. — Т. А.)... слух о той победе дошел до крепости Сатурна»⁶. С другой стороны — дагестанские исторические сочинения («История Маза» и ее производные) и родословная кайтагского уцмий Рустам-хана (1616—1645)⁷ позволяют думать, что

³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Вып. II. М.; Л., 1941, с. 119, 124, 175, 187; Бартольд В. В. К вопросу о происхождении кайтаков. — Соч. М., 1968, т. 5, с. 372.

⁴ Айтберов Т. Материалы по истории Дагестана XV—XVII вв. — В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 83, 84, 87.

⁵ Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1958, с. 12.

⁶ Бадр Ширвани. Диван. /Подг. текста А. Г. Рагимова. М., 1985, с. 87. *Илл. перс. яз.*

⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868, т. II, с. 1072—1073; История Маза. Хранится в личном архиве М. Магомедгаджиева (г. Махачкала). Готовится к публикации.

первым правителем Кайтага на княжеских правах был в послемонгольскую эпоху предок Рустам-хана по имени Чупан, сын эмира Мухаммада, живший в первой половине XV в. Вместе с тем, однако, из «Акта о воссоздании» не видно, что по мысли его составителей во главе нового Кайтагского государства должен стоять князь; напротив, данное политическое образование производит впечатление организма, задуманного в форме республики. Из сказанного вытекает, в свою очередь, то, что «Акт о воссоздании» датировать следует временем до утверждения в Кайтаге князя Чупана, то есть примерно началом первой половины XV в.

В тексте акта № 1 прямо сказано, что он — как, впрочем, и ниже приводимый акт № 2 — написан рукой кадия сел. Каракорейш. Это, видимо, не случайность, ибо каракорейшская мечеть традиционно пользовалась особым почтением со стороны обитателей центральной части восточного Дагестана⁸.

Теперь перейдем ко второму документу, ставшему доступным нам также лишь в поздней копии — судя по бумаге и почерку, он датируется второй половиной XIX в., — который включен в рукописный сборник различных, в том числе и исторических материалов. Сборник этот, хранящийся ныне в Рук. фонде ИИЯЛ (ф. 14, № 2504), доставлен туда из сел. Дзилебки экспедицией сектора востоковедения под руководством Х. А. Омарова, который и сообщил нам о существовании разбираемого документа. Вот его перевод.

«Собралась затем к 'Антара а [вся] страна (нахийя) — большие люди, кадии и юноши страны Кайтак. Посовещались они и пришли относительно своего эмира к соглашению: перевести его в город Баршли. Жители же города Баршли приняли перевод эмира^б и посадили его в городе Баршли. Жители Баршли отдали ему равнину от нижней части [земель] и треть штрафов (фидйа). Они успокоили его и обласкали этим. Затем через месяц к нему были призваны кадии, большие люди и юноши страны *для совещания^в, и заключили они соглашение относительно уже их. Эмир^г стал доволен ими.

Эмир отдал: гору Варха — Зирихгерану, гору Мурхила мурад и Кабала бах — [жителям] Каба и Хабши, три части [ее жителям] Каба и одну часть Хабши; гору Каба — всему [обществу] Каба; место, где сады — Хайдаку вместе

⁸ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архивные материалы. /Сост., пред., прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965, с. 20, 35.

^а Далее на этой же строке имеется пояснение: «название местности».

^б В тексте: «его».

^в Можно иначе: в соответствии с [предыдущим] совещанием».

^г В тексте: «Он».

^д Можно иначе: «муза», что означает в переводе с даргинского «возвышенность».

с Ирчамулом; соляные колодцы — Ирчамулу. Горы самых верховьев остались *общими (мусавийа) для е [жителей] Хабши, Каба и Зирихгерана.

Их эмир надел одежды на этих кадиев и больших людей.

Свидетели этому: Мухаммад ал-Хайдаки, Амир-хан ал-Ирчамули, Халаф ал-Уркараки и Адам сын Яхьи ал-Мулибки.

Аллах — лучший свидетель.

Написал кадий селения Кал'акурайш при помощи Аллаха — всезнающего владыки.

Переписал Ш'абан из книги Хасап-бека ал-Картали.

Из текста приведенной записи видно, что по своей структуре и наличию списка вполне реальных свидетелей ее следует считать актом, который, однако, при копировании, возможно, был лишен начальной части (басмалы?) своего формуляра. Содержание этого акта довольно ясное — переселение уцмий, точнее уцмиев, из гор в предгорье, то есть с территории нынешнего Дахадаевского района в сел. Башлы. Названное событие уже давно известно исторической науке, правда, на основании лишь устных преданий, записанных в начале XX в. Русские документы XVII в., материалы А. Бакиханова и данные турецких источников свидетельствуют при этом, что переселение уцмиев произошло ранее XVII в.⁹ Следовательно, нет оснований думать, что дата 1272/1862—63 год, которая стоит в конце акта № 2 — условно мы будем называть его ниже «Актом о переселении уцмий в Башлы» — указывает на время его составления. Указанным 1272 годом хиджры датируется, несомненно, список «Акта о переселении» — либо наличный, либо тот, к которому восходит последний.

Обращаясь теперь к вопросу датировки события, зафиксированного в «Акте о переселении», обратим внимание прежде всего на то, что согласно акту № 2 в нижней части уцмийства нет еще терекемейцев; по сообщению А. Бакиханова, находящему себе подтверждение в независимых русских источниках XVII в., терекемейцы появились на территории Кайтага при Султан-Ахмеде, который скончался в 996/1587—88 г.¹⁰ В данной связи укажем, что согласно турецким источникам к 1579 г. резиденция уцмиев была в Баш-

⁹ Букв. «равными между».

⁹ Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в. /Сост., пред. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1969, с. 183, 220; Магомедов Р. М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961, с. 96, 97, 129; Бакиханов А. Гюлистан Ирам. Баку, 1926, с. 99, 100; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 125; Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981, с. 168.

¹⁰ Бакиханов А. Указ. соч., с. 88, 89; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией /Под. ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1898, т. III, с. 486.

лы¹¹. Названные моменты позволяют думать, что акт № 2 следует датировать примерно серединой XVI в.

Завершая источниковедческий анализ кайтагских по происхождению актов XV—XVI вв., укажем, что приводимый в них перечень общин, составлявших Кайтагское государство послемонгольского времени, находит прямое подтверждение в независимых российских источниках XVIII—начала XX в.¹²

Выскажем теперь несколько замечаний исторического порядка, вытекающих, как представляется, из выше приведенных актов.

1. Кайтаг послемонгольского времени, в отличие от Кайтага VII—начала XIII вв., не был «номовым» — охватывающим лишь один геоморфологический замкнутый микрорегион — государством.

2. Кайтагское государство XV—XVI вв. было создано не в результате исламского похода газиев во главе с предками уцмий, — как о том говорит местная традиция, проникшая и в научную литературу — а как союз ряда общин.

3. Сплачивающее страну привилегированное ядро послемонгольского Кайтага состояло из четырех крупных общин, чем названное государство и отличалось, например, от Аварии, где ядром служила лишь одна мощная община.

4. Для свободных кайтагцев XV—XVI вв. уцмьи были всего лишь магистратами священного происхождения, получившими земли и повинности на время.

5. Многочастная структура государственного ядра была одной из главных причин того, что уцмьи не смогли подмять под себя узденей и были в конце концов вынуждены выселиться из гор.

¹¹ Эфендиев О. Указ. соч., с. 168.

¹² История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. /Под. ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, с. 131—134; Феодальные отношения..., с. 182, 183, 220; Памятники обычного права, с. 16—24, 33—39.

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕОЛОГИИ ДАГЕСТАНА

Генеология—«вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением происхождения родов, фамилий, отдельных лиц, родственных связей, составлением родословной. Тесно связанная с геральдикой и с другими историческими дисциплинами, генеология доставляет сведения биографического характера, помогает разбираться в имущественных, социальных и политических отношениях»¹. Аналогично охарактеризована генеология и в Большой Советской Энциклопедии². Однако эти определения далеко не полны. Неполнота их, по мнению А. В. Елпатьевского, состоит в том, что семейно-родственные отношения в качестве предмета генеологии берутся сами по себе, в то время как главное — рассмотрение семейно-родственных отношений в их социально-историческом контексте. «Для этого генеологию и ее проблематику следует рассматривать не только как чисто прикладную дисциплину..., а представлять ее как дисциплину историческую по самой своей сути, данные которой являются необходимым элементом раскрытия исторического процесса»³.

По мнению же М. Е. Бычковой, это определение не учитывает задачи генеологии при исследовании проблем средневековья. И тем самым оно сужает научное значение генеологии. Генеология, пишет М. Е. Бычкова, является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей родственные связи между отдельными лицами и историю семей различного социального происхождения⁴. Однако отсутствие ясного определения и продолжающиеся споры вокруг этого вопроса нас не должны смущать.

В свое время Ф. Энгельс отмечал: «Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность». Однако для обычного употребления такие дефиниции очень удобны, а подчас без них трудно обойтись; повредить же они не могут, пока мы не забываем их неизбежных недостатков⁵. В связи с постановкой

¹ СИЭ, т. 4, с. 190.

² БСЭ, т. 6, с. 217.

³ Елпатьевский А. В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеологических исследований. — Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 75.

⁴ Бычкова М. Е. Генеология в советской исторической литературе.— Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VII. Л., 1976, с. 47.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 84.

вопроса о генеологических изысканиях следует особо подчеркнуть, что основополагающее открытие марксизма о народных массах как подлинном творце истории не исключает, а предполагает изучение жизни и деятельности отдельных личностей⁶. «Идея исторической необходимости,— подчеркивает В. И. Ленин,— ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех?»⁷.

Установлено, что генеология в своем развитии прошла два основных этапа. Возникнув как практическая отрасль знаний, назначение которой утилитарно, генеология России со временем превратилась в вспомогательную историческую дисциплину⁸. Таков же путь развития генеологии Кавказа. Известно, что практика составления родословий на Северо-Восточном Кавказе восходит к глубокой древности. Уже средневековые хроники Дагестана, такие как «Тарих Дагестан», «Дербент-Наме», «История происхождения рода уцмиев» и другие эпиграфические и иные памятники, содержали интересные генеологические сведения. Следует при этом подчеркнуть, что научная значимость дошедших до нас генеологических таблиц не очень высока, поскольку многие составители родословий с целью показать величие того или иного правителя возводили их происхождение к родственникам пророка или арабских халифов и их наместников на Кавказе. Однако попытки господствующих сословий Дагестана возводить свои роды к мекканским курайшам, хашимитам или сеидам не имеют под собой реальной почвы. Можно сказать, что в какой-то мере отвечающих научным требованиям несколько родословных таблиц правителей Дагестана было составлено русскими кавказоведами в XIX веке. В довоенное время историки не проводили генеологических исследований. Отчасти это объясняется тем, что в поле зрения историков находилось изучение не столько истории самих людей, сколько процессов, творимых ими. Другая причина забвения генеологии состояла в том, что она в дореволюционные годы скомпрометировала себя пристрастием к изучению дворянских родословий, интерес к которым утратил значение прежде всего в практическом отношении⁹.

В последнее время в корне изменилось отношение историков, в том числе кавказоведов, к генеологии как вспомогательной исторической дисциплине. Достаточно сказать, что в центре и на местах, помимо цитированных нами работ, издан ряд монографических исследований и проблемных статей, посвященных генеоло-

⁶ См.: Там же, т. 3, с. 440; т. 27, с. 402—403.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 159.

⁸ Аксенов А. И. Очерк истории генеологии в России.— В кн.: История и генеология. М., 1977, с. 58.

⁹ История и генеология. М., 1977, с. 3.

гическим изысканиям¹⁰. Опубликован также ряд материалов, подготовленных к печати дагестановедами. Не останавливаясь на их характеристике, укажем, что вместе с усилением работы в этом направлении нам просто необходимо как бы возродить тесно связанный с генеологией жанр исторической биографии. Необходимо также, кроме жизнеописаний исторических личностей, исследовать важнейшие процессы социально-политической жизни региона. Люди, как известно, являются, одновременно и субъектом, и объектом истории. Творя историю, как справедливо отмечает проф. Н. И. Павленко, они в то же время испытывают на себе ее непосредственное воздействие. Жизнь властно вторглась в судьбу рода, определяя его взлеты и падения. Устойчивое положение рода в социально-экономической и политической структуре общества свидетельствует об устойчивости социальных, экономических и политических сил, которые он представляет. Напротив, новые условия вызывают в истории родов глубокие изменения, состоящие в полной или частичной утрате связей с привычной социальной средой¹¹.

Дагестановедам, как и всем советским историкам, в центр генеологических изысканий необходимо поставить исследование трудящихся классов, крестьянства и рабочего класса, что в значительной мере будет способствовать более глубокому пониманию хозяйственной и трудовой деятельности большинства населения региона, уровня социально-экономического развития общества. Очень важны исследования генеологических аспектов для изучения дореволюционной интеллигенции Дагестана. Исследования в этом плане отдельных семей, особенно выдающихся деятелей науки, культуры, классиков литературы, во многом помогут в изучении и развитии культуры, науки, общественно-политической мысли, воочию покажут прогрессивные процессы, происходящие в литературной жизни Страны гор. Несомненный вклад в историческую науку могут внести генеологические исследования об участниках самоотверженной борьбы народов Дагестана с многочисленными иноземными захватчиками. К счастью, история сохранила имена целого ряда активных участников борьбы народа с монголо-татарами, сефевидами, кровавым Надир-шахом и другими агрессорами. Естественно, что их жизнеописания, к сожалению, оставленные до настоящего времени их потомками без внимания, будут содействовать более глубокому пониманию происходивших событий и содействовать патриотическому воспитанию трудящихся. До нас дошли факты о службе горцев Дагестана с начала XVII в. в гор. Терки, крепости Святой Крест, гор. Кизляре. Нам известны также фамилии участников войны России против шведов в XVIII в., русско-персидской 1825—1828 гг., русско-турецкой 1828—1829 гг., русско-турецкой 1877—1878 гг. и других войн. Из-

¹⁰ Янин В. И. Генеология и геральдика.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. III, М., 1963; Веселовский С. Б. Исследование по истории класса служебных земледельцев. М., 1969; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

¹¹ История и генеология, ... с. 3.

вестно также, что многие из участников этих и других войн были награждены высокими наградами, им были присвоены воинские звания и т. д. Само собой понятно, что жизнеописание этих героев имеет важное значение как в научно-теоретическом, так и практическом отношении. Такого рода исследования будут способствовать интернациональному воспитанию трудящихся, еще большему укреплению дружбы наших народов.

Генеологические разработки имеют неоценимое значение и при изучении важнейшей проблемы, стоящей перед советской исторической наукой Дагестана, — создании истории революционного движения и установления Советской власти в республике. Даже этот далеко не полный перечень проблем, где генеологические исследования могут оказаться серьезным подспорьем для исторической науки, не оставляет сомнения в необходимости усилить генеологические разработки в республике.

Как известно, изучение крупных и сложных проблем начинается с малого. С малого приходится начинать и нам — с подготовки, если можно так сказать, с генеологических заготовок. Ниже на суд общественности представляются составленные покойным д. и. н. Л. И. Лавровым материалы. Нужно сказать, что в свое время они были опубликованы¹², однако эта публикация давно стала библиографической редкостью. Кроме того, автор в последующие годы внес в эти материалы поправки и дополнения.

Вместе с тем укажем, что историки ИИЯЛ досоветского периода и впредь будут заниматься генеологическими разработками и по мере подготовки будут их публиковать.

В. Г. Гаджиев

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

¹² Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. М., 1966; ч. II, М., 1968.

Л. И. Лавров

ЭМИРЫ ДЕРБЕНТА

Эмиры Дербента в разное время носили титулы: малик, султан, паша, наиб и хан. До 1065 г. они управляли от имени арабских наместников Армении и Азербайджана, иногда — хазарских хаканов и ширваншахов Ширвана. С 1065 г. некоторое время находились в подчинении сельджукских султанов. В XIII—XIV вв. они признавали власть ханов Улуса Джучи и Ильханов, а также некоторых других правителей Передней Азии. В XV—XVIII вв. Дербент считался в составе Ирана, хотя в конце XVI и в начале XVII вв. он был оккупирован турками, а в начале и в конце XVIII в. его занимали русские войска. С 1806 г. Дербент окончательно вошел в состав России.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Между 786 и 809	— Наджм сын Хашима (Мунджам ас-Сулами)
869—884—85	— Хашим сын Сурака сына Салиса сына Хайдуна сына Наджма ас-Сулами
884—85—885—86	— Умар сын Хашима
885—86—916	— Мухаммад сын Хашима
916	— Абд ал-Малик сын Хашима
916	— Абу-и-Наджм сын Мухаммада
916—939	— Абд ал-Малик (вторично)
939	— Ахмад сын Абд ал-Малика
939—941	— Хайсам сын Мухаммада сына Йазид
941	— Ахмад (вторично)
941—942	— Хайсам (вторично)
942	— Ахмад сын Йазид
942—953	— Ахмад сын Абд ал-Малика (3-й раз)
953—954	— Хашрам Ахмад сын Мунаббиха, лезгинский малик
954—976	— Ахмад сын Абд ал-Малика (4-й раз)
976—997	— Маймун сын Ахмада сына Абд ал-Малика
997	— Мухаммед сын Ахмада сына Абд ал-Малика
998—1002	— Лашкари сын Маймуна
1003—1019	— Мансур сын Маймуна
1019—1021—22	— Йазид сын Ахмеда, ширваншах
1021—22—1023	— Мансур (вторично)
1023—1024	— Йазид, ширваншах (вторично)
1024—1034	— Мансур (3-й раз)
1034	— Абд ал-Малик сын Мансура
1035	— Мансур сын Мусаддида, везир ширваншаха

- 1035—1043 — Абд ал-Малик сын Мансура (вторично)
1043—1054 — Мансур сын Абд ал-Малика
1054—1055 — Лашкари сын Абд ал-Малика
1055—1066 — Мансур сын Абд ал-Малика (вторично)
1065 — Абд ал-Малик сын Лашкари
1065—1068 — Аглаб сын Али, сельджукский наместник
1068 — Абд ал-Малик сын Лашкари (вторично)
1068—1071 — Афридун сын ширваншаха Фарибурза
1071—1075 — Абд ал-Малик сын Лашкари (3-й раз)
1075—1076 — Маймун сын Мансура сына Абд ал-Малика¹
Между 1130 и 1150 — Сайф ад-Дян Мухаммад сын Халифа ас-Су-
лами²
1154 — Абу-л-Музаффар³
1160—1164 — Музаффар сын Мухаммада сына Халифа
Между 1170 и нач. XIII — Бек-Барс сын Музаффара
Нач. XIII — Абд ал-Малик сын Бек-Барса
1222 — Рашид (?)
1227 — ал-Асад, регент⁴
1301 — Хаджжи Амир сын Хаджжи Тавакли⁵
1368—69 — Африбуруз сын Тахмураза⁶
1411—1429—30 — Исфандийар (сын Кара-Иусуфа?)⁷
1454 — Мазид сын Амир ад-Дина⁸
по 1462 — Исфандийар сын Хамза-аги⁹
1466 — Булат-бек¹⁰
по 1534 — Музаффар-султан
1532—33—1548 — Алкас-мирза, брат шаха Тахмасба¹¹
1579—1585 — Усман-паша сын Уздемира, черкес, турецкий
наместник¹²
по 1606 — «Газир-Гасан»
1607 — Камбар-бек Салахдар-баши¹³
1614 — Мухаммад-Хусайн-султан¹⁴
1618—1621 — Бархудар-султан¹⁵
1623 — Ютем салтан¹⁶
1626—27 — Кара-хан-бек Сувазлу сын Пулад-бека¹⁷
1629—1631 — Фаррух-султан¹⁸
1636—1637 — Шах-Верди-султан¹⁹
1641—1642 — Байрам (Бахрам?)-султан²⁰
1653—1654 — Байазид-султан сын Бахрам-султана²¹
по 1672—73 — Чраг-хан²²
1687 — Исхак-султан²³
по 1721 — Ахмад-хан-султан²⁴
1722—1728 — Имам-Кули-бек, наиб, русский наместник²⁵
1728—1735 — Мухаммад-Хусайн сын Имам-Кули-бека, наиб,
с 1730 г. хан²⁶
1735—1736—37 — Мурад-Али-султан Устаджанлу²⁷
с 1736—37 — Наджаф-султан Курчурлу²⁸
1741—1743 — Мухаммад-Али-хан Караклу²⁹
1743—1747 — «Гани-хан»³⁰
1747—1765 — Мухаммад-Хусайн-хан (вторично)³¹

1765—1789	— Фатх-Али-хан сын Хусайн-Али-хана ³²
1789—1790	— Ахмад-хан сын Фатх-Али-хана ³³
1790—1796	— Шайх-Али-хан сын Фатх-Али-хана ³⁴
1796	— Пари-Джахан-ханум, дочь Фатх-Али-хана ³⁵
1796—1797	— Хасан-Али сын Фатх-Али-хана ³⁶
1797—1800	— Шайх-Али-хан (вторично) ³⁷
1800—1803	— Хасан-Али-хан (вторично) ³⁸
1803—1806	— Шайх-Али-хан (3-й раз) ³⁹

ИСТОЧНИКИ:

1. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, с. 64—79, 98.
2. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта, М., 1971, с. 50.
3. Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 223.
4. Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. Известия АзГНИИ. Историко-этнографическое и археологическое отделение, т. I, вып. 2, Баку, 1930, с. 3, 10; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 184—187.
5. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I, надпись 276.
6. Там же, надпись 289; Немцова М. Х. 1954 чу ил Дэрбэнд сэфэри аггында илк мэ лумат. «Доклады АН Азерб. ССР», т. XI, 1955, № 11, с. 735—737.
7. Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 187; Немцова М. Х. Ширванын XIV—XVI эрлэр тарихинин рэнилмэсинэ аир, Баку, 1959, с. 76—78; Лавров Л. И. Указ. соч., ч. I, надпись 341; Хасанбек Румлу. Таварих. Техран, 1349, с. 199—200. На перс. яз. Последний источник подсказал Т. М. Айтберов.
8. Немцова М. Х. Ширванын XIV—XVI эрлэр..., с. 84, 85; Лавров Л. И. Указ. соч., ч. I, надпись 355.
9. Khanikoff N. Memoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase, Paris, p. 76—80; Лавров Л. И. Указ. соч. ч. I, надпись 356.
10. Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.; Л., 1948, с. 36.
11. Бакиханов А.-К. Гюлистан-ирам. — Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 4. Баку, 1926, с. 78, 80; Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Перевод с армянского Е. И. Васильевой, т. II. М., 1976, с. 180, 182, 188, 189, 192—196, 198.
12. Эвлия Челеби. Сияхат-намести. Истамбул, 1314, т. II, с. 2080. На турец. яз. Шараф-хан Шамсаддин Бидлиси. Указ. соч., с. 236—238; Аракел Даврижеси. Книга историй. Перевод с армянского Л. А. Ханларян, М., 1973, с. 466, 469.
13. Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 94.
14. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. (Труды Восточного отделения имп. Археологического общества, т. XXI). СПб., 1892, с. 333, 346, 347, 356, 378.
15. То же, т. III (Труды Восточного отделения..., т. XXII). СПб., 1898, с. 388, 397, 486, 633; Лавров Л. И. Указ. соч., ч. 2. М., 1968, надпись 383.
16. Памятники дипломатических и торговых сношений..., т. III, с. 560.
17. Немцова М. Х. Азэрба чанын эпиграфик абидэлэри (XVII—XVIII эрлэр). Баку, 1963, с. 43. Лавров Л. И. Указ. соч., ч. I, надпись 421.

18. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1842, с. 44; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в., Махачкала, 1958, с. 99.
19. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906, с. 450, 485.
20. Акты исторические..., с. 45; *Полиевктов М.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928, с. 66—70, 114.
21. Русско-дагестанские отношения, с. 190; *Немэтова М. Х.* Азербачанын эпиграфик абидэлэри, с. 22—25; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, надпись 434.
22. *Эвлия Челеби.* Сияхат-намеси. Истамбул, 1314, т. II, с. 3086. *На ту-рец. яз.*
23. Русско-дагестанские отношения, с. 214.
24. Там же, с. 242.
25. Там же, с. 259; *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, ч. 1, СПб., 1869, с. 24, 26—28, 98, 137, 249; История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные документы /Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, с. 143.
26. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 1, с. 98, 137, 138, 233, 239, 249, 250.
27. *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 119.
28. Там же.
29. Там же, с. 122; *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 1, с. 227; Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931, с. 40.
30. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 1, с. 226, 253, 514.
31. Там же, с. 233, 250; ч. 2, с. 387, *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 127.
32. *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 131; *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 1, с. 250—254; ч. 2, с. 17—32, 73—75, 115—117, 140, 141, 272—279.
33. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 2, с. 278—280, 291; *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью, изд. 2, ч. 2, с. 32; *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 2, надпись 564.
34. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 2, с. 280, 291—298, 332, 348—354, 384—391.
35. Там же, с. 276, 279, 385, 387, 407, 429, 579.
36. Там же, с. 429; *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 146.
37. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 2, с. 429, 454.
38. *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 150—152.
39. *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. 2, с. 384.

ШАМХАЛЫ КАЗИКУМУХСКИЕ И ТАРКОВСКИЕ

Появление шамхалов в Казикумухе местная традиция связывает с арабским завоеванием Дагестана и распространением в нем ислама. По данным Мас'уди, в X в.¹ у лакцев не было централизованной власти. Достоверные известия о шамхалах поступают лишь с XIV в. Резиденцией этой династии долгое время служило лакское сел. Казикумух. В дальнейшем шамхалы переселились на Кумыкскую плоскость в сел. Тарки. Это произошло постепенно в конце XVI—начале XVII вв. Вскоре после этого лакцы отложились от их суверенитета, а сами шамхалы превратились в чисто кумыкскую династию. В 1783—1786 гг. владения шамхалов окончательно вошли в состав Российской империи. В 1847 г. власть шамхалов была упразднена, и на подвластную им территорию распространилась юрисдикция царской администрации.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

XIV	— Бадр ²
1396	— Безымянный «шаукал» ³
2-я пол. XV	— Мухаммад
1500—01	— Гази-Султан сын Мухаммада ⁴
?	— Усми (?) ⁵
1-я пол. XVI	— Улахай (Улхай, А-л-х, Архи, Оркай) I
серед. XVI	— Улахай II сын Улахайя I ⁶
ум. 1566—67	— Будай I сын Умал-Мухаммада сына Усми ⁷
ум. 1571—72	— Сурхай I сын Будайя I ⁸
ум. 1574—75	— Чубан I (?) ⁹
1589—1608	— Сурхай II ¹⁰
1614—1623	— Андий сын шамхала ¹¹
1623—1635	— Илдар I сын Сурхайя II ¹²
1635—1641	— Айдемир сын Султан Махмуда Эндерийского ¹³
1641	— Сурхай III сын Али-бека ¹⁴
1642—1668	— Сурхай IV сын Гирая Тарковского ¹⁵
1668	— Чубан II ¹⁶
1672	— Махмуд ¹⁷
1682—1688	— Будай II ¹⁸
до 1700	— Муртада-Али I (?) ¹⁹
1712	— Гирай-хан ²⁰
1717—1719	— Умалат (Шубхат-шамхал) ²¹
1719—1725	— Адил-Гирай сын Будайя II ²²
1725—1734	— Время без шамхалов ²³
1734—1757—58	— Хас-Булат сын Адил-Гирая ²⁴
1735	— Илдар II Казанищенский сын Муртада-Али сына Будайя II ²⁵
1744	— Ахмад-хан Дженгутайский ²⁶
1757—58	— Тишсиз-Баммат (Тишнек-Мухаммад) сын Гирая Бамматулинского ²⁷
1757—58	— Махди I сын Муртада-Али сына Будайя II ²⁸
1757—58—1784	— Муртада-Али II сын Махди I ²⁹
1784—1797	— Баммат (Мухаммад) II сын Махди ³⁰
1797—1830	— Махди II сын Баммата II ³¹
1830—1836	— Сулайман-Паша сын Махди II
1836—1860	— Абу-Муслим-хан сын Махди II
1860—1867	— Шамс-уд-Дин сын Абу-Муслим-хана ³²

ИСТОЧНИКИ:

1. Масуди о Кавказе. — В кн.: *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI веков. М., 1963, с. 203.

2. *Лавров Л. И.* Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах. — В кн.: Вопросы истории Дагестана (досоветский период), IV, Махачкала, 1977.

3. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. II, М.: Л., 1941, с. 185, 186.

4. Известие старинного рукописного документа. Сообщил Т. М. Айтберов.

5. *Вучетич Н.* Четыре месяца в Дагестане. Газета «Кавказ», Тифлис, 1864, № 75, надпись 3.

6. *Шихсаидов А. Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана.— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961, с. 148—151; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1, М., 1966, надпись 378; Устное сообщение Т. М. Айтберова о старинном документе.

7. *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 1, надпись 388; *Саидов М.-С.* О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР.— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957, с. 128; *Шихсаидов А. Р.* Распространение ислама в Южном Дагестане в X—XV вв. Там же, т. VI, 1959, с. 158.

8. *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 1, надпись 390.

9. *Бакиханов А.-К.* Гюлистан-ирам.— Труды Общества обследования и изучения Азербайджана, вып. 4. Баку, 1926, с. 88.

10. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, (Труды Восточного отделения имп. Археологического общества, т. XXI), СПб., 1892, с. 2, 27; *Белокуров С.* Сношения России с Кавказом, М., 1889, с. 365—371, 401, 405, 542; Акты времен Лжедмитрия I-го. Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1918, кн. I (264), с. 284; *Гневушев А. М.* Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914, с. 177.

11. *Белокуров С.* Указ. соч., с. 542; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958, с. 55, 60.

12. Русско-дагестанские отношения, с. 76, 80, 82—87, 97—102, 120, 126; Хожене купца Федота Котова в Персию, М., 1958, с. 34.

13. Русско-дагестанские отношения, с. 136, 152; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. I, М., 1957, с. 205. Л. Олеарий Айдемира называет Махмудом сыном Махмуда. См.: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, СПб., 1906, с. 453, 504, 507—510.

14. *Лавров Л. И.* Указ. соч., ч. 1, надпись 427.

15. *Броссе М.* Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг., СПб., 1861, с. 58, 59; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией, т. IV, СПб., 1842, с. 99, 101, 160, 162, 185, 186, 377, 392; Армяно-русские отношения в XVII веке, Ереван, 1953, с. 19, 20, 57.

16. Акты исторические, т. IV, с. 396.

17. *Эвлия Челеби.* Сияхат-намеси. Истамбул, 1928, т. VII, с. 782—784. На турец. яз.

18. *Witsen N.* Noord en oost Tartarye, t. II, Amsterdam, 1705, p. 566; Шамхалы Тарковские.— Сборник сведений о кавказских горцах, вып. I, Тифлис, 1868, с. 58; *Шихсаидов А. Р.* Новые данные..., с. 153.

19. Шамхалы Тарковские, родословная таблица.

20. *Бакиханов А.-К.* Указ. соч., с. 103.

21. Русско-дагестанские отношения, с. 226, 228, 307; История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные документы под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева, М., 1958, с. 45, 58, 73.

22. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.

ч. 1, с. 16, 82; Шамхалы Тарковские, с. 59; Русско-дагестанские отношения, с. 225, 226, 230—232, 235, 237.

23. История, география и этнография Дагестана, с. 71.

24. Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 114, 118, 124; Алкадари Г.-Э. Книга Асари Дагестан.—Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 46. Махачкала, 1929, с. 74—76, 83; Русско-дагестанские отношения, с. 228; Эпитафия на могиле Хас-Булат-Шамхала в сел. Тарки.

25. Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 118; Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 74—76.

26. Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 124; Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 83.

27. Шамхалы Тарковские, с. 60, 61.

28. Там же; Эпитафия на могиле Махди-шамхала в сел. Уллубийаул.

29. Шамхалы Тарковские, с. 61; Эпитафия на могиле Муртада-Али-шамхала в сел. Тарки.

30. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 2. М., 1968, с. 165, 166.

31. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 407, 435; Шамхалы Тарковские, с. 63.

32. Шамхалы Тарковские, с. 63—69.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИД	— Вопросы истории Дагестана
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
СМОИПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
РФ ИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР
ЛОИВ АН СССР	— Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
ЦГИАЛ	— Центральный государственный исторический архив Ленинграда
КК	— Кавказский календарь
ИКОИРГО	— Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества
ЗКОРГО	— Записки Кавказского отдела русского географического общества
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы источниковедения истории Дагестана (Вместо введения)	3
<i>Умаханов М.-С. К.</i> Источники по социальной борьбе в Дагестане (XV—XVIII в.)	13
<i>Гаджиев В. Г.</i> «Перечень доходов шамхалов» (Опыт источниковедческого анализа)	25
<i>Алиев Б. Г.</i> Источники по истории союзов сельских общин Дагестана в XVIII—первой половине XIX вв.	38
<i>Далгат Э. М.</i> Жалобы крестьян как источник для изучения социально-экономических отношений в дагестанском ауле в конце XIX—нач. XX вв.	53
<i>Абдуллаев М. А.</i> «Заря Дагестана» — важный источник по истории культуры и общественно-политической мысли	61
<i>Зульпукарова Э. М.-Г., Далгат Э. М.</i> Аграрный вопрос на страницах дагестанской дореволюционной прессы	78
<i>Кидырниязов Д. С.</i> Архив Кизлярского коменданта — важнейший источник по истории русско-ногайских отношений в XVIII в.	90
<i>Шихсаидова Р. С.</i> Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII—нач. XIX вв.	96
<i>Шихсаидов А. Р.</i> Закарийа ал-Казвини о Дагестане	105
<i>Айтберов Т. М.</i> Два кайтагских документа XV—XVI вв.	117
Состояние и проблемы генеологии Дагестана	122
<i>Лавров Л. И.</i> Эмиры Дербента. Шамхалы Казикумухские и Тарковские	126
Список сокращений	133

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ДОСОВЕТСКОГО ДАГЕСТАНА

Сборник статей

Редактор *Е. В. Сливак*
Художник *Р. Гаджиханова*
Технический редактор *Н. Жукова*

Н/К

Сдано в набор 11.03.87. Подписано к печати 30.04.87. С 01541.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печать высокая.
Гарнитура «Литературная». Усл. п. л. 8,5. Уч.-изд. л. 8,7.
Тираж 500 экз. Заказ 228. Цена 70 коп.

Дагестанский филиал АН СССР
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10